

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Пензенский государственный университет
архитектуры и строительства»
(ПГУАС)

Е.М. Каргина

ТЕОРИЯ ПЕРЕВОДА

Часть 2

ОСНОВЫ МЕТОДОЛОГИИ И ТЕХНИКИ ПЕРЕВОДА

Рекомендовано Редсоветом университета
в качестве учебного пособия для студентов,
обучающихся по направлениям 08.03.01 «Строительство»,
38.03.02 «Менеджмент», 38.03.01 «Экономика»

Пенза 2014

УДК 811.112.2: 629
ББК 81.2 Нем.
К18

Рецензенты: кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры «Естественно-научные и гуманитарные дисциплины» ПФ НОУ ВПО «Академия МНЭПУ» Ильина Ж.В.; кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры «Иностранные языки» ФГБОУ ВПО «Пензенский государственный университет архитектуры и строительства» Горбунова В.С.

Каргина Е.М.
К18 Теория перевода. Ч. 2. Основы методологии и техники перевода: учеб. пособие по немецкому языку / Е.М. Каргина. – Пенза: ПГУАС, 2014. – 156 с.

Представляет собой учебный комплекс из двух логически взаимосвязанных частей. Основной задачей теоретического материала части 2 является ознакомление студентов с основами методологии и техники перевода. Рассматриваются нормативные аспекты перевода, переводческие соответствия, прагматика перевода. Анализируются способы описания процесса перевода, основные принципы техники перевода. Представлены приемы перевода на основе системных эквивалентных соответствий, переводческие трансформации, приемы передачи безэквивалентных номинаций. Дается анализ проблем перевода научно-технической литературы, принципов работы со словарями, вопросов этики переводчика.

Часть 2 пособия содержит краткий словарь переводческих терминов.

Подготовлено на кафедре иностранных языков для студентов, обучающихся по направлениям 08.03.01 «Строительство», 38.03.02 «Менеджмент», 38.03.01 «Экономика», магистрантов и аспирантов, а также для студентов, получающих дополнительное (к высшему) образование по направлению подготовки «Переводчик в сфере профессиональной коммуникации».

© Пензенский государственный университет
архитектуры и строительства, 2014
© Каргина Е.М., 2014

ПРЕДИСЛОВИЕ

Социальные, экономические, политические инновации вызывают к жизни изменения в характере и функции перевода. Изменился характер и жанр переводимой литературы. На смену теологической и философской литературе пришла деловая проза и труды по естественным наукам и технике. В центре внимания находится профессиональная коммуникация и перевод специализированных научных конференций. Появляются новые виды перевода.

Для создания квалифицированного межъязыкового перевода необходимо принимать во внимание ряд факторов: совокупность лингвистических (грамматических, лексических, текстологических) факторов оригинала и перевода, особенности автора исходного сообщения и получателей этого сообщения, их знания, опыт, особенности восприятия людей, которым предназначается перевод, особенности времени культуры, а также культурологические особенности переводимых текстов.

Теория перевода рассматривает перевод в широких рамках межъязыковой коммуникации и изучает все ее аспекты и определяющие факторы, такие как собственно языковые, так и внешние по отношению к языку и прямо или косвенно влияющие на выбор языковых единиц. Широкий спектр вопросов, затрагиваемых теорией перевода, находит выражение в разнообразных подходах к пониманию и изучению перевода.

Пособие ставит целью передать студентам знания в области теории перевода, рассказать о месте перевода в общественной практике, о проблемах его теории и практики и создать, таким образом, необходимую теоретическую базу для квалифицированного и эффективного анализа текста.

Данное пособие предназначено для студентов, магистрантов и аспирантов, обучающихся по направлениям подготовки ВПО, реализуемым в вузе, а также для студентов, получающих дополнительное (к высшему) образование по направлению подготовки «Переводчик в сфере профессиональной коммуникации».

ВВЕДЕНИЕ

В соответствии с современными реалиями наша эпоха наряду с другими эпитетами получила название «эпоха перевода», что связано с небывалым ростом информации, быстрым распространением и потреблением которой человечество обязано переводам. Многие люди, не являющиеся специалистами-переводчиками, вовлечены в переводческую деятельность. Знание основ теории, границ, возможностей и основных приемов перевода становится элементом общего образования человека. На сегодняшний день, когда требования к кругозору и эрудиции переводчика многократно возрастают, данный «элемент общего образования» как никогда необходим всем изучающим иностранный язык.

Глобальные изменения в обществе, как в России, так во всем мире, привели к изменению роли иностранного языка в системе образования. Иностранный язык стал базовым элементом современной системы образования, средством достижения профессиональной самореализации личности. Технический прогресс и связанные с ним международные отношения требуют от выпускников технических вузов теоретических знаний и практических навыков в области перевода, анализа, реферирования и аннотирования текстов и документации.

Изучение иностранных языков является необходимой и неотъемлемой составной частью общеобразовательной профессиональной подготовки научных и научно-педагогических кадров. Это обусловлено интернационализацией научного общения, развитием сотрудничества специалистов и ученых на глобальном уровне и расширением сферы научного дискурса в современной коммуникации. Знание иностранного языка облегчает доступ к научной информации, использование ресурсов Интернета, помогает налаживанию международных научных контактов и расширяет возможности повышения профессионального уровня ученого.

Актуальность содержания данного пособия обусловлена тем фактом, что теория перевода нужна и обучающемуся переводу, и начинающему переводчику, и переводчику-профессионалу и обучающему переводу. По словам Л.С. Бархударова: «Перевод как учебная дисциплина не может существовать без теории, так как без теоретических обобщений преподавание сводится к трудно контролируемому развитию интуиции, а в худшем случае – к натаскиванию¹». Профессиональный переводчик сможет плодотворней использовать передовой опыт в своей области и развивать свое мастерство, если он овладел методом критического анализа перевода.

Учебное пособие содержит тематический материал по курсу «Теория перевода». Пособие состоит из двух частей, каждая из которых содержит

¹ Бархударов, Л.С. Язык и перевод. М., 1975.

предисловие, введение, последовательно изложенный тематический материал, заключение, приложения.

Часть I – «Теория перевода: научно-понятийная и концептуальная основа» состоит из 10 тематических разделов. Основной задачей теоретического материала данной части является ознакомление студентов с проблематикой курса теории перевода. Рассматриваются предпосылки возникновения науки о переводе и основы развития современной теории перевода. Представлена понятийная основа теории перевода, сущность процесса перевода. Анализируются следующие темы: междисциплинарный характер теории перевода; объект и предмет современной теории перевода; системный подход к изучению перевода; единицы перевода; основные категории теории перевода: эквивалентность и адекватность; основные виды перевода. Последовательно изложенный теоретический материал первой части пособия «Теория перевода» готовит студентов к восприятию основ методологии перевода, представленных во второй части пособия.

Практическая деятельность переводчиков и исследования в области перевода дают возможность постоянно пополнять и совершенствовать теорию перевода, что способствует появлению различных концепций и системных положений в области теории перевода, анализ которых представлен в первой части настоящего пособия.

Часть II – «Теория перевода: основы методологии и техники перевода» состоит из 10 тематических разделов. Основной задачей теоретического материала данной части является ознакомление студентов с теоретико-методологическими проблемами курса теории перевода. Рассматриваются нормативные аспекты перевода, переводческие соответствия, прагматика перевода. Анализируются способы описания процесса перевода, основные принципы техники перевода. Представлены приемы перевода на основе системных эквивалентных соответствий (типология переводческих эквивалентов), переводческие трансформации (трансформационный перевод), приемы передачи безэквивалентных номинаций. Дается анализ проблем перевода научно-технической литературы, принципов работы со словарями. В заключение рассматриваются вопросы этики переводчика, в частности: моральные принципы переводчика; нормы профессионального поведения переводчика; профессиональная пригодность и профессиональные требования; правовой и общественный статус переводчика.

Во II части пособия представлен краткий словарь переводческих терминов.

Рекомендуется изучение тем в предложенной в пособии последовательности, так как учебный материал организован по принципу увеличения трудности и постепенному детализированию информации.

Тема 1. НОРМАТИВНЫЕ АСПЕКТЫ ПЕРЕВОДА

Общая теория перевода раскрывает понятие переводческой нормы, на основе которой производится оценка качества перевода. Лингвистика перевода включает как теоретические (дескриптивные), так и нормативные (прескриптивные) разделы. Теоретические разделы лингвистики перевода (т.е. лингвистическая теория перевода) исследуют перевод как средство межкультурной коммуникации, как объективно наблюдаемое явление, которое можно описывать и объяснять. В нормативных разделах лингвистики перевода на основе теоретического изучения перевода формулируются практические рекомендации, направленные на оптимизацию переводческого процесса, облегчение и повышение качества труда переводчика, разработку методов оценки переводов и методики обучения будущих переводчиков.

Для сознательного и правильного выполнения своих функций переводчик должен ясно представлять себе цель своей деятельности и пути достижения этой цели. Такое понимание основывается на глубоком знакомстве с основами теории перевода, как общей, так и специальной и частной, применительно к той области и комбинации языков, с которыми имеет дело переводчик. Оно предполагает знание системы соответствий между этими языками, приемов и методов перевода, умение выбрать необходимое соответствие и применить наиболее эффективный прием перевода в соответствии с условиями конкретного контекста, учет прагматических факторов, влияющих на ход и результат переводческого процесса.

Для обеспечения высокого качества перевода переводчик должен уметь сопоставлять текст перевода с оригиналом, оценивать и классифицировать возможные ошибки, вносить необходимые коррективы. Оценкой качества перевода, выявлением и классификацией ошибок занимается и большое число лиц, анализирующих результаты переводческого труда: редакторы, критики, заказчики, преподаватели перевода и т.п. Практические рекомендации переводчику и оценка перевода взаимосвязаны и взаимообусловлены. Если переводчик должен выполнять какие-то требования, то оценка результатов его работы определяется тем, насколько полно и успешно он выполнил эти требования. Как сам переводчик, так и другие лица, оценивающие качество перевода, прямо или косвенно исходят из посылки, что правильный перевод должен отвечать определенным требованиям. Совокупность требований, предъявляемых к качеству перевода, называется нормой перевода. Качество перевода определяется степенью его соответствия переводческой норме и характером невольных или сознательных отклонений от этой нормы.

Нормативные требования формулируются в виде принципов или правил перевода. Нормативные положения могут быть общими или частными,

охватывать отдельные, частные случаи или относиться к определенному типу переводов или к переводу вообще. Они могут формулироваться в виде единого правила или сопровождаться указаниями на условия, в которых это правило применимо, или на большее или меньшее число случаев его неприменимости (исключений из правил). Сравним, например, разную степень обобщенности таких нормативных рекомендаций, как правила передачи безэквивалентной лексики, правила передачи имен собственных, правила передачи индейских имен типа Хитрая лисица, Великий змей и правило о сохранении в переводе традиционных имен королей: Людовик, Генрих, Карл и пр. В каждом случае нормативные рекомендации распространяются на определенный круг явлений.

Результаты процесса перевода (качество перевода) обуславливаются степенью смысловой близости перевода оригиналу, жанрово-стилистической принадлежностью текстов оригинала и перевода, прагматическими факторами, влияющими на выбор варианта перевода. Все эти аспекты перевода носят непосредственно нормативный характер, определяют стратегию переводчика и критерии оценки его труда. Понятие нормы перевода включает требование нормативного использования переводчиком языка перевода, а также необходимость соответствия результатов переводческого процесса общепринятым взглядам на цели и задачи переводческой деятельности, которыми руководствуются переводчики в определенный исторический период. Таким образом, норма перевода складывается в результате взаимодействия пяти различных видов нормативных требований:

- нормы эквивалентности перевода;
- жанрово-стилистической нормы перевода;
- нормы переводческой речи;
- прагматической нормы перевода;
- конвенциональной нормы перевода.

Эквивалентность содержания оригинала и перевода выступает в качестве основы их коммуникативной равноценности, предполагаемое наличие которой делает данный текст переводом. Норма эквивалентности перевода не является неизменным параметром. Она означает необходимость возможно большей общности содержания оригинала и перевода, но лишь в пределах, совместимых с другими нормативными требованиями, обеспечивающими адекватность перевода. В каждом конкретном случае тип эквивалентности определяется как соотношением единиц ИЯ и ПЯ, так и учетом прагматических факторов, воздействующих на акт перевода. Нарушение нормы эквивалентности может быть абсолютным, когда перевод признается неэквивалентным, не передающим содержание оригинала хотя бы на самом низком уровне, или относительным, если установлено, что остальные нормативные требования могли быть выполнены и на более высоком уровне эквивалентности, чем тот, который был реально достигнут в переводе. В первом случае перевод должен быть признан неудовлетвори-

тельным, а во втором – может считаться вполне приемлемым в том случае, если максимально возможная смысловая близость не обязательна для успешной межъязыковой коммуникации.

Жанрово-стилистическую норму перевода можно определить как требование соответствия перевода доминантной функции и стилистическим особенностям типа текста, к которому принадлежит перевод. Выбор такого типа определяется характером оригинала, а стилистические требования, которым должен отвечать перевод – это нормативные правила, характеризующие тексты аналогичного типа в языке перевода. Жанрово-стилистическая норма во многом определяет как необходимый уровень эквивалентности, так и доминантную функцию, обеспечение которой составляет основную задачу переводчика и главный критерий оценки качества его работы. Следует подчеркнуть, что подобно тому, как нормы правильной речи могут устанавливаться лишь с учетом стилистической и социолингвистической дифференциации языка, так и нормативные требования к качеству перевода имеют смысл лишь по отношению к определенному типу текстов и определенным условиям переводческой деятельности. Было бы принципиально неверным пользоваться одинаковыми критериями для оценки перевода бульварного романа и высокохудожественного литературного произведения, перевода оперного либретто и патентного свидетельства. Практически критика переводов, главным образом, основывается на интуитивном представлении о жанрово-стилистической норме. Перевод художественного произведения оценивается по его литературным достоинствам, технический перевод – по терминологической правильности, обеспечивающей понимание сути дела и возможность использования текста перевода в технической практике, перевод рекламы – по ее действенности и т.п.

Текст перевода – это речевое произведение на ПЯ, и для него обязательны правила нормы и узуса этого языка. Однако эти правила неодинаковы для всех случаев функционирования языка. Они варьируются как в различных функциональных стилях, так и в зависимости от разновидности общелитературного языка. Среди последних обычно различают язык разговорной речи (неформального общения) и язык художественной литературы. В лингвистической литературе высказывалось мнение, что особую разновидность языка составляет и язык науки. «Вторичность» переводных текстов, их ориентированность на иноязычный оригинал выделяет такие тексты среди прочих речевых произведений на том же языке. Совокупность переводных текстов какого-либо языка составляет особую разновидность этого языка, пересекающую его функциональные стили и иные разновидности. Ориентированность на оригинал неизбежно модифицирует характер использования языковых средств, приводит к «расшатыванию» (другими словами, к развитию) языковой нормы и особенно узуса. Контакт двух языков в процессе перевода неизбежно ведет к более широкому использованию аналогичных форм, к относительному уподоблению языко-

вых средств. Многие слова, словосочетания, способы описания ситуации оказываются сначала характерными для языка переводов, и лишь потом частично проникают и в язык оригинальных произведений или становятся в нем столь же узуальными. Таким образом, норму переводческой речи можно определить как требование соблюдать правила нормы и узуса ИЯ с учетом узуальных особенностей переводных текстов на этом языке. Эти особенности реализуются переводчиками интуитивно в их практической деятельности.

Прагматическую норму перевода можно определить как требование обеспечения прагматической ценности перевода. Она не является "нормой" в полном смысле этого слова, так как прагматическая сверхзадача переводческого акта может быть индивидуальной и не свойственной переводу вообще. Однако модификация результатов процесса перевода в прагматических целях – достаточно распространенное явление, без учета которого невозможна нормативная оценка переводов. Стремление выполнить конкретную прагматическую задачу – это своего рода суперфункция, подчиняющая все остальные аспекты переводческой нормы. Решая такую задачу, переводчик может отказаться от максимально возможной эквивалентности, перевести оригинал лишь частично, изменить при переводе жанровую принадлежность текста, воспроизвести какие-то формальные особенности перевода, нарушая норму или узус ПЯ, и т.п. Прагматические условия переводческого акта могут сделать вынужденным полный или частичный отказ от соблюдения нормы перевода, заменить фактически перевод пересказом, рефератом или каким-либо иным видом передачи содержания оригинала, не претендующим на его всестороннюю репрезентацию.

Следует учитывать, что в языковом коллективе на определенном историческом этапе могут существовать строго определенные взгляды на цели и задачи перевода и пути достижения этих целей. В отдельные периоды истории перевода попеременно господствовали требования буквального следования оригиналу, «улучшения» оригинала при переводе («исправительного перевода»), «свободы» переводчика по отношению к оригиналу, который признавался принципиально «непереводимым» и т.п.

Раньше переводы религиозных текстов отражали преклонение переводчиков не только перед смыслом, но и перед буквой оригинала. И в наши дни требования к переводчику Библии включают «непонятность» перевода с целью обеспечить необходимое воздействие на верующих. В XVIII веке французские переводчики считали своей главной задачей перекраивать оригинал при переводе, приближая его к требованиям «хорошего вкуса». Без такой переделки переводы были бы неприемлемы для критики и читателей. Другими словами, в определенные периоды развития общества нормой становились нарушения различных аспектов переводческой нормы. Понятно, что в любой исторический период нормативные требования к пе-

реводу формулировались на основе этой своеобразной «конвенциональной нормы».

В настоящее время конвенциональную норму перевода можно определить как требование максимальной близости перевода к оригиналу, его способность полноценно заменять оригинал как в целом, так и в деталях, выполняя задачи, ради которых перевод был осуществлен. Практически это требование реализуется путем выполнения всех или некоторых из указанных аспектов переводческой нормы.

В практическом плане между различными аспектами нормы перевода существует определенная иерархия. Переводчик и пользующиеся переводом прежде всего обращают внимание на прагматическую ценность перевода, на успешность решения прагматической «сверхзадачи», если подобная задача была поставлена перед данным переводческим актом. Существование прагматической сверхзадачи – явление не столь уж частое, и во многих случаях требования прагматической нормы удовлетворяются путем обеспечения достаточно высокого уровня эквивалентности перевода.

Что касается нормы переводческой речи, то, как уже указывалось, оценка выполнения ее требований во многом определяется жанрово-стилистической принадлежностью текста перевода и предполагается, что переводчик в совершенстве владеет тем типом речи, который характерен для сферы его деятельности.

У многих профессиональных переводчиков, специализирующихся на переводах материалов определенного типа, жанрово-стилистическая норма также оказывается заданной для большинства выполняемых переводов и не требует каждый раз заново анализировать стилистические особенности оригинала.

Конвенциональная норма перевода остается неизменной на протяжении длительного периода времени и определяет общий подход переводчика к своей работе, степень его стремления к достижению максимальной эквивалентности.

И, наконец, норма эквивалентности представляет собой конечное нормативное требование, которое должно выполняться при условии соблюдения всех остальных аспектов переводческой нормы. Несомненно, полнота передачи содержания оригинала в переводе является важнейшей характеристикой межкультурной коммуникации, норма эквивалентности – это наиболее «собственно переводческое» нормативное требование к переводу. Она полностью определяется лингвистическими факторами, и степень ее соблюдения может быть установлена с максимальной объективностью. Эквивалентность перевода оригиналу является и наиболее объективным критерием для характеристики результатов деятельности переводчика. Как следствие, именно этот критерий широко используется и при редактировании профессиональных переводов, и в процессе обучения будущих переводчиков.

Таким образом, соблюдение всех нормативных правил, кроме нормы эквивалентности, носит более общий характер и является чем-то само собой разумеющимся, а степень верности оригиналу оказывается той переменной величиной, которая в наибольшей степени определяет уровень профессиональной квалификации переводчика и оценку качества каждого отдельного перевода.

Как уже отмечалось, семантико-трансформационная модель перевода использует хорошо известную в языкознании процедуру компонентного анализа, с помощью которого значения языковых единиц могут быть расчленены на элементарные смыслы. Эту процедуру можно применить и для общей характеристики качества перевода. Напомним, что в эквивалентном переводе воспроизводится та часть элементарных смыслов, которая релевантна для данного сообщения. Кроме того, могут появиться дополнительные элементарные смыслы, обусловленные структурой ПЯ.

Эквивалентность содержания оригинала и перевода будет тем больше, чем больше элементарных смыслов будет в них совпадать. В то же время далеко не все элементарные смыслы в оригинале оказываются релевантными (коммуникативно значимыми) для сообщения, а утрата нерелевантных смыслов не делает перевод неэквивалентным. Буквальным переводом будет перевод, воспроизводящий нерелевантные элементарные смыслы оригинала при нарушении норм русского языка: *Я совершил прибытие в прошлом в момент, предшествующий другому моменту или действию в прошлом*. В свободном переводе элементарные смыслы оригинала будут не переданы или изменены и будут добавлены необязательные дополнительные смыслы. При таком подходе буквальный перевод непонятен и неприемлем, а свободный перевод неоправданно отходит от оригинала.

Непосредственно связано с оценкой качества перевода и определение единицы перевода как минимальной языковой единицы текста оригинала, которая переводится как единое целое, в том смысле, что ей может быть подыскано соответствие в тексте перевода, но нельзя обнаружить в переводе единиц ПЯ, воспроизводящих значение составных частей данной единицы, если таковые у нее имеются. Иначе говоря, такие единицы имеют в ПЯ соответствия, но их части, по отдельности взятые, «непереводимы», т.е. в тексте перевода им никаких соответствий установить нельзя, даже если в ИЯ эти части обладают своим собственным, относительно самостоятельным значением. Выделение таких единиц непосредственно связано с качеством перевода, поскольку попытка переводчика перевести отдельные элементы, входящие в более крупное целое с единым значением, нарушает эквивалентность перевода. Поскольку, как известно, переводческие соответствия можно обнаружить по отношению к единицам любого уровня языковой системы, единицы перевода этого типа также могут классифицироваться по их принадлежности к определенному уровню языка. Выбор переводческих соответствий должен осуществляться на уровне тех

единиц ИЯ, которые составляют отдельные единицы перевода и должны переводиться как единое целое. При нарушении этого требования перевод оказывается неэквивалентным.

Отсюда следует, что эквивалентным переводом является перевод, осуществленный на уровне единиц перевода оригинала в указанном смысле, т.е. такой перевод, в котором с помощью соответствий переданы именно те и только те единицы ИЯ разных уровней, чьи значения должны воспроизводиться в переводе как единое целое. Это предполагает умение переводчика выделять в тексте перевода единицы ИЯ, выступающие в качестве единиц перевода.

При таком подходе буквальным переводом будет перевод, осуществленный на более низком уровне языковой иерархии, чем тот, к какому принадлежит данная единица перевода в оригинале.

При буквальном переводе либо искажается содержащаяся в оригинале информация, либо нарушаются нормы ПЯ, либо имеет место и то и другое. Буквальный перевод по определению неэквивалентен, отдельные элементы буквализма в эквивалентных в целом переводах встречаются на практике довольно часто, но должны рассматриваться как переводческие ошибки.

Тема 2. ПЕРЕВОДЧЕСКИЕ СООТВЕТСТВИЯ

Стремление к максимальной смысловой и структурной близости перевода к оригиналу приводит к тому, что эквивалентными оказываются не только тексты, объединяемые в процессе перевода, но и отдельные высказывания в этих текстах, и не только соотнесенные высказывания, но и составляющие их единицы ИЯ и ПЯ. Использование определенной единицы ПЯ для перевода данной единицы ИЯ не является случайным. Обе единицы обладают относительно стабильным значением, и то, что одна из них может заменить другую в процессе перевода, свидетельствует о значительной общности их значений. Подобная общность и создает предпосылки для установления между ними отношений переводческой эквивалентности, т.е. для регулярного использования одной из них в качестве перевода другой. Единица ПЯ, регулярно используемая для перевода данной единицы ИЯ, называется переводческим соответствием.

Частные теории перевода изучают системы переводческих соответствий в разных языках по отношению к единицам данного языка или системы переводческих соответствий в данном языке по отношению к другим языкам. Поскольку речь идет о соотношении между единицами языков, для каждой пары языков существует свой набор соответствий и, следовательно, своя частная теория перевода. Единицы одного языка, имеющие в качестве переводческих соответствий некоторые единицы другого языка, не всегда будут, в свою очередь, соответствиями этих последних, если данный язык будет использован как ПЯ, т.е. перевод будет осуществлен в обратную сторону. Иными словами, переводческие соответствия не полностью обратимы, и в пределах каждой частной теории перевода отдельно изучаются отношения языковых единиц при переводе на каждый из двух языков.

Переводческие соответствия выступают в качестве коммуникативно равноценных единицам ИЯ, поэтому близость значений единиц ИЯ и ПЯ является лишь предпосылкой для возникновения переводческого соответствия, но недостаточным условием этого. Отношения эквивалентности устанавливаются при переводе не между изолированными языковыми единицами, а между единицами ИЯ и ПЯ, выступающими в составе речевых высказываний. Их способность быть коммуникативно равноценными определяется не только тем значением, которым они обладают в системе своего языка, но и особенностями их употребления в речи. Поэтому переводческие соответствия нельзя обнаружить, пытаясь сопоставлять единицы, занимающие аналогичное место в системах двух языков, участвующих в процессе перевода, а необходимо извлекать из коммуникативно равноценных высказываний, объединяемых при переводе. Это и достигается при сопоставительном анализе переводов, в ходе которого в большом числе

оригиналов и их переводов обнаруживаются единицы ИЯ и ПЯ, приравняемые друг к другу в процессе перевода.

В практических целях в рамках частной теории перевода особенно подробно рассматриваются вопросы перевода таких единиц словарного состава и грамматического строя ИЯ, выбор соответствий для которых связан с особыми трудностями. Так, при сопоставлении текстов немецко-русских переводов с их оригиналами обнаруживается значительный параллелизм в употреблении таких частей речи, как числительные и прилагательные, и поэтому способы их передачи в переводе детально не описываются. Напротив, весьма подробно рассматриваются русские соответствия различным категориям немецкого глагола и глагольным словосочетаниям (синтаксическим комплексам).

Происходит выделение переводчески релевантных явлений в системе языка оригинала. Это выделение производится, исходя из характера соответствий в ПЯ, применяемых при переводе выделяемых единиц. Отсюда следует, что совокупность переводчески релевантных явлений в любом исходном языке будет каждый раз иной при изменении ПЯ, в отношении которого эти явления выделяются. Для каждой пары языков существует свой набор переводческих трудностей.

В качестве исходного пункта анализа берутся, как правило, единицы ИЯ, для которых отыскиваются соответствия в ПЯ. В принципе такие соответствия можно обнаружить для единиц ИЯ на любом уровне языковой системы: от фонемы до предложения.

При пословном переводе не предполагается абсолютного соответствия всем элементам оригинала, поскольку в русском переводе, как правило, нет прямых эквивалентов немецким артиклям и некоторым служебным и вспомогательным словам. Чаще всего пословные соответствия обнаруживаются лишь для некоторых слов оригинала, а остальные соответствия устанавливаются на иных уровнях.

Основное внимание при описании системы переводческих соответствий уделяется соответствиям лексических, фразеологических и грамматических единиц ИЯ, обладающих стабильным значением, которое реализуется в большом числе высказываний. Как правило, в качестве соответствия выступает единица ПЯ того же уровня. Однако речевые высказывания строятся на основе взаимодействия единиц разного уровня, и в процессе перевода не предопределяется заранее, средствами какого уровня будет передаваться в переводе данная единица оригинала. Поэтому принципиально возможны и фактически нередки случаи межуровневых переводческих соответствий.

В пределах одного уровня в качестве соответствий могут выступать как единицы, занимающие в системе ПЯ место, аналогичное замещаемым единицам оригинала, так и иные единицы этого уровня. В словарном составе немецкого и русского языков имеются слова как с более общим зна-

чением, так и с более конкретным значением. Однако, если рассматривать эти же слова с точки зрения их употребления в речи, то окажется, что слова с общим значением гораздо более употребительны в немецком языке, чем в русском.

Регулярные соответствия классифицируются по характеру отношения к переводимой единице ИЯ и по принадлежности исходной единицы и ее соответствия к определенному уровню ИЯ. По первому признаку соответствия делятся на единичные (постоянные) соответствия и множественные (вариантные) соответствия. По второму признаку – на лексические, фразеологические и грамматические. Как было уже указано, в необходимых случаях описываются также и межуровневые соответствия. Фонемные и морфемные соответствия рассматриваются в составе единиц более высокого уровня. Соответствия на уровне предложения либо включаются во фразеологические, либо рассматриваются как речевые штампы и задаются списком.

Единичное соответствие – это наиболее устойчивый постоянный способ перевода данной единицы ИЯ, используемый во всех (или почти во всех) случаях ее появления в оригинале и в этом смысле относительно независимый от контекста. Являясь постоянным эквивалентом переводимой единицы, единичное соответствие наиболее полно воспроизводит ее значение. Единичные соответствия имеются, главным образом, у терминов, собственных имен, географических названий, а также у некоторых обиходных слов и словосочетаний:

Единичное соответствие может быть у всего слова в целом или у слова в одном из его значений.

Множественное соответствие – это несколько регулярных способов перевода данной единицы ИЯ, выбор между которыми определяется условиями контекста. В этих случаях каждое из вариантных соответствий лишь частично передает значение исходной единицы, аналогичной ей по значению.

Деление соответствий на постоянные и варианты применимо, главным образом, к лексическим и фразеологическим соответствиям. Иной характер носят соответствия грамматическим единицам оригинала. Грамматические значения имеют обобщенный характер и информация, которую они содержат, конкретизируется и тесно взаимодействует со значениями лексических единиц, получающих соответствующее грамматическое оформление. Выбор грамматической формы в переводе нередко определяется не грамматическими единицами оригинала, а организацией передаваемой информации в высказывании в целом. Поэтому для грамматических единиц ИЯ не обнаруживается единичных соответствий, которые постоянно или хотя бы в большинстве случаев использовались в переводе, когда в оригинале появляется данная единица. Множественные соответствия грамматическим единицам ИЯ также отличаются от лексических вари-

антных соответствий. Среди них следует различать однотипные (однотипные) и разнотипные соответствия. Однотипные соответствия одинаково определяются в ИЯ и ПЯ, имеют аналогичное название и обладают аналогичным грамматическим значением в обоих языках. При использовании однотипного соответствия значение данной грамматической единицы оригинала передается в переводе с наибольшей полнотой. Такого рода соответствия обнаруживаются, главным образом, в языках, где, в основном, совпадают принципы выделения грамматических категорий. Таковы немецкое и русское существительное, немецкая и русская категория числа и т.д.

Синонимичные грамматические единицы в ИЯ и ПЯ образуют отношения взаимной эквивалентности, когда у данной единицы ИЯ одинаково часто обнаруживаются как однотипные, так и разнотипные соответствия.

Описание соответствий в рамках частной теории перевода не предполагает механической подстановки соответствия вместо переводимой единицы оригинала. Понятие соответствия тесно связано с понятием лингвистического и ситуативного контекста, который определяет выбор того или иного соответствия при переводе или отказ от использования известных соответствий и необходимость поиска иных способов перевода. Под лингвистическим контекстом понимается языковое окружение, в котором употребляется та или иная единица языка в тексте. Контекстом слова является совокупность слов, грамматических форм и конструкций, в окружении которых использовано данное слово. Различается узкий контекст (микрконтекст) и широкий контекст (макрконтекст). Под узким контекстом имеется в виду контекст словосочетания или предложения, т.е. языковые единицы, составляющие окружение данной единицы в пределах предложения. Под широким контекстом имеется в виду языковое окружение данной единицы, выходящее за рамки предложения; это – текстовый контекст, т.е. совокупность языковых единиц в смежных предложениях. Точные рамки широкого контекста указать нельзя – это может быть контекст группы предложений, абзаца, главы или даже всего произведения (например, рассказа или романа) в целом. Узкий контекст, в свою очередь, можно разделить на контекст синтаксический и лексический. Синтаксический контекст – это та синтаксическая конструкция, в которой употребляется данное слово, словосочетание или придаточное предложение. Лексический контекст – это совокупность лексических единиц, слов и устойчивых словосочетаний, в окружении которых используется данная единица.

Ситуативный (экстралингвистический) контекст включает обстановку, время и место, к которому относится высказывание, а также любые факты реальной действительности, знание которых помогает рецептору (и переводчику) правильно интерпретировать значения языковых единиц в высказывании.

Использование переводческих соответствий всегда предполагает учет контекста, в котором употреблены переводимые единицы оригинала. Соответствия – это единицы ПЯ, близкие по значению единицам ИЯ, и поэтому прежде всего необходимо установить, в каком значении выступает в оригинале данная единица. Большинство языковых единиц многозначно, но в контексте они, как правило, выступают в каком-то одном из потенциально возможных своих значений. Сопоставление потенциальных значений совместно употребленных языковых единиц позволяет определить то значение, в котором каждая из них используется в данном высказывании. Обычно это оказывается возможным уже в пределах узкого контекста.

Уяснение значения слова в контексте дает возможность найти ему в ПЯ постоянное соответствие или ряд вариантных соответствий, из которых нужно будет сделать выбор при переводе. И для этого выбора вновь понадобится обращаться к лингвистическому и ситуативному контексту.

Перевод при помощи выбора одного из нескольких частичных соответствий является весьма распространенным способом перевода. Мастерство переводчика в значительной степени заключается в умении отыскать ряд соответствий единице оригинала и выбрать из этого ряда вариант, наиболее подходящий по условиям контекста. Однако существование у единицы ИЯ одного или нескольких переводческих соответствий не означает обязательного появления таких соответствий в любом переводе, если в оригинале использована данная единица. В ряде случаев условия употребления языковой единицы в контексте вынуждают переводчика отказаться от использования регулярного соответствия и найти вариант перевода, наиболее точно передающий значение единицы ИЯ в данном контексте. Нерегулярный, исключительный способ перевода единицы оригинала, пригодный лишь для данного контекста, называется окказиональным соответствием или контекстуальной заменой.

Условия контекста могут побудить переводчика отказаться в переводе даже от применения единичного соответствия. Так, географические названия имеют постоянные соответствия, которые, как правило, создаются имитацией в переводе звучания иноязычного названия.

Отдельные соответствия используются в переводе с большей или меньшей регулярностью, и знание таких соответствий помогает переводчику решить, следует ли их применить в данном конкретном случае или более целесообразно прибегнуть к контекстуальной замене.

Сопоставительный анализ переводов обнаруживает, наряду с языковыми единицами ИЯ, имеющими единичные или множественные соответствия в ПЯ, и такие лексические и грамматические единицы, для которых в ПЯ нет прямых соответствий. Единицы ИЯ, которые не имеют регулярных соответствий в языке перевода, называются безэквивалентными.

Безэквивалентная лексика обнаруживается, главным образом, среди неологизмов, среди слов, называющих специфические понятия и нацио-

нальные реалии, и среди малоизвестных имен и названий, для которых приходится создавать окказиональные соответствия в процессе перевода.

Безэквивалентными грамматическими единицами могут быть как отдельные морфологические формы и части речи, так и синтаксические структуры. Как и соответствия, безэквивалентные единицы выявляются только по отношению к одному из пары анализируемых языков. Единица ИЯ, безэквивалентная по отношению к данному ПЯ, может иметь регулярные соответствия в других языках.

Наличие безэквивалентных единиц не означает, что их значение не может быть передано в переводе или что они переводятся с меньшей точностью, чем единицы, имеющие прямые соответствия. Соответствия могут лишь частично совпадать по значению с переводимой единицей и что нередко при переводе используются контекстуальные замены даже при наличии регулярных соответствий. Аналогичным образом, при переводе безэквивалентной единицы переводчик тем или иным способом создает окказиональное соответствие. В области перевода безэквивалентной лексики применяются следующие типы окказиональных соответствий:

1. Соответствия – заимствования, воспроизводящие в ПЯ форму иноязычного слова. Такие соответствия создаются с помощью переводческой транскрипции или транслитерации. Во многих случаях окказиональные соответствия, созданные подобным образом, могут закрепиться в ПЯ и регулярно использоваться при переводе соответствующих слов.

2. Соответствия – кальки, воспроизводящие морфемный состав слова или составные части устойчивого словосочетания в ИЯ. Многие соответствия, созданные путем калькирования, широко распространяются в переводческой практике, а затем начинают использоваться и в непереводаемых материалах на ПЯ. В результате соответствующие единицы ИЯ выходят из разряда безэквивалентных, приобретая постоянные соответствия.

3. Соответствия – аналоги, создаваемые путем подбора ближайшей по значению единицы ПЯ для безэквивалентной единицы ИЯ. Как и во многих других случаях применения окказиональных соответствий, близость значений эквивалентных единиц в оригинале и переводе здесь далеко не полная, и подобный перевод применим лишь в определенном контексте.

4. Соответствия – лексические замены, создаваемые при передаче значения безэквивалентного слова в контексте с помощью одного из видов переводческих трансформаций, которые лингвистическая теория использует при описании процесса перевода. При этом окказиональное соответствие создается путем семантических преобразований значения безэквивалентного слова.

5. В случае невозможности создать соответствие указанными выше способами для перевода безэквивалентного слова используется описание, раскрывающее значение безэквивалентного слова при помощи развернутого словосочетания. Нередко использование транскрипции или кальки для

перевода безэквивалентного слова сопровождается описанием значения этого слова в специальном примечании или сноске. Это дает возможность сочетать краткость и экономность средств выражения, свойственные транскрипции и калькированию, с обеспечением полного понимания окказионального соответствия рецептором перевода. Разъяснив однажды значение переводимой единицы, переводчик может в дальнейшем использовать транскрипцию или кальку уже без объяснений.

Таким образом, значения безэквивалентных слов в конкретных контекстах передаются с помощью указанных способов столь же успешно, как и значения слов, имеющие постоянные или вариантные соответствия.

Не вызывает особых трудностей при переводе и существование в ИЯ безэквивалентных грамматических единиц. Выбор грамматической формы при переводе зависит не только и не столько от грамматической формы оригинала, сколько от ее лексического наполнения, т.е. от характера и значения лексических единиц, получающих в высказывании определенное грамматическое оформление. Различия в таком оформлении, как правило, не являются препятствием для установления отношений эквивалентности между высказываниями в оригинале и в переводе. Отсутствие в ПЯ однотипного соответствия для той или иной формы ИЯ означает лишь невозможность использовать в переводе аналогичную форму или пословный перевод. Здесь можно отметить три основных случая:

1. Нулевой перевод, т.е. отказ от передачи значения грамматической единицы вследствие его избыточности. Грамматическое значение нередко дублируется в высказывании с помощью иных лексических или грамматических средств. В таких случаях безэквивалентная единица получает в переводе «нулевое соответствие», т.е. попросту говоря, опускается.

2. Приблизженный перевод заключается в использовании в переводе грамматической единицы ПЯ, которая в данном контексте частично соответствует безэквивалентной грамматической единице ИЯ.

3. Трансформационный перевод заключается в передаче значения безэквивалентной единицы с помощью одной из грамматических трансформаций, которые наряду с лексическими трансформациями применяются при описании процесса перевода.

Целый комплекс проблем возникает при описании фразеологических соответствий или, точнее, соответствий фразеологическим единицам оригинала. В рамках частной теории перевода анализируются особенности семантики фразеологизмов, релевантные для их перевода, типы соответствий, которые может использовать переводчик, и критерии выбора одного из них в зависимости от характера переводимой единицы.

Центральное место в описании фразеологических соответствий занимает проблема эквивалентного воспроизведения значений образных фразеологических единиц. Семантика таких единиц представляет собой сложный информативный комплекс, имеющий как предметно-логические, так и

коннотативные компоненты. Наиболее важными из них с точки зрения выбора соответствия в ПЯ являются следующие:

- 1) переносный или образный компонент значения фразеологизма;
- 2) прямой или предметный компонент значения фразеологизма, составляющий основу образа;
- 3) эмоциональный компонент значения фразеологизма;
- 4) стилистический компонент значения фразеологизма;
- 5) национально-этнический компонент значения фразеологизма.

В русском образном фразеологизме *ездить в Тулу со своим самоваром* на основе прямого значения сочетания, предполагающего знание того, что именно в Туле делали самые лучшие самовары, содержится переносное значение «доставлять что-либо туда, где этого и без того много». Фразеологизм передает отрицательное отношение к обозначаемому (не следует так поступать), имеет разговорный характер (ср. книжно-литературные образы типа *перейти Рубикон* или *Сизифов труд*) и четко выраженную национальную принадлежность (Тула и самовар могут использоваться для создания образа, несомненно, только в русском языке). Указанные компоненты значения неравноценны с точки зрения их воспроизведения в тексте перевода. Наиболее важными являются компоненты (1), (3) и отчасти (4). Эквивалентное соответствие в ПЯ должно обязательно воспроизводить переносный смысл переводимого фразеологизма, выражать то же эмоциональное отношение (положительное, отрицательное или нейтральное) и иметь такую же (или хотя бы нейтральную) стилистическую характеристику.

Сохранение прямого значения фразеологической единицы важно не столько само по себе, сколько для сохранения образности. Поэтому в случае необходимости переносный смысл может быть передан в переводе с помощью иного образа, а порой приходится использовать и одноплановое соответствие, лишенное образности, чтобы сохранить главный компонент значения (1). Воспроизведение национально-этнического компонента сохраняет национальный колорит оригинала, но порой может затемнять переносный смысл и препятствовать достижению эквивалентности, поскольку рецептор перевода может не обладать фоновыми знаниями рецептора оригинала (не знать, что Тула славится самоварами). Существенное влияние национально-этнического компонента на выбор переводческого соответствия проявляется в том, что из числа соответствий исключаются единицы ПЯ, обладающие подобным компонентом значения.

Существуют три основных типа соответствий образным фразеологическим единицам оригинала.

В первом типе соответствий сохраняется весь комплекс значений переводимой единицы. В этом случае в ПЯ имеется образный фразеологизм, совпадающий с фразеологической единицей оригинала как по прямому, так и по переносному значению (основанный на том же самом образе). Как правило, такие соответствия обнаруживаются у так называемых интерна-

циональных фразеологизмов, заимствованных обоими языками из какого-нибудь третьего языка, древнего или современного.

Использование подобного соответствия наиболее полно воспроизводит иноязычный фразеологизм.

Во втором типе соответствий одинаковый переносный смысл передается в ПЯ с помощью иного образа при сохранении всех прочих компонентов семантики фразеологизма.

Использование соответствий этого типа обеспечивает достаточно высокую степень эквивалентности при условии, что русский фразеологизм не обладает ярко выраженной национальной окраской.

Третий тип соответствий создается путем калькирования иноязычной образной единицы.

Соответствия этого типа применимы лишь в том случае, если образ в исходной единице достаточно «прозрачен», и его воспроизведение в переводе позволит рецептору перевода понять передаваемое переносное значение (по-русски понятно, что ставить телегу перед лошастью означает нарушить правильную последовательность действий). Если же в оригинале употреблено фразеологическое сращение, где связь между переносным и прямым значением недостаточно ясна, то калькирование образа приведет к разрушению смысла фразеологической единицы. В таких случаях нередко приходится вообще отказываться от применения фразеологического соответствия и довольствоваться описанием основного (т.е. переносного) смысла переводимого сочетания.

Хотя происхождение таких фразеологических единиц обычно может быть обнаружено путем специальных исследований, оно, как правило, малоизвестно самим рецепторам оригинала, и их переносное значение не выводится из самого образа. Калькирование образа широко используется для передачи национально-этнического компонента значения фразеологизма.

Нередко у переводчика имеется возможность выбирать между различными типами фразеологических соответствий. В зависимости от условий контекста он может предпочесть существующий в ПЯ образ за счет утраты национально-этнического компонента или, напротив, отказаться от использования русского фразеологизма из-за различия в эмоционально-стилистической характеристике.

Для каждой пары языков частная теория перевода описывает систему фразеологических единиц в ИЯ и их соответствий в ПЯ и формулирует рекомендации переводчику о возможности и целесообразности использования соответствий каждого типа в условиях конкретного контекста.

Аналогичным образом описываются и грамматические соответствия. И здесь в первую очередь отбираются формы и структуры ИЯ, передача значений которых связана с необходимостью выбора между соответствиями разного типа. Это может быть выбор между однотипным и разнотипным соответствием, между несколькими разнотипными соответствиями или

между разными способами передачи значения безэквивалентных форм и структур. Во всех случаях изучаются особенности значения и употребления исходных единиц, влияющие на выбор соответствия, описываются возможные соответствия и указываются возможности и условия употребления каждого из них.

На всех уровнях языковой структуры описание соответствий в рамках частной теории перевода не сводится к перечислению возможных способов передачи в ПЯ значения какой-либо конкретной единицы ИЯ (как это, например, делается в любом двуязычном словаре), а ставит перед собой задачу раскрыть типовые особенности создания и выбора соответствий для достаточно большой группы языковых единиц. Описание системы соответствий сопровождается выявлением условий, определяющих возможность использования соответствий того или иного вида.

Таким образом, понятие системы переводческих соответствий имеет не статический, а динамический характер. Это не просто пары соотнесенных единиц в двух языках, а и система отношений между коммуникативно равноценными единицами, от которых зависит реальная взаимозаменяемость таких единиц в процессе перевода, а также набор способов создания окказиональных соответствий в тех случаях, когда условия контекста препятствуют использованию стандартных способов перевода. Описание соответствий осуществляется на основе изучения результатов переводческого процесса, и, в свою очередь, знание типов соответствий и правил их применения способствует успешному решению переводческих задач в многочисленных реальных актах перевода.

Тема 3. ПРАГМАТИКА ПЕРЕВОДА

Любой текст коммуникативен, содержит некоторое сообщение, передаваемое от источника к рецептору, какие-то сведения (информацию), которые должны быть извлечены из сообщения рецептором, поняты им. Воспринимая полученную информацию, рецептор тем самым вступает в определенные личностные отношения к тексту, называемые прагматическими отношениями. Такие отношения могут иметь различный характер. Они могут иметь преимущественно интеллектуальный характер, когда текст служит для рецептора лишь источником сведений о каких-то фактах и событиях, его лично не касающихся и не представляющих для него большого интереса. В то же время полученная информация может оказать на рецептора и более глубокое воздействие. Она может затронуть его чувства, вызвать определенную эмоциональную реакцию, побудить к каким-то действиям. Способность текста производить подобный коммуникативный эффект, вызывать у рецептора прагматические отношения к сообщаемому, иначе говоря, осуществлять прагматическое воздействие на получателя информации, называется прагматическим аспектом или прагматическим потенциалом (прагматикой) текста.

Прагматический потенциал текста является результатом выбора источника содержания сообщения и способа его языкового выражения. В соответствии со своим коммуникативным намерением источник отбирает для передачи информации языковые единицы, обладающие необходимым значением, как предметно-логическим, так и коннотативным, и организует их в высказывании таким образом, чтобы установить между ними необходимые смысловые связи. В результате созданный текст приобретает определенный прагматический потенциал, возможность произвести некоторый коммуникативный эффект на его рецептора. Прагматический потенциал текста объективируется в том смысле, что он определяется содержанием и формой сообщения и существует уже как бы независимо от создателя текста. Может случиться, что прагматика текста не полностью совпадает с коммуникативным намерением источника («сказал не то, что хотел, или не так, как хотел»). В той степени, в которой прагматика текста зависит от передаваемой информации и способа ее передачи, она представляет собой объективную сущность, доступную для восприятия и анализа.

Прагматическое отношение рецептора к тексту зависит не только от прагматики текста, но и от того, что собой представляет данный рецептор, от его личности, фоновых знаний, предыдущего опыта, психического состояния и других особенностей. Анализ прагматики текста дает возможность лишь предположительно предусмотреть потенциальный коммуникативный эффект текста по отношению к типовому, «усредненному» рецептору.

Осуществление прагматического воздействия на получателя информации составляет важнейшую часть любой коммуникации, в том числе и межкультурной. Установление необходимого прагматического отношения рецептора перевода к передаваемому сообщению в значительной степени зависит от выбора переводчиком языковых средств при создании им текста перевода. Влияние на ход и результат переводческого процесса необходимости воспроизвести прагматический потенциал оригинала и стремления обеспечить желаемое воздействие на рецептора перевода называется прагматическим аспектом или прагматикой перевода.

Переводчик, выступая на первом этапе переводческого процесса в роли рецептора оригинала, старается как можно полнее извлечь содержащуюся в нем информацию, для чего он должен обладать теми же фоновыми знаниями, которыми располагают «носители» исходного языка. Успешное выполнение функций переводчика предполагает поэтому всестороннее знакомство с историей, культурой, литературой, обычаями, современной жизнью и прочими реалиями народа, говорящего на ИЯ.

Как и у любого рецептора оригинала, у переводчика возникает свое личностное отношение к передаваемому сообщению. В качестве языкового посредника в межкультурной коммуникации переводчик должен стремиться к тому, чтобы это личностное отношение не отразилось на точности воспроизведения в переводе текста оригинала. В этом смысле переводчик должен быть прагматически нейтрален.

На втором этапе процесса перевода переводчик стремится обеспечить понимание исходного сообщения рецептором перевода. Он учитывает, что рецептор перевода принадлежит к иному языковому коллективу, чем рецептор оригинала, обладает иными знаниями и жизненным опытом, имеет иную историю и культуру. В тех случаях, когда подобные расхождения могут воспрепятствовать полноценному пониманию исходного сообщения, переводчик устраняет эти препятствия, внося в текст перевода необходимые изменения.

Отсутствие у рецептора перевода необходимых фоновых знаний вызывает необходимость в эксплицировании подразумеваемой информации, внесении в текст перевода соответствующих дополнений и разъяснений. Особенно часто это происходит в связи с использованием в оригинале имен собственных, географических названий и наименований разного рода культурно-бытовых реалий.

Добавление поясняющих элементов может потребоваться и при передаче названий учреждений, фирм, печатных органов и т.п.

Аналогичные добавления обеспечивают понимание названий всевозможных реалий, связанных с особенностями быта и жизни иноязычного коллектива.

В некоторых случаях необходимая дополнительная информация может быть дана в специальном примечании к тексту перевода. В других случаях

воспроизведение прагматического потенциала текста оригинала может быть связано с опущением некоторых деталей в переводе, неизвестных рецептору перевода.

Необходимость обеспечить адекватное понимание передаваемого сообщения для рецептора перевода может вынудить переводчика заменить непонятный элемент исходного сообщения добавочной информацией, которая лишь подразумевалась в оригинале, но была вполне очевидна для рецептора оригинала. Таким образом, имплицитная информация в оригинале становится эксплицитной в переводе.

Способы изменения текста перевода с целью обеспечить рецептору перевода адекватное понимание переводимого сообщения используются переводчиком без учета особенностей какого-то отдельного рецептора или группы рецепторов. Рецептор, на которого ориентирован в таких случаях перевод, является гипотетическим «усредненным» представителем своего языкового коллектива. Это – «русский человек», «русский читатель», и его восприятие передаваемого текста определяется не личностными характеристиками, а культурно-историческими особенностями данного народа, фоновыми знаниями о реалиях, которые могут иметься, в принципе, у большинства иностранцев и отсутствовать, как правило, у большинства русских людей.

Вместе с тем, воспроизводя прагматический потенциал оригинала, переводчик может ориентироваться на определенную группу рецепторов перевода, обладающих некоторой совокупностью специальных познаний в той области, о которой идет речь в оригинале, и способных поэтому с большей легкостью добиться необходимого понимания сообщения. Ориентация на подобную группу рецепторов-специалистов позволяет сократить число прагматических разъяснений в переводе. С другой стороны, если перевод предназначается для группы рецепторов, чей уровень фоновых знаний ниже, чем у большинства читателей (неспециалисты в данной области, читатели детского возраста и т.п.), относительно большая часть информации в оригинале может быть или не понята или понята превратно, и число объяснений и уточнений в переводе возрастает.

Прагматические проблемы перевода непосредственно связаны с жанровыми особенностями оригинала и типом рецепторов, для которых он предназначается. С существенными трудностями при передаче прагматического потенциала оригинала сталкиваются переводчики художественной литературы. Произведения художественной литературы на любом языке обращены, в первую очередь, к людям, для которых этот язык является родным, но они имеют и общечеловеческую ценность и часто переводятся на другие языки. Вместе с тем, в них нередко встречаются описания фактов и событий, связанных с историей данного народа, различными литературными ассоциациями, бытом, обычаями, наименованиями национальных блюд, предметов одежды и т.п. Все это требует внесения поправок на

прагматические различия между ИЯ и ПЯ для обеспечения адекватного понимания текста рецептором перевода.

Значительно реже возникает необходимость прагматической перестройки в переводе научно-технических материалов, рассчитанных на специалистов, сведущих в данной области знаний и владеющих во всех странах примерно одинаковым объемом фоновой информации. Такие сообщения одинаково хорошо понимаются учеными, говорящими на разных языках, и пояснения приходится давать лишь в отношении названий фирм, национальных единиц измерения, специфических номенклатурных наименований и т.п.

Особые проблемы связаны с прагматическим аспектом текстов, предназначенных для иноязычного получателя. Речь идет о различных информационных материалах, адресованных иностранной аудитории, и рекламе товаров, идущих на экспорт. В идеале авторы такого рода текстов должны писать их с учетом характера и познаний иностранного читателя или слушателя. В таких случаях задача переводчика упрощается: ему не надо заботиться об обеспечении полного понимания сообщения рецептором перевода, так как об этом уже позаботился автор оригинала. Однако нередко эта задача оказывается в оригинале невыполненной, и переводчику, обладающему более обширными сведениями об иностранной аудитории, приходится вносить дополнительные коррективы в текст с учетом его прагматического аспекта. В этих случаях осуществление перестройки текста перевода, ориентированной на доступность для рецептора перевода, играет решающую роль в процессе межъязыковой коммуникации.

Важную роль в обеспечении прагматической адекватности перевода играют и социолингвистические факторы, обуславливающие различие в речи отдельных групп носителей языка. В частности, дополнительные трудности для обеспечения всестороннего понимания рецептором перевода передаваемого сообщения могут возникнуть в связи с наличием в тексте оригинала отклонений от общенародной нормы ИЯ, использование там таких субстандартных форм, как территориально-диалектальные, социально-диалектальные и контаминированные, имитирующие речь иностранца.

Сами по себе элементы территориальных диалектов ИЯ, обнаруживаемые в оригинале, не передаются в переводе. Использование в оригинале подобных диалектальных форм может иметь двоякий характер. С одной стороны, весь текст оригинала может быть написан на каком-либо диалекте ИЯ. В этом случае диалект выступает в качестве средства общения, используемого источником, и перевод с него будет осуществляться таким же образом, как с любого общенационального языка (для чего, естественно, переводчик должен обладать необходимой степенью владения данным диалектом). С другой стороны, диалектальные формы могут употребляться в тексте (главным образом, в художественной литературе) с целью языковой характеристики отдельных персонажей, их идентификации как жите-

лей определенного района, где говорят на данном диалекте ИЯ. В этом случае воспроизведение диалектальных особенностей ИЯ в переводе ничего не даст, так как для рецептора перевода они не выполняют идентифицирующей функции и будут просто бессмысленны.

Многие территориальные диалекты тесно связаны с социальной характеристикой их носителей, и в этих случаях их использование в оригинале указывает на принадлежность данного персонажа к определенной социальной группе. Иначе говоря, они выполняют функцию социального диалекта, который характеризует речь членов какой-то социальной или профессиональной группы людей. Лингвистические особенности социального диалекта имеют более общий, нелокальный характер, поскольку аналогичные социальные группы, а тем более аналогичные профессии, часто обнаруживаются у многих народов. Поэтому передача дополнительной информации, которую содержат элементы социального диалекта в оригинале, оказывается в переводе возможной. Как правило, переводчик имеет возможность использовать при передаче речи немецкого матроса специфические слова и выражения, распространенные среди русских матросов, или воспользоваться русским воровским жаргоном для воспроизведения некоторых особенностей речи немецкого преступного мира.

Решение этой задачи облегчается тем обстоятельством, что социальный диалект отличается от общенародного языка лишь отдельными языковыми особенностями, своего рода «указателями». Присутствие в тексте хотя бы небольшого числа таких указателей обеспечивает воспроизведение данного вида информации в переводе.

Особые проблемы связаны с передачей в переводе имитации речи иностранца, содержащейся в оригинале. Появление контаминированных форм в оригинале может быть произвольным или намеренным. В первом случае источник, недостаточно владея ИЯ, использует искаженные формы, помимо своего желания. Подобные ошибки затрудняют восприятие речи и обнаруживают принадлежность источника к иному языковому коллективу. При восприятии подобной речи слушающий соотносит воспринятое с правильными формами языка, догадываясь, какую форму имел в виду говорящий, и осуществляя таким образом «перевод» с контаминированной на правильную речь. Аналогичным образом, в процессе перевода на другой язык переводчик соотносит контаминированные формы с правильными и переводит эти последние. Во втором случае контаминированные формы применяются как средство указания на особенности речи иностранца и являются одним из средств создания прагматического потенциала текста. Отсюда следует, что воспроизведение прагматической функции этих форм входит в задачу переводчика. При этом переводчик может либо использовать существующие в ПЯ способы изображения речи иностранца, либо бывает вынужденным изобретать новые способы передачи контаминированной речи. Во многих языках имеются стандартные, общепринятые спо-

собы изображения неправильной речи человека, принадлежащего к определенной национальности и говорящего не вполне правильно на неродном для него языке. Эти способы различны для разных видов контаминированной речи, так что изображение английской или русской речи немца не похоже на передачу речи китайца. Приемы передачи контаминированной речи во многом условны, хотя они могут отражать и реально существующие различия между языками.

Когда в оригинале изображена контаминированная речь иностранца такой национальности, в отношении которой в ПЯ не существует установившегося способа изображения, контаминированные формы в переводе вводятся переводчиком хотя и с учетом привычных способов передачи речи иностранца на ПЯ, но без обязательного следования общепринятому стандарту. Передача намеренной контаминации в переводе может быть сплошной или выборочной. При сплошной контаминации искажается вся или большая часть речи иностранца.

При выборочной контаминации наличие неправильной речи указывается при помощи немногочисленных нарочитых искажений.

Применение контаминированных форм нередко сопровождается использованием элементов разговорного стиля, отказом от использования более сложных грамматических форм (придаточных предложений, причастных и деепричастных оборотов и пр.). При этом следует учитывать, что некоторые стандартные способы изображения неправильной речи могут восприниматься не только как речь иностранца, но и как речь человека малообразованного. Отбор и использование контаминированных элементов в переводе должны соответствовать прагматической характеристике передаваемых элементов оригинала.

В ряде случаев в прагматическую цель перевода входит достижение желаемого воздействия (коммуникативного эффекта) на рецептора перевода. Коммуникативный эффект, который должен быть воспроизведен в переводе, может определиться доминантной функцией оригинала. Для произведений художественной литературы воздействие на рецептора зависит от литературных достоинств текста, получающих более или менее широкое признание у читателей. Основная прагматическая задача перевода такого текста заключается в том, чтобы создать на ПЯ текст, обладающий способностью оказывать аналогичное художественно-эстетическое воздействие на рецептора перевода. Прочтя в русском переводе произведения знаменитых немецких писателей и поэтов, русский читатель должен почувствовать силу литературного таланта автора оригинала, понять, почему у себя на родине он считается великим драматургом, писателем или поэтом. Если переводчику удалось этого добиться, можно говорить об адекватном воспроизведении коммуникативного эффекта оригинала. Более точное измерение соотношения воздействия оригинала на немецкого читателя и перевода на читателя русского вряд ли возможно. Может идти речь

лишь о приблизительном равенстве реакций рецептора, а фактическая реакция рецептора перевода может быть слабее реакции рецептора оригинала (писатель пользуется большим успехом у себя на родине) или, напротив, даже превосходить ее.

Доминантной функцией научно-технических материалов является описание, объяснение или указание по манипулированию объектами окружающего мира. Прагматическое воздействие на рецептора заключается в предоставлении ему необходимой информации для осуществления определенной деятельности научного или технического характера. Если получатель сообщения способен на его основе осуществить описанный эксперимент или произвести предписываемые операции с прибором или станком, то коммуникативный эффект текста может считаться достигнутым. Аналогичным образом, прагматическая задача перевода научно-технического текста состоит в обеспечении такой же возможности осуществить необходимые действия рецептору перевода. Если рецептор перевода может успешно использовать текст перевода в качестве руководства к определенным действиям, можно говорить о передаче прагматического воздействия оригинала. И здесь равенство воздействия оригинала и перевода не обязательно должно быть абсолютным. Может случиться, что в переводе необходимая научно-техническая информация оказывается изложенной в более четкой и доступной форме, обеспечивающей правильное использование этой информации специалистами, и, таким образом, перевод выполняет основную прагматическую задачу даже лучше, чем оригинал.

Наиболее сложной является задача обеспечить необходимую реакцию на текст перевода со стороны конкретного рецептора. Здесь переводчику приходится ориентироваться не столько на воздействие оригинала на его рецептора, сколько на индивидуальные особенности рецептора перевода. Только очень хорошо зная характер и психическое состояние человека, можно с достаточной уверенностью предположить, какова будет его эмоциональная или поведенческая реакция на данное сообщение. Как правило, переводчик не может ставить перед собой задачу добиться заданного коммуникативного эффекта. Если же такая задача ставится, ее осуществление часто требует прагматической адаптации текста, выходящей за рамки перевода как процесса создания текста, коммуникативно равноценного оригиналу. Подобная адаптация при передаче на иной язык, например, текста рекламы, который должен обеспечить сбыт данного товара, нередко приводит к составлению на ПЯ нового параллельного текста, учитывающего специфические вкусы и наклонности будущих покупателей. В процессе осуществления межъязыковой коммуникации возникают прагматические проблемы еще одного типа. Они связаны с возможностью появления у переводчика дополнительных прагматических задач по отношению к рецептору перевода. В связи с этим, переводчик может преследовать дополнительные цели, более или менее независимые от основной прагматической

задачи перевода, стремиться использовать результат переводческого процесса в каких-то особых целях.

Естественно, что подобная прагматическая «сверхзадача» не может не оказывать воздействия на ход процесса перевода и оценку его результатов.

Стремясь выполнить прагматическую «сверхзадачу» конкретного акта перевода, переводчик может иногда отказываться от достижения максимальной эквивалентности, довольствоваться неполным или выборочным переводом, добиваться воздействия на рецептора перевода, не совпадающего с намерениями источника и прагматическим потенциалом оригинала.

Возможность существования у переводчика прагматической цели, не связанной с содержанием оригинала, но достигаемой в процессе его перевода, связана с двойной ролью, которую переводчик играет в межкультурной коммуникации. С одной стороны, он выполняет функции языкового посредника, а, с другой стороны, он фактически является источником информации, создающим текст на ПЯ для последующего использования этого текста в определенных целях. Результаты любой деятельности во многом определяются ее целью. Цель конкретного переводческого акта может не совпадать с общей целью межкультурной коммуникации и не сводиться к созданию на ПЯ текста, коммуникативно равноценного оригиналу.

Существование прагматической сверхзадачи во многом определяет и оценку результатов переводческого процесса. В этом случае перевод оценивается не только и не столько по степени верности оригиналу, сколько по тому, насколько текст перевода соответствует тем задачам, для решения которых был осуществлен процесс перевода. Степень этого соответствия называется прагматической ценностью перевода. При наличии достаточной прагматической ценности перевод может быть признан правильным (адекватным) даже при существенных отклонениях от коммуникативной равнозначности оригиналу.

Прагматическая сверхзадача переводчика может быть связана со стремлением отразить в переводе коммуникативно нерелевантные черты оригинала, которые остаются непередаваемыми при эквивалентной передаче исходного сообщения. Это могут быть формально-структурные особенности ИЯ, культурно-этнографические элементы, не играющие функциональной роли в сообщении, но отражающиеся на его структуре, концептуально-семантические особенности построения сообщений на языке оригинала. Подобная прагматическая установка обычно приводит к нарушению норм и узуса ПЯ, вследствие буквального воспроизведения чуждых ему особенностей ИЯ.

К иным результатам приводит стремление переводчика в соответствии с прагматической задачей конкретного акта перевода дать упрощенный перевод, ограничившись передачей лишь «голового смысла», т.е. предметно-логического содержания текста, не заботясь о воспроизведении эмоционально-стилистических и ассоциативно-образных аспектов оригинала. Та-

кая задача нередко возникает, когда переводчику необходимо в возможно более короткий срок ознакомить рецептора перевода с основным содержанием сообщения. Подобный упрощенный перевод может рассматриваться как предварительный этап в процессе работы переводчика по подготовке полноценного текста перевода.

Особым видом прагматической сверхзадачи, приводящей к существенным изменениям текста перевода, является стремление переводчика к модернизации оригинала. Время и место перевода может сильно отличаться от времени и места создания оригинала. Переводчик нередко имеет дело с оригиналом, созданным в иную историческую эпоху, в том числе и на его родном языке, изменившимся за этот период до такой степени, что его прежнее состояние представляет как бы иной язык. Перевод текста, отдаленного по времени, ставит перед переводчиком ряд дополнительных проблем. Тот факт, что перевод делается не с современного языка, должен быть каким-то образом отражен и в тексте перевода. Возникает необходимость отразить в переводе хронологическую отдаленность оригинала путем использования слов и структур ПЯ, хотя и понятных для современного рецептора, но малоупотребительных и воспринимаемых как архаические. При этом подобные архаизмы ПЯ не должны иметь резко выраженной «национальной окраски», т.е. не быть настолько характерными именно для ПЯ, чтобы исключить возможность их употребления при передаче иноязычного сообщения.

Помимо использования устарелых элементов лексики, архаичность» текста перевода обеспечивается также тем, что переводчик избегает употреблять слова и сочетания, которые несут на себе отпечаток современного этапа развития языка или связаны с современной жизнью и бытом языкового коллектива и поэтому несовместимы с эпохой, когда был создан оригинал. Хотя перевод осуществляется на современный русский язык, автор оригинала, живший, скажем, в XIV веке, как и его герои, не может в переводе ездить в командировку; заниматься чем-либо без отрыва от производства; работать сверхурочно; решать проблемные вопросы; быть узким специалистом; проводить незапланированные встречи; подбирать кадры; игнорировать специфические особенности; осуществлять режим экономии и т.д.

В нарушение требований, которым должен отвечать перевод, чтобы быть коммуникативно равноценным отдаленному по времени оригиналу, переводчик может стремиться модернизировать передаваемое сообщение, изложив его, таким образом, как это сделал бы современный автор. Выполнение подобной сверхзадачи влечет за собой существенные изменения в тексте перевода, отказ от малоупотребительных и архаических языковых единиц и, напротив, широкое употребление повседневной, современной лексики. Изменения затрагивают и способ описания ситуации, а порой и саму ситуацию.

Специфическая цель конкретного акта перевода может заключаться и в стремлении оказать воздействие на рецептора перевода, непосредственно не связанное с содержанием оригинала или его прагматическим потенциалом. Процесс перевода может осуществляться не столько для более или менее полного воспроизведения оригинала, сколько для того, чтобы при помощи его достичь какой-то иной цели, связанной с намерениями самого переводчика или подсказанной его заказчиками или работодателями. В результате перед переводчиком стоит задача, не имеющая ничего общего ни с созданием текста, коммуникативно равноценного оригиналу, ни с намерением достичь тех целей, которые преследовал источник, создавая оригинал. Переводчик может ставить перед собой цели пропагандистского, просветительского и т.п. характера, он может стремиться в чем-то убедить рецептора перевода, навязать свое отношение к автору оригинала или к описываемым событиям, на него могут оказывать влияние какие-то соображения политического, экономического или личного порядка, стремление избежать конфликта или, напротив, обострить его и т.д. Подобная тенденциозность может привести к полному искажению оригинала, и, как правило, профессиональный переводчик избегает подобного влияния своих личных соображений и пристрастий на процесс перевода.

Тема 4. СПОСОБЫ ОПИСАНИЯ ПРОЦЕССА ПЕРЕВОДА

Процессом перевода или переводом в узком смысле этого термина называются действия переводчика по созданию текста перевода (собственно перевод). Процесс перевода включает, по меньшей мере, два этапа: уяснение переводчиком содержания оригинала и выбор варианта перевода. В результате этих этапов осуществляется переход от текста оригинала к тексту перевода. При этом действия переводчика часто интуитивны и переводчик подчас не осознает, чем он руководствовался при выборе того или иного варианта. Это, однако, не означает, что такой выбор полностью случаен или произволен. Он во многом определяется соотношением способов построения сообщений в ИЯ и ПЯ. Теория перевода стремится выяснить, как происходит переход от оригинала к тексту перевода, какие закономерности лежат в основе действий переводчика.

Реальный процесс перевода осуществляется в мозгу переводчика и недоступен для непосредственного наблюдения и исследования. Поэтому изучение процесса перевода производится косвенным путем при помощи разработки различных теоретических моделей, с большей или меньшей приближенностью описывающих процесс перевода в целом или какую-либо его сторону. Моделью перевода называется условное описание ряда мыслительных операций, выполняя которые переводчик может осуществить перевод всего оригинала или некоторой его части. В лингвистической теории перевода модели перевода представляют процесс перевода в виде ряда мыслительных операций над языковыми или речевыми единицами, т.е. в виде лингвистических операций, выбор которых обуславливается языковыми особенностями оригинала и соответствующими явлениями в языке перевода. Модель перевода носит условный характер, поскольку она необязательно отражает реальные действия переводчика в процессе создания текста перевода. Большинство таких моделей имеет ограниченную объяснительную силу и не претендует на то, что на их основе может быть реально осуществлен перевод любого текста с необходимой степенью эквивалентности. Задачи модели заключаются лишь в том, чтобы описать последовательность действий, с помощью которых можно решить данную переводческую задачу при заданных условиях процесса перевода. Модели перевода раскрывают отдельные стороны функционирования лингвистического механизма перевода. Хотя в своей практической работе переводчик может добиваться необходимого результата и каким-либо путем, не совпадающим ни с одной из известных нам моделей перевода, знание таких моделей может помочь ему в решении трудных переводческих задач.

Описание переводческого процесса с помощью моделей перевода включает два взаимосвязанных аспекта:

- 1) общую характеристику модели с указанием возможной сферы ее применения (объяснительной силы модели);

2) типы переводческих операций (трансформаций), осуществляемые в рамках модели.

Модель перевода может быть преимущественно ориентирована на внеязыковую реальность или на некоторые структурно-семантические особенности языковых единиц. Примером моделей первого вида может служить ситуативная модель перевода, примером моделей второго вида – трансформационно-семантическая модель.

Ситуативная (денотативная) модель перевода исходит из того несомненного факта, что содержание всех единиц языка отражает, в конечном счете, какие-то предметы, явления, отношения реальной действительности, которые обычно называются денотатами. Создаваемые с помощью языка сообщения отрезки речи содержат информацию о какой-то ситуации, т.е. о некоторой совокупности денотатов, поставленных в определенные отношения друг к другу.

Если отвлечься от несущественных различий, то следует признать, что окружающая нас реальная действительность едина для всего человечества. Общность окружающего мира, биологической структуры, производственных и жизненных процессов у всех людей, независимо от их языковой принадлежности, приводит к тому, что все люди обмениваются мыслями, в основном, об одних и тех же явлениях действительности. В принципе, любая мыслимая ситуация может быть с одинаковым успехом описана с помощью любого развитого языка.

Учитывая, что основное содержание любого сообщения заключается в отражении какой-то внеязыковой ситуации, ситуативная модель перевода рассматривает процесс перевода как процесс описания при помощи языка перевода той же ситуации, которая описана на языке оригинала. При этом действия переводчика представляются следующим образом. Воспринимая текст оригинала, переводчик отождествляет составляющие этот текст единицы с известными ему языковыми единицами ИЯ и, интерпретируя их значение в контексте, выясняет, какую ситуацию реальной действительности описывает оригинал. После этого переводчик описывает эту ситуацию на языке перевода. Таким образом, процесс перевода осуществляется от текста оригинала к реальной действительности и от нее к тексту перевода. В ряде случаев этот же процесс идет более кратким путем, когда интерпретация текста или какой-либо его части была проведена заранее, и переводчику известно, что определенные единицы ИЯ и ПЯ указывают на одинаковые предметы, явления или отношения реальной действительности. На этом основании он может непосредственно заменять единицы оригинала соответствующими единицами перевода, и обращение к реальной действительности осуществляется вне данного акта перевода. Модель перевода при этом сохраняет свою основную ориентацию: объяснение процесса перевода как обращение к описываемой ситуации.

При этом речь идет не просто о необходимости интерпретировать значение языковых единиц в оригинале по отношению к реальной действительности, учитывать, наряду с лингвистическим, и ситуативный контекст. Как уже отмечалось, без соотнесения с реальной действительностью невозможно понять даже самое простое речевое высказывание.

Обращение к реальной действительности в рамках ситуативной модели перевода имеет в виду не только уяснение содержания оригинала, а сам процесс перевода, тот путь, следуя которому, переводчик может создать текст перевода. «Кусочек» реальной действительности, отраженный в совокупном содержании исходного текста, служит внеязыковой основой перевода. Предполагается, что переводчик описывает этот фрагмент реальности средствами ПЯ точно так же, как он описал бы этот фрагмент, если бы узнал его не из текста оригинала, а каким-либо иным путем, например, с помощью своих органов чувств.

Ситуативная модель перевода обладает значительной объяснительной силой. Она адекватно описывает процесс перевода, когда для создания коммуникативно равноценного текста на ПЯ необходимо и достаточно указать в переводе на ту же самую ситуацию, которая описана в переводе. Иначе говоря, при помощи этой модели может достигаться эквивалентность на уровне идентификации ситуации. Наиболее четко ситуативная модель «работает» в следующих трех случаях:

- 1) при переводе безэквивалентной лексики;
- 2) когда описываемая в оригинале ситуация однозначно определяет выбор варианта перевода;
- 3) когда понимание и перевод оригинала или какой-либо его части невозможно без выяснения тех сторон описываемой ситуации, которые не входят в значения языковых единиц, использованных в сообщении.

Поскольку у безэквивалентных единиц ИЯ нет готовых соответствий, любой способ создания окказионального соответствия для таких единиц связан с обращением к ситуации, которая описана с их помощью в оригинале. Даже если создаваемые соответствия (путем транскрипции или калькирования) относятся непосредственно к переводимому слову или словосочетанию, они могут быть выбраны лишь на основе правильного уяснения всей ситуации.

При описании эквивалентности второго типа (на уровне указания на ситуацию) отмечались случаи, когда в ПЯ существует лишь один способ описания определенной ситуации, независимо от того, каким образом она описана в оригинале. Переводчик может установить, что в данном случае он имеет дело с ситуативной эквивалентностью подобного вида, лишь обратившись к реальной действительности.

Аналогичным образом ситуация в значительной мере определяет выбор варианта перевода и тогда, когда в ПЯ существует не единственный, а преобладающий, наиболее распространенный способ описания данной си-

туации. Именно этот способ и будет использован в переводе в большинстве случаев.

Решающую роль играет обращение к описываемой ситуации в тех случаях, когда содержащаяся в высказывании информация недостаточна для выбора варианта перевода. Известно, что любая ситуация описывается в высказывании не во всех деталях, а через обозначение некоторой совокупности ее признаков. В то же время выбор варианта перевода может порой зависеть от других признаков, которыми данная ситуация обладает в реальной действительности, но которые не вошли в способ ее описания, использованный в оригинале. В этом случае переводчик обращается к описываемой ситуации, ища необходимые сведения.

Ситуативная модель перевода правильно отражает ряд важных сторон переводческого процесса и дает возможность объяснить те особенности выбора варианта перевода, которые связаны с обращением переводчика к реальной действительности и последующим ее описанием средствами ПЯ. В то же время эта модель обладает ограниченной силой, поскольку она охватывает лишь некоторые способы реализации процесса перевода. Как известно, описываемая ситуация далеко не всегда однозначно определяет выбор варианта перевода, так как в большинстве случаев она может быть описана разными способами. И тогда самое подробное выяснение реальной ситуации, которую описывает оригинал, не дает еще переводчику указаний, какие признаки этой ситуации надо отразить при создании сообщения на ПЯ. Не дает знание ситуации достаточных оснований и для выбора лексико-синтаксической организации высказывания в переводе в рамках определенного способа описания ситуации. И способ описания ситуации, и набор языковых единиц, с помощью которых он реализуется, выражают дополнительный смысл, составляющий немаловажную часть общего содержания высказывания. Поэтому содержание высказываний, описывающих одну и ту же ситуацию, может, в целом, различаться весьма существенно. И для правильного выбора варианта перевода в этом случае переводчику недостаточно описать средствами ПЯ ту же реальную действительность, которая отражена в оригинале. Он должен еще воспроизвести и другие части содержания исходного текста, употребив эквивалентные средства описания этой действительности. А для этого необходимо учитывать, не только о какой ситуации говорится в оригинале, но и что и как о ней сказано.

Понятно, что ситуативная модель перевода не работает и в тех случаях, когда переводчику необходимо отказаться от описания той же самой ситуации, чтобы обеспечить передачу цели коммуникации оригинала. Если данная ситуация не позволяет рецептору перевода сделать необходимые выводы или связана с иными ассоциациями, чем у рецептора оригинала, то описание переводчиком той же ситуации средствами ПЯ не обеспечит возможности межъязыковой коммуникации.

Из сказанного выше не следует, что ситуативная модель неправильно объясняет процесс перевода. Она адекватно воспроизводит этот процесс в тех случаях, когда для его осуществления необходимо и достаточно уяснить описываемую в оригинале ситуацию и передать ее средствами ПЯ. Однако ее объяснительная сила ограничена тем, что она не учитывает необходимости воспроизведения в переводе и той части содержания оригинала, которая создается значениями используемых в нем единиц ИЯ.

Трансформационно-семантическая модель перевода, в отличие от ситуативной, исходит из предположения, что при переводе осуществляется передача значений единиц оригинала. Она рассматривает процесс перевода как ряд преобразований, с помощью которых переводчик переходит от единиц ИЯ к единицам ПЯ, устанавливая между ними отношения эквивалентности. Таким образом, трансформационно-семантическая модель ориентирована на существование непосредственной связи между структурами и лексическими единицами оригинала и перевода. Соотнесенные единицы рассматриваются как начальное и конечное состояния переводческого процесса.

Согласно указанной модели процесс перевода проходит три этапа. На первом этапе – этапе анализа – осуществляется упрощающая трансформация исходных синтаксических структур в пределах ИЯ: структуры оригинала преобразуются (сводятся) к наиболее простым, легко анализируемым формам. Предполагается, что такие простые «ядерные» (или «околоядерные») структуры в разных языках достаточно близки и легко заменяют друг друга при переводе.

Упрощающим преобразованиям на стадии анализа подвергаются и отдельные слова, в значениях которых выявляется набор элементарных смыслов (сем). Подобные элементы смысла выделяются в семантике слова при его сопоставлении со словами с близким значением и обнаружении различий между ними. У членов такого семантического ряда можно найти как общие элементы смысла, так и дифференциальные, отличающие значения каждого синонима от других членов ряда.

Упрощение синтаксических структур и разбиение значений лексических единиц на этапе анализа позволяют осуществить второй этап перевода – «переключение», т.е. переход к ядерным структурам и семантическим компонентам языка перевода. Как было указано, на уровне таких структур и элементарных сем у разных языков обнаруживается значительное сходство. Поэтому в принципе эквивалентные единицы на этом уровне отыскиваются сравнительно легко.

На третьем этапе – «реструктурирование» – осуществляются трансформации на ПЯ с ядерного («околоядерного») уровня в окончательные структуры и единицы оригинала. При этом в соответствии с нормами языка меняются такие формальные признаки, как порядок слов, структура предложения, число и распределение семантических признаков.

Трансформационно-семантическая модель перевода обладает значительной объяснительной силой. Она позволяет описывать многие стороны переводческого процесса, недоступные для непосредственного наблюдения. Особенно важно, что, в отличие от ситуативной модели, данная модель дает возможность отразить роль значений языковых единиц в содержании исходного текста и зависимость (хотя и не всегда прямую) от этих единиц средств ПЯ, используемых в переводе. Тем самым моделируются способы достижения эквивалентности четвертого и пятого типов, где сохраняется основное значение синтаксических структур и лексических единиц исходного текста. Способ представления процесса перевода, который используется в трансформационно-семантической модели, во многом соответствует интуиции переводчика, который нередко ломает себе голову над тем, как точнее передать ту или иную сему в значении слова оригинала. В рамках этой модели делается попытка объяснить общность содержания оригинала и перевода на уровне микрокомпонентов семантики языковых единиц, т.е. сем. Общность сем составляет основу переводческой эквивалентности как в случае максимального совпадения состава сем в оригинале и переводе. Далеко не все семы, имеющиеся в содержании оригинала, коммуникативно релевантны для данного акта общения. Задача переводчика, в первую очередь, заключается в том, чтобы сохранить коммуникативно релевантные семы. Сопоставление семного состава оригинала и перевода показывает, что именно такие семы и воспроизводятся в процессе перевода. Заменяющие друг друга семы могут не совпадать, а быть связаны отношениями семантического перефразирования, характерными для третьего типа эквивалентности.

Очевидно, что и трансформационно-семантическая модель не является универсальной и не претендует на моделирование любого переводческого акта. Она не предусматривает тех случаев, когда между синтаксическими структурами и значениями лексических единиц в оригинале и переводе нет отношений трансформации и эквивалентность двух текстов основывается исключительно на общности описываемой ситуации.

Не моделирует трансформационно-семантическая модель процесса перевода и тогда, когда в переводе необходимо передать образные и иные ассоциации, связанные с текстом оригинала, когда в процессе перевода происходит замена ситуации чтобы воспроизвести цель коммуникации. Иными словами, трансформационно-семантическая модель не предназначена для описания процесса перевода и в первом типе эквивалентности.

Ситуативная и трансформационно-семантическая модели перевода дают условное изображение перевода, не претендуя на полное соответствие реальным действиям переводчика. Чтобы более полно отражать деятельность самого переводчика, модель должна включать описание психических процессов, обеспечивающих такую деятельность. С этой целью разрабатывается психолингвистическая модель перевода, использующая положения

теории речевой деятельности. Известно, что в соответствии с целью речевого акта у говорящего сначала формируется внутренняя программа будущего сообщения, которая затем развертывается в речевое высказывание. Исходя из этого, психолингвистическая модель перевода постулирует, что, осуществляя процесс перевода, переводчик сначала преобразует свое понимание содержания оригинала в свою внутреннюю программу, а затем развертывает эту программу в текст перевода. Поскольку внутренняя программа существует в форме субъективного кода говорящего, такое представление процесса перевода включает два этапа – «перевод» с ИЯ на внутренний код и «перевод» с внутреннего кода на ПЯ. Психолингвистическая модель перевода полностью соответствует пониманию перевода как вида речевой деятельности. К сожалению, объяснительная сила такой модели ограничивается тем обстоятельством, что мы не знаем, как происходит такое «свертывание» и «развертывание», какие элементы содержания сохраняются во внутренней программе и как выбирается один из возможных путей реализации такой программы в тексте перевода. Дальнейшая детализация психолингвистической модели перевода является важной задачей теории перевода.

Модель перевода ставит перед собой задачу представить процесс перевода в целом, указать общее направление движения мысли переводчика и последовательные этапы перехода от оригинала к переводу. Более подробная характеристика процесса перевода достигается путем описания типов мыслительных операций, с помощью которых переводчик находит нужный вариант перевода. При этом предполагается, что между единицами оригинала и перевода существует непосредственная связь, что из исходной единицы путем каких-то преобразований (трансформаций) может быть получена единица перевода. Представление процесса перевода как преобразования единиц оригинала в единицы перевода носит условный характер. В действительности, с единицами оригинала ничего не происходит, они остаются неизменными, а переводчик просто подыскивает коммуникативно равноценные им единицы в языке перевода. Этот поиск начинается с восприятия единиц оригинала и завершается созданием соответствующих отрезков перевода. Иначе говоря, мозг переводчика получает «на входе» отрезок текста на ИЯ и «выдает на выходе» отрезок текста на ПЯ. Сопоставляя исходные и конечные отрезки текста, можно попытаться охарактеризовать способ перехода от первых ко вторым, «приемы перевода», с помощью которых первые как бы преобразуются во вторые.

Операционное описание процесса перевода отличается от представления этого процесса в рамках модели перевода тем, что в нем:

- 1) дается не общая схема процесса перевода, а указываются способы перевода, применимые при передаче значений единиц ИЯ определенного типа;

2) преобразования, с помощью которых описывается процесс перевода, происходят не отдельно в пределах ИЯ и в пределах ПЯ, а исключительно между разноязычными единицами, т.е. все они подразумевают непосредственное переключение от оригинала к переводу без промежуточных ступеней;

3) в связи с этим указанные преобразования (способы перевода) уже не сводятся к известным внутриязыковым трансформациям, а представляют собой собственно переводческие операции.

Преобразования, с помощью которых можно осуществить переход от единиц оригинала к единицам перевода в указанном смысле, называются переводческими (межъязыковыми) трансформациями. Поскольку переводческие трансформации осуществляются с языковыми единицами, имеющими как план содержания, так и план выражения, они носят формально-семантический характер, преобразуя как форму, так и значение исходных единиц.

В рамках описания процесса перевода переводческие трансформации рассматриваются не в статическом плане как средство анализа отношений между единицами ИЯ и их словарными соответствиями, а в плане динамическом как способы перевода, которые может использовать переводчик при переводе различных оригиналов в тех случаях, когда словарное соответствие отсутствует или не может быть использовано по условиям контекста. В зависимости от характера единиц ИЯ, которые рассматриваются как исходные в операции преобразования, переводческие трансформации подразделяются на лексические и грамматические. Кроме того, существуют также комплексные лексико-грамматические трансформации, где преобразования либо затрагивают одновременно лексические и грамматические единицы оригинала, либо являются межуровневыми, т.е. осуществляют переход от лексических единиц к грамматическим и наоборот.

Тема 5. ТЕХНИКА ПЕРЕВОДА

Описание процесса перевода с помощью теоретических моделей и набора переводческих трансформаций является в значительной степени условным и не ставит перед собой цель всесторонне охарактеризовать реальные действия переводчика при решении многочисленных переводческих задач. Такое описание указывает лишь на наиболее общие лингвистические особенности процесса перевода, на характер отношений между текстами оригинала и перевода в целом и между отдельными единицами этих текстов, представляя эти отношения как результат определенных лингвистических преобразований. Такие преобразования могут рассматриваться как способы перевода, и переводчик может их сознательно воспроизводить, отыскивая оптимальный вариант перевода, но это лишь частный случай в сложной мыслительной деятельности переводчика.

Собственно лингвистическое изображение процесса перевода может быть дополнено психолингвистическим описанием перевода с позиций самого переводчика. В этом случае конечная цель заключается в раскрытии реальной стратегии поведения переводчика в процессе перевода, самой техники осуществления этого процесса. С точки зрения поведения переводчика перевод представляет собой эвристический процесс, в ходе которого переводчик решает ряд творческих задач, используя некоторую совокупность технических приемов.

Как правило, речевая коммуникация, в том числе и межъязыковая, осуществляется путем создания источником речевого произведения текста, состоящего из ряда высказываний, связанных по смыслу. Текст составляет широкий контекст, в котором реализуются значения всех языковых единиц, употребляемых в речи, и именно текст оригинала является объектом деятельности переводчика. Перевод отдельного высказывания или какой-либо его части будет правильным лишь в том случае, если он будет сделан с учетом места данного высказывания в тексте, его смысловых связей с другими единицами текста.

Реальный процесс перевода разворачивается во времени, и, если переводимый текст представляет собой более или менее длинный ряд сообщений, его перевод не может быть осуществлен сразу, в виде единого акта. Переводчик делит текст на отдельные отрезки и приступает к переводу очередного отрезка после завершения перевода отрезка предыдущего. Величина такого отрезка неодинакова для разных языков и отдельных видов перевода. В большинстве случаев подобной минимальной единицей переводческого процесса будет одно высказывание (конкретное предложение) в тексте. Даже тогда, когда в пределах отдельного высказывания нет достаточной информации для выбора варианта перевода и для этого требуется знакомство с содержанием других частей текста, переводчик не приступает к переводу следующей единицы, пока не закончит перевод данного выска-

зывания. Исключение составляет применение приема объединения предложений, при использовании которого переводчик одновременно переводит два соседних высказывания.

Иначе обстоит дело в устном переводе. С одной стороны, при последовательном переводе переводчик может начинать переводить, удерживая в памяти несколько высказываний, перевод которых и составит отдельную «порцию» переводческого процесса, включающую несколько минимальных единиц перевода. С другой стороны, при синхронном переводе требуется создавать текст перевода одновременно с поступлением к переводчику текста оригинала, и поэтому переводчик стремится начать перевод, как только он получил информацию в пределах смысловой группы. Величина единицы процесса перевода определяется здесь отрезком высказывания, обладающим относительно самостоятельным смыслом и позволяющим переводчику выбрать структуру предложения в переводе. Однако и в синхронном переводе минимальной единицей переводческого процесса нередко оказывается целое высказывание, особенно если в конце его находятся элементы, существенные для понимания всего сообщения.

В процессе перевода переводчик постоянно сопоставляет единицы ИЯ и ПЯ, отрезки оригинала и соответствующие им отрезки текста перевода, переключаясь с одного языка на другой. Вся совокупность речевых действий переводчика может быть разделена на действия с использованием ИЯ и действия на основе ПЯ. Используя ИЯ, переводчик осуществляет понимание текста оригинала, с помощью ПЯ он создает текст перевода. Таким образом, в действиях переводчика можно обнаружить два взаимосвязанных этапа переводческого процесса, которые отличаются характером речевых действий. К первому такому этапу будут относиться действия переводчика, связанные с извлечением информации из оригинала. Ко второму – вся процедура выбора необходимых средств в ПЯ при создании текста перевода.

Этап извлечения информации из оригинала обычно называют «уяснением значения». На этом этапе переводчик должен получить информацию, содержащуюся как в самом переводимом отрезке оригинала, так и в лингвистическом и ситуативном контексте, и на основе этой информации сделать необходимые выводы о содержании, которое ему предстоит воспроизвести на следующем этапе. Содержание переводимого текста часто представляет собой сложный информационный комплекс, понимание которого требует от рецептора значительной мыслительной «работы». Эта работа должна быть выполнена и переводчиком, выступающим на первом этапе переводческого акта в качестве рецептора текста оригинала.

В определенном отношении понимание оригинала переводчиком – это особое понимание, отличающееся от понимания того же текста рецептором, воспринимающим его без намерения переводить. Понимание, ориентированное на перевод, отличаются две характерные особенности: обяза-

тельность окончательного вывода о содержании переводимого отрезка и обусловленность структурой ПЯ. «Обычный» рецептор может порой довольствоваться приблизительным пониманием отдельных элементов текста. Напротив, переводчик должен точно определить, какое содержание он будет передавать в переводе.

«Окончательными» должны быть и выводы переводчика о синтаксической структуре оригинала. Если эта структура может анализироваться двояким образом, переводчику придется решать, из какого толкования он будет исходить при уяснении содержания оригинала.

Дополнительные сведения, которые оказываются нужными переводчику, в отличие от «обычного» рецептора, во многом обуславливаются системой ПЯ. Для выбора между синонимичными средствами в языке перевода переводчик вынужден искать в оригинале указания на информацию, несущественную для акта коммуникации, осуществленного с помощью ИЯ.

Второй этап процесса перевода – выбор языковых средств при создании текста перевода – представляет собой речевые действия переводчика на ПЯ. Но и здесь создание переводчиком текста на ПЯ отличается от обычной речевой деятельности коммуникантов, пользующихся этим языком. Речь идет не о нарушении норм языка перевода под влияние структуры языка оригинала, а об особенностях, связанных с вторичностью содержания перевода. Стремление к эквивалентной передаче содержания оригинала не может не накладывать известных ограничений на использование средств ПЯ. Переводы будут отличаться от оригинальных текстов более частым использованием структур, аналогичным структурам ИЯ, большим числом искусственно создаваемых единиц (соответствия, заимствования и кальки), отображающих формальные признаки иноязычных единиц, большим числом лексических единиц, воспроизводящих содержание часто применяемых слов ИЯ.

В результате многочисленных актов перевода в ПЯ образуется своеобразная подсистема средств, наиболее близкая соответствующей системе средств определенного ИЯ и регулярно используемая переводчиками в переводах с данного языка.

В процессе перевода оба указанных этапа тесно связаны между собой. В поисках варианта перевода переводчик вновь и вновь обращается к единицам ИЯ в оригинале, ищет в словаре их значения и одновременно пробует, нельзя ли использовать для их перевода один из вариантов, предлагаемых в двуязычном словаре. Техника работы со словарем составляет важную часть действий переводчика в процессе перевода.

Иногда переводчик обнаруживает, что имеющийся в словаре перевод можно непосредственно использовать для перевода данного текста, и задача сводится к правильному выбору словарного соответствия. Однако чаще переводчик не находит в словаре такого варианта, который удовлетворяет условиям конкретного контекста. В этом случае переводчик отыскивает

нужную ему единицу ПЯ, сопоставляя словарные варианты, определяя общий смысл переводимого слова и применяя его к условиям контекста.

Особенно осторожно необходимо действовать переводчику, когда в словарной статье дается лишь один вариант перевода. Он учитывает, что это отнюдь не обязательно означает наличие у переводимого слова единичного соответствия или отсутствие у этого слова иных значений. И в данном случае словарь служит лишь отправным пунктом для поисков необходимого способа перевода слова в контексте.

Важной частью описания второго этапа переводческого процесса является раскрытие стратегии поведения переводчика при выборе варианта перевода. Осуществляя перевод, переводчику постоянно приходится оценивать относительную важность отдельных элементов текста, обеспечивающих построение грамматически и семантически правильного высказывания. Выбор варианта, связанного с наименьшими потерями, составляет важнейшую часть творческого акта перевода.

Конкретная стратегия переводчика и технические приемы, применяемые им в процессе перевода, во многом зависят от соотношения ИЯ и ПЯ и характера решаемой переводческой задачи. В основе переводческой стратегии лежит ряд принципиальных установок, из которых сознательно или бессознательно исходит переводчик. Они кажутся самоочевидными, хотя по-разному реализуются в конкретных условиях переводческого акта. Прежде всего, предполагается, что в процессе перевода понимание оригинала всегда предшествует его переводу не только в качестве двух последовательных этапов, но и как обязательное условие осуществления переводческого процесса. Иными словами, переводчик может перевести лишь то, что он понял. Эта установка осуществляется не вполне последовательно, поскольку, с одной стороны, само понимание может быть разной степени, а, с другой стороны, в исключительных случаях переводчик может использовать в переводе единичное соответствие, не будучи уверен, что означает переводимый специальный термин. Кроме того, оригинал может включать высказывания, намеренно лишённые смысла, вплоть до бессмысленных «абсурдных» текстов значительных размеров. «Слова-перевертыши», лишённые смысла, но связанные с реально существующими значимыми языковыми единицами, переводятся аналогичными образованиями на ПЯ.

Произведения «литературы абсурда», как правило, не подлежат переводу. В этих случаях указанный принцип дополняется оговоркой, что то, что бессмысленно или неясно в оригинале, должно остаться таковым и в переводе. Однако в общем виде правило «не понимаю – не перевожу» сохраняет свою силу.

Второй принцип, определяющий стратегию переводчика, обычно формулируется как требование «переводить смысл, а не букву оригинала» и подразумевает недопустимость слепого копирования формы оригинала. Формулировка не вполне точная, поскольку перевод всегда является со-

держательной операцией: воспроизводить на другом языке можно лишь содержание оригинала, а буква или иноязычная языковая форма может воспроизводиться лишь в особых случаях (при транскрипции или транслитерации) и при условии, что заимствованная форма передает в тексте перевода необходимое содержание. Что же касается таких элементов формы оригинала, которые определяют организацию содержания, количество и последовательность его частей, то воспроизведение подобных структурных элементов весьма желательно и в большей или меньшей степени достигается в любом переводе. Фактически установка на «смысл, а не на букву» означает необходимость правильной интерпретации значения языковых единиц в контексте, т.е. требование не довольствоваться тем мнимым смыслом, который связан лишь с наиболее употребительными значениями этих единиц.

Третий принцип переводческой стратегии заключается в том, что переводчик различает в содержании переводческого текста относительно более и менее важные элементы смысла. Предполагается, что переводчик стремится как можно полнее передать все содержание оригинала и там, где это возможно, осуществляет «прямой перевод», используя аналогичные синтаксические структуры и ближайшие соответствия лексическим единицам оригинала. Но при этом отнюдь не все в содержании оригинала является для переводчика равноценным. Он способен распределять части этого содержания по степени их важности для данного акта коммуникации и в случае необходимости может пожертвовать менее важным элементом смысла, чтобы успешнее воспроизвести более важный элемент. Подчас в переводе не удастся одновременно воспроизвести предметно-логический и коннотативный компоненты содержания оригинала, и переводчику приходится выбирать между ними.

Наиболее важным (доминантным) элементом содержания может оказаться и внутрилингвистическое значение языковых единиц. Так, игра слов в оригинале может основываться на одновременной реализации в контексте двух значений многозначного слова или значений двух слов-омонимов. В этом случае доминантным смысловым элементом становится наличие формальной связи общего или сходного плана выражения между реализуемыми значениями. Эта связь производится в переводе для сохранения игры слов.

Умение определить смысловую доминанту, наиболее важную часть содержания переводимого высказывания, составляет важнейшую часть профессионального мастерства переводчика.

Четвертый стратегический принцип переводчика заключается в постулате, что значение целого важнее значения отдельных частей, что можно пожертвовать отдельными деталями ради правильной передачи целого. Фактически это убеждение отражает тот факт, что компоненты содержания высказывания, которые сохраняются в первых трех типах эквивалентно-

сти, выражаются не отдельными частями высказывания, а всей совокупностью составляющих его элементов. Эти компоненты содержания являются коммуникативно наиболее важными, и приоритет целого над частью находит свое выражение в замене языковых средств, значения которых рассматриваются как часть содержания, для сохранения указанных компонентов (или некоторых из них), которые и представляют «значение целого».

Еще один постулат, лежащий в основе стратегии переводчика, гласит, что перевод должен полностью соответствовать нормам ПЯ, что переводчик должен особенно внимательно следить за полноценностью языка перевода, избегать так называемого «переводческого языка», портящего язык под влиянием иноязычных форм. В действительности, язык перевода обладает определенными особенностями, по сравнению с оригинальными текстами на ПЯ, но субъективно переводчик видит свою задачу в том, чтобы «перевод звучал так, как его написал бы автор оригинала, если бы он писал на ПЯ». Поэтому переводчик считает, что перевод не должен отличаться от оригинальных текстов, и вносит в текст перевода необходимые изменения, чтобы сделать его более естественным.

Основные принципы переводческой стратегии дополняются обоснованием правомерности применения ряда технических приемов, нарушающих формальное подобие перевода оригиналу, но обеспечивающих достижение более высокого уровня эквивалентности. Наиболее общими и широко распространенными из таких приемов являются перемещение, добавление и опущение лексических единиц в процессе перевода.

Прием перемещения лексических единиц в высказывании позволяет использовать ближайшее соответствие слов оригинала в другом месте высказывания, если по каким-либо причинам (главным образом, из-за лексической сочетаемости слов в ПЯ) его нельзя употребить там, где оно стоит в оригинале.

Широкое применение в процессе перевода находит прием лексических добавлений. Многие элементы смысла, остающиеся в оригинале невыраженными, подразумеваемыми, должны быть выражены в переводе с помощью дополнительных лексических единиц. Имплицитное понимание требует от рецептора знакомства с общепринятыми способами организации информации в ИЯ или особых «фоновых» знаний. У рецептора перевода нет подобных знаний семантических особенностей текстов на ИЯ, и для него подразумеваемый смысл должен быть раскрыт переводчиком.

При выборе дополнительного элемента в каждом конкретном случае переводчик руководствуется как правилами сочетаемости слов в ПЯ, так и экстралингвистическими факторами.

Лексические добавления могут быть связаны с необходимостью передачи в тексте перевода значений, выраженных в оригинале грамматическими средствами.

Иногда добавления обусловлены чисто стилистическими соображениями, и переводчик может по своему желанию использовать их или обойтись без них.

Особую область применения приема добавления составляют случаи текстуальных пояснений, обусловленных прагматическими факторами. В следующем примере добавление вызвано стремлением переводчика указать на игру слов в оригинале, которую непосредственно передать в переводе не удалось.

Прием опущения прямо противоположен добавлению и предполагает отказ от передачи в переводе семантически избыточных слов, значения которых, оказываются нерелевантными или легко восстанавливаются в контексте.

Прием опущения может не быть связанным со стремлением устранить избыточные элементы оригинала. Одной из причин его применения может быть излишняя конкретность текста, выражающаяся в употреблении числительных, названий мер и весов и т.п. там, где это недостаточно мотивировано содержанием:

Другим фактором в пользу приема опущения является необходимость осуществить, по мере возможности, компрессию текста при переводе, учитывая, что в ходе процесса перевода различные добавления, объяснения и описания, используемые переводчиком, могут значительно увеличить объем перевода по сравнению с оригиналом. Поэтому переводчик, чтобы уравновесить эту тенденцию, стремится к сокращению общего объема текста перевода, опуская избыточные элементы, где это возможно в пределах языковых и стилистических норм ПЯ.

Технические приемы, применяемые переводчиком в процессе перевода, могут относиться не ко всему процессу, а к одному из его этапов. Примером может служить прием дословного перевода не в качестве переводческой трансформации, в результате которой получается текст на ПЯ, а как промежуточную стадию в процессе поиска оптимального варианта перевода. В этом случае переводчик переводит дословно отрезок оригинала, заведомо не поддающийся «прямому» переводу, и использует неприемлемый вариант как основу для выбора более подходящих средств выражения.

Различные способы описания переводческого процесса непосредственно связаны с определением понятия переводческой эквивалентности и изучением системы соответствий между данной парой ИЯ и ПЯ. Фактически речь идет о разных подходах к рассмотрению одного и того же явления. Создание коммуникативно равноценного текста на ПЯ рассматривается как проблема обеспечения семантической близости такого текста иноязычному оригиналу, как проблема выбора единиц ПЯ, обеспечивающих такую близость, и как проблема способов перехода от единиц оригинала к таким единицам ПЯ в переводе. В первом случае выявляется цель процесса, во втором – его результаты, в третьем – пути достижения этих результатов. Взятые вместе, все три указанных подхода раскрывают важнейшие лингвистические аспекты перевода, понимаемого как соотнесенное функционирование двух языков, которое осуществляется через речевую деятельность переводчика в рамках межъязыковой коммуникации.

Тема 6. ПРИЕМЫ ПЕРЕВОДА НА ОСНОВЕ СИСТЕМНЫХ ЭКВИВАЛЕНТНЫХ СООТВЕТСТВИЙ (ТИПОЛОГИЯ ПЕРЕВОДЧЕСКИХ ЭКВИВАЛЕНТОВ)

Прямая / простая подстановка

Термином «прямая / простая подстановка» обозначается простейший механизм перевода, представляющий собой прямую замену транслемы (единицы исходного языка – ИЯ) ее непосредственным соответствием в переводящем языке (ПЯ), позволяющим достичь полного словарного тождества замещаемой и замещающей единиц. Единицы ИЯ и ПЯ обнаруживают при этом одно-однозначное (1:1), взаимообратимое соответствие типа: $A \leftrightarrow B$, например: *der Tisch* = стол $\leftrightarrow$ стол = *der Tisch*. Эквивалентность единиц ПЯ и ИЯ представляет собой системно-языковые соответствия, межъязыковую (интерлингвальную) синонимию номинативных единиц двух языков с равноправными и равноценными значениями, не зависящими от контекста (Рецкер, 1974: 10–14). Именно в силу этого прямая подстановка рассматривается как «смена носителей значения» (Латышев, 1988: 48), поскольку при этом имеет место механическая смена кодов: звуковой/графический комплекс ИЯ заменяется на специфический звуковой/графический комплекс ПЯ при сохранении их предметно-логического (вещественного) содержания.

Прямая подстановка является, таким образом, жестко детерминированной переводческой процедурой, предполагающей наличие у переводчика автоматизированного навыка переключения языковых кодов по принципу «вербальный стимул» (транслема) – «вербальная реакция» (словарное соответствие, мгновенно возникающее в сознании переводчика). Данный переводческий прием предъявляет высокие требования к памяти, а не к умениям переводчика: в его индивидуальном тезаурусе («словаре») должны храниться обширные знания о характере интерлингвальной (межъязыковой) «синонимии» языковых единиц ИЯ и ПЯ (Миньяр-Белоручев, 1996: 92–93; Рецкер, 1974: 67).

Эквиваленты этого рода в переводоведении обозначаются как константные, полные, абсолютные, тотальные, системно-языковые, словарные, формальные (*völlige / vollständige, absolute, systemgebundene Äquivalente, Wörterbuchäquivalente*) (Латышев, 1988: 95–98, 101; Комиссаров, 1973: 168; Рецкер, 1974: 10–11; Стрелковский, 1973: 23; Роганова, 1971: 38; Копанев / Беер, 1986: 142, 190; Jäger, 1972: 236–239, Sternin / Fleckenstein, 1994: 16–17, 41; Olschanski, 1975: 377–378).

Терминология переводоведения представляет собой динамическую, развивающуюся систему, и сопоставительный анализ терминосистем различных авторов и школ позволяет выявить как процессы унификации терминологии, так и сохранившиеся до настоящего времени противоречивые

и дискуссионные моменты. Относительно прямой подстановки следует отметить следующее:

1. Не существует единства мнений относительно того, какие значения следует учитывать при констатации прямой эквивалентности: одни исследователи учитывают лишь совпадение денотативных и сигнификативных значений (т.е. общность денотата и совпадение объема понятийных признаков), относя остальные компоненты семантической структуры в число маргинальных (периферийных) семантических элементов; другие же считают, что «тотальный» характер эквивалентности предполагает совпадение всех значений слова (денотативного, сигнификативного, стилистического, коннотативного, прагматического) и всех его функций в рамках конкретного контекста, поскольку несовпадение хотя бы одного из значений или одной из функций замещаемой и замещающей языковых единиц не позволяет констатировать их абсолютную эквивалентность (в настоящее время данная концепция является доминирующей). (Рецкер, 1974: 11; Sternin / Fleckenstein, 1994: 58–59; Швейцер, 1973: 19; Роганова, 1971: 38–39; Olschanski, 1975: 317; Копанев / Беер, 1986: 142, 146; Jäger, 1972: 236–237; Латышев, 1988: 32, 36; 1981: 10–11).

2. Первоначально характер прямой подстановки признавался лишь для отношений моноэквивалентности, когда одной языковой единице ИЯ соответствует лишь одна языковая единица ПЯ, однако в последние десятилетия отношения полиэквивалентности (выбор одной из двух или – реже – нескольких равнозначных единиц ПЯ) целым рядом исследователей также трактуется как прямая подстановка, а соответствующие языковые единицы (являющиеся в ПЯ полными системными синонимами) обозначаются терминами «коэквиваленты», «коварианты», реже: «двойные эквиваленты», «переводческие дублиеты» (Роганова, 1971: 38–39; Комиссаров, 1973: 168; Латышев, 1988: 98; Sternin / Fleckenstein, 1994: 41–42).

Коэквиваленты имеют место, прежде всего при передаче стилистически окрашенных лексем, однако и слова с нейтральной стилистической окраской также могут иметь два или несколько коэквивалентов:

Грузия – Grusien, Georgien

коробка – die Schachtel, das Kästchen

прохожий – der Passant, der Fußgänger

комиссия – die Kommission, der Ausschuss

бассейн – das Bassin, das Wasserbecken

делегация – die Delegation, die Abordnung

das Anlitz – лик, чело

die Fratze – рожа, харя, рыло, ряшка, морда

krepieren (о человеке) – окочуриться, подохнуть, околеть, загнуться

(Sternin/Fleckenstein; 1994: 60; Латышев, 1981: 92 и др.)

Статус коэквивалентов стилистически окрашенных транслем является предметом дискуссий: некоторые исследователи склонны рассматривать

их как контекстуальные эквиваленты или аналоги, однако экспрессивная иррелевантность (несущественность) различия их стилистических оттенков позволяет трактовать их как прямые, полные эквиваленты. Данные соответствия также носят регулярный, постоянный характер и также фиксируются в двуязычных словарях.

3. Отношение прямой эквивалентности обычно рассматривается на лексическом материале и выступает, таким образом, как проблема «лексической эквивалентности», при этом предметом рассмотрения обычно являются простые лексические единицы, «однословные лексемы» (ср.: Einwortlexeme, Einwortbezeichnungen – Sternin / Fleckenstein, 1994: 16; Olschanski, 1975: 237–238). В последние годы в разряд прямых подстановок вовлекаются так называемые лексиомы / фразеолексиомы / «многословные номинации/лексемы» (ср.: Mehrwortlexeme, Mehrwortbezeichnungen, Wortgruppenlexeme – Sternin / Fleckenstein, 1994: 16–17, 76; Lexiome – Olschanski, 1975: 378), т.е. лексикализованные (аналитические) словосочетания, выступающие как единая номинативная единица, обозначающая единый денотат и характеризующаяся регулярной воспроизводимостью (в силу чего И.Г. Ольшанский трактует лексиомы как «идиомы лексического уровня, изучением которых занимается раздел лексикологии, обозначаемый термином «лексикоматика» – см. с. 378), ср.: круглый сирота, кровеносный сосуд, das allgemeine Wahlrecht (всеобщее избирательное право), das spezifische Gewicht (удельный вес) и др. Современное переводоведение признает структурно-семантический параллелизм единиц ИЯ и ПЯ на всех языковых уровнях: лексическом, морфологическом, синтаксическом, фразеологическом (Швейцер, 1973: 22–28; Латышев, 1988: 96; Копанев / Беер, 1986: 190), однако при этом выдвигается целый ряд ограничений: так, морфологические единицы (прежде всего, префиксы и суффиксы) осознаются как языковые элементы со своим специфическим значением (Lauferei, Rederitis, Darsteller, Darstellung), однако, по мнению ряда исследователей, процесс перевода представляет собой не создание слова из отдельных компонентов, а выбор готового слова с соответствующей слово- или формообразующей морфемой; в сфере фразеологии прямое эквивалентное соотношение признается лишь для устойчивых образований, обнаруживающих единство вещественно-образного значения и общность основных лексических единиц (при незначительных различиях периферийных лексических и/или грамматических элементов).

Несовпадением формально-грамматической структуры межъязыковых синонимов обуславливается наличие следующих эквивалентных соответствий единиц ИЯ и ПЯ:

- а) Лексеме ИЯ соответствует лексема ПЯ:
 - das Fenster – окно;
 - Seetüchtigkeit – мореходность;
 - Rosenkranz – четки.

- б) Лексеме ИЯ соответствует лексиома ПЯ:
 das Blutgefäß – кровеносный сосуд;
 der Wirkungsgrad – коэффициент полезного действия;
 der Brustkorb – грудная клетка.
- в) Лексиоме ИЯ соответствует лексема ПЯ:
 wilder Rosmarin – багульник;
 удельный вес – das Artgewicht, die Wichte;
 ломовой извозчик – der Kärner;
 spanische Reiter – рогатки / «ежи» (т.е. противотанковые заграждения).
- г) Лексиоме ИЯ соответствует лексиома ПЯ:
 das spezifische Gewicht – удельный вес;
 optische Täuschung – оптический обман;
 Hilfe leisten – оказать помощь;
 spanische Reiter – противотанковые ежи.
- д) Фразеологизму ИЯ соответствует фразеологизм ПЯ:
 weder Fisch noch Fleisch – ни рыба ни мясо;
 den Stier bei den Hörnern packen – взять быка за рога;
 keine Rose ohne Dornen – нет розы без шипов.
- е) Морфеме языкового элемента ИЯ соответствует морфема языкового элемента ПЯ:
 Red-erei = говор-ильня;
 Lauf-erei = бегот-ня;
be-schreiben = о-писывать;
be-zahlen = о-платить;
 Wiederhol-ung = повтор-ение.
- ж) Предложению/словосочетанию ИЯ соответствует предложение/словосочетание ПЯ:
 auf dem Tisch – на столе;
 Er arbeitet viel – Он много работает.

(Роганова, 1971: 35, 41, 60–61; Роганова, 1961: 100–118; Латышев, 1988: 96–98; Латышев, 1981: 92, 113; Федоров, 1958: 172; Стрелковский, 1973: 23.)

4. Неоднозначной является трактовка соответствий, характерных для имен собственных, географических названий, интернационализмов и заимствований: одни исследователи трактуют эти языковые единицы как безэквивалентные, другие же усматривают в этих соответствиях абсолютную эквивалентность. Здесь следует лишь отметить, что в данном случае имеют место два типа транслирующих действий:

а) первичная трансляция, когда используется один из способов передачи безэквивалентной лексики при заимствовании иноязычного слова (при котором используются приемы «беспереводного заимствования»: переводческая транслитерация или транскрипция);

б) вторичная трансляция, когда созданные таким образом лексемы входят в широкий обиход, становятся привычными и начинают восприниматься как единицы родного языка (так, например, слово «айсберг» в сознании носителей русского языка не всегда воспринимается как заимствование, восходящее к немецкому слову «der Eisberg»). Таким образом, с позиций вторичных транслирующих операций можно рассматривать как абсолютные интерлингвальные синонимы следующие пары слов: die Alternative – альтернатива, der Sozialismus – социализм, die Polizei – полиция, das Ministerium – министерство, die Tomate – томат и др. (Латышев, 1981: 92; ср. также: Рецкер, 1974: 10–11; Копанев / Беер, 1986: 181; Бархударов, 1975: 74; Olschanski, 1975: 377–378). С позиций первичных транслирующих операций этот прием следует квалифицировать как переводческую транслитерацию.

Таким образом, следует отметить основные черты прямого перевода, ставшие доминантными характеристика данного приема в современном переводоведении:

I. Прямая подстановка (ПП) представляет собой простейший переводческий прием, основанный на замене единицы ИЯ ее непосредственным системно-языковым («словарным») соответствием в ПЯ.

II. Основными характеристиками ПП являются:

1. Прямые знаковые связи замещаемой и замещающей единиц, общность коммуникативной функции, взаимозаменимость, не зависящая от контекста, взаимобратимость транслирующих операций (А–Б), регулярный характер эквивалентных соответствий.

2. Отношение полного семантического тождества единиц ИЯ и ПЯ:

а) совпадение всех значений (денотативного, сигнификативного, стилистического, коннотативного, прагматического);

б) адекватность семного состава единиц ИЯ и ПЯ в конкретных контекстах их употребления (в лингвистике и переводоведении констатируются следующие типы сем: **основные** / Kernseme / Grundseme (главный, «ядерный» признак денотата, ср.: Lehrer = «тот, кто обучает»; Schüler = «тот, кого обучают»); **описательные** / **признаковые** / Merkmalseme (характерные внешние и внутренние качества: объем, размер, цвет и пр.); **относительные** / **ассоциативные** / Relationsseme / relationale Seme (связи с сопутствующими явлениями реальной действительности: подснежники + весна; елка + Новый год; поезд + железная дорога); **профессиональные** (признаки, известные лишь в определенной профессиональной среде: Leiche – в типогр.: пропущенное слово или строка; Hochzeit – дважды набранное / написанное слово и т.п.); **бытовые** / Alltagsseme (понятийные признаки в сознании «среднестатистического» носителя языка); **идеологические** / **мировоззренческие**; **локальные** / **территориальные** / **региональные**; **темпоральные** / **хронологические** / **исторические**; **оценочные** / Bewertungsseme / bewertende Seme; **эмоциональные** / Emotionalitätsseme;

образные / ассоциативные; национально-культурные / лингвоэтнические / лингвострановедческие / landeskundliche Seme / soziokulturelle Seme / linguokulturelle Seme / Ethnoseme и др. (Копанев / Беер, 1986: 146–148; Sternin/Fleckenstein, 1994: 30, 34–40, 52, 58–59 и др.);

в) функциональная тождественность, общность функций в тексте, сегменте текста, предложении: *референтная / денотативная / информативная; познавательная / когнитивная / гносеологическая / исследовательская; контактоустанавливающая / фатическая; побудительная / директивная / волюнтаристическая / прескриптивная / организующая / управленческая / конативная / декларативная / вердиктовая; эмотивная / экспрессивная; поэтическая/эстетическая; дейктическая / указательная; металингвистическая* (уточнение языкового «кода»: значения, смысла слова / фразы); *маркирующая* (создание слова-эмблемы, «знакового» клише) (Латышев, 1988: 66–70; Комиссаров, 1980: 63–64; ЛЭС, 1990: 44, 236; Латышев, 1981: 74–83, 11).

5. Жесткий детерминизм переводческой операции: навык переключения с одного языкового кода на другой на уровне автоматизма (непосредственная реакция на знак ИЯ; «механическая» замена единицы ИЯ на словарный эквивалент ПЯ, фиксируемый всеми двуязычными словарями и наличествующий в индивидуальном «тезаурусе» / «словаре» переводчика).

6. Наличие наряду с отношениями моноэквивалентности также и полиэквивалентности семантических связей (наличие коэквивалентов – двух или более равнозначных, взаимозаменяемых соответствий единице ИЯ).

III. Наличие многообразных терминологических обозначений для отношений прямой / абсолютной эквивалентности, обусловленных различием теоретических концепций и взятых за основу параметров классификации (ориентация на учет единиц лексического, синтаксического или всех языковых уровней).

Основные терминологические обозначения в переводоведении: *простая (лексическая или синтаксическая) подстановка* (Л.К. Латышев), *прямая замена / субституция / подстановка; эквивалентное отношение / соответствие, абсолютная / полная эквивалентность, семантическая эквивалентность, словесная / абсолютная словарная эквивалентность; дословный перевод, изоморфный / гомоморфный перевод* (Г.М. Стрелковский, О. Каде), *знаковый способ перевода* (Р.К. Миньяр-Белоручев), *подстановка прямых лексических и синтаксических соответствий* (Г.В. Чернов), *изотопия* (Г.В. Ольшанский), *линейное соответствие / lineare Entsprechung / дирекциональная эквивалентность* (I.A. Sternin/Ch. Fleckenstein), *формально-точный перевод, тождественно-адекватный перевод* (З.Е. Роганова), *калька / калькирование, подстрочный перевод / подстрочник, лексический перенос / лексическая эквивалентность, funktionelle Äquivalenz / ideale Translation* (G. Jäger). (Рецкер, 1974: 67; Латышев, 1981: 91–92; Латышев, 1988: 98; Миньяр-

Белоручев, 1996: 92–93; Sternin/ Fleckenstein, 1994: 41–41; Стрелковский, 1973: 23; ТиПП/11, 1984: 63; Olschanski, 1975: 377; Jäger, 1972: 236).

Необходимо отметить диаметрально противоположные трактовки понятия «функциональной эквивалентности»: если в немецком перевоводедении этот прием считается идеальной транслирующей операцией, то в русском перевоводедении функциональное / функционально-адекватное соответствие трактуется как отход от абсолютной / полной эквивалентности (понятие «функциональной эквивалентности» в русской транслятологии частично совпадает с понятием «коммуникативной эквивалентности» / «реальной трансляции» немецкого перевоводедения).

Поскольку прямая подстановка трактуется как полное совпадение всех языковых и речевых характеристик, данный прием в практике перевода имеет, вопреки ожиданиям, весьма ограниченное применение (Бархударов, 1975: 75; Латышев, 1988: 97).

Узуальная подстановка

Понятие «узуса» в лингвистике трактуется двояко: либо как синоним понятия «система» (ср. оппозицию: **узуальное** = системное ↔ **оказиональное** = речевое), либо как «речевая норма» (оппозиция: **система** = языковая норма ↔ **узус** = речевая норма). В связи с этим необходимо остановиться на анализе дефиниций соответствующих понятий.

Система (в иной терминологии: парадигматика, язык) трактуется как совокупность взаимосвязанных и взаимозависимых единиц языка и моделей, по которым они производятся (Латышев, 1988: 82). При этом система мыслится как иерархическая структура, включающая целый ряд вертикально располагающихся уровней, языковые единицы которых входят в качестве строительных элементов в единицы более высоких уровней (фонетические единицы входят в состав слов, слова как единицы лексического уровня входят в состав слово- или формообразовательных морфем как единиц морфологического уровня, морфемы входят в состав словосочетаний и предложений как единиц синтаксического уровня, которые, в свою очередь, составляют сверхфразовые единства и тексты). Единицами системы являются звуки, фонемы, слова (лексемы) и модели словообразования, словосочетания и их модели, предложения и их модели, сверхфразовые единства, тексты и их специфической структурой (архитектоникой, композицией).

Л.В. Щерба подчеркивал, что с точки зрения системы приемлемы все языковые единицы, образованные по существующим в языке моделям — например, фразы, составленные по правилам грамматики, но включающие не существующие в языке лексемы, либо лексические единицы, не существующие в языке, но основанные на широко распространенных моделях словообразования: так, при обозначении лиц по роду деятельности допус-

тимы с позиции системы следующие номинации: мечтатель, мечтальщик, мечтальник; шутник, шутильщик, шутитель; точильщик, точильник; писальщик, читальщик (Латышев / Провоторов, 1999: 30).

Таким образом, система – это совокупность всех реальных и абстрактных возможностей функционирования языка, потенциальные возможности образования языковых единиц и их употребления в речи (Латышев, 1988: 83).

Языковая норма представляет собой систему правил и предписаний по использованию языковой системы всеми представителями этнокультурного социума (т.е. языкового коллектива); это – «коллективная реализация системы» (Э. Коссериу), осуществляемая на основании критерия «правильно / неправильно» и регулируемая сознательными усилиями лингвистов – нормализаторов (Латышев, 1988: 82).

Термином узус (от лат. *usus* «пользование, употребление» – ЛЭС, 1990: 532) в переводоведении и межъязыковой коммуникации обычно принято обозначать обычное, привычное для речи определенного языкового коллектива. На уровне речи узуальное противопоставляется окказиональному: «узус ... в языкознании – общепринятое употребление языковой единицы (слова, фразеологизма и т.д.) в отличие от его окказионального (временного и индивидуального) употребления ... Обычно узуальное употребление единиц языка фиксируется словарями (толковыми, орфографическими, орфоэпическими и др.)» (ЛЭС, 1990: 532). Таким образом, языковая норма отсеивает при переводе (при выборе переводящей единицы) лингвистически правильные варианты от абсолютно неправильных, в то время как речевой узус из числа правильных позволяет выбрать наиболее удачный вариант на основании критерия «уместно / неуместно в ПЯ применительно к соответствующей ситуации» (Латышев, 1988: 83): так, уместно спросить «Почем огурцы?», но неуместно «Почем это бриллиантовое кольцо?» (Латышев / Провоторов, 1999: 31); в быту уместно согласие, послушание выразить фразами типа «Ладно», «Хорошо», в армии этим «неуместным» фразам соответствует узуальное «Есть!» (Латышев, 1988: 83). Речевые клише и стереотипы, употребляемые в той или иной ситуации, при беседе на ту или иную тему, обнаруживают национальное своеобразие (в плане выбора слов, их сочетаемости, грамматической структуры и т.п.): так, в немецком языке абсолютно узуальна фраза «Wie spät ist es nun?», в то время как в русском языке фраза «Как поздно сейчас?» неуместна и ей должна соответствовать другая стандартизированная фраза «Который час?».

Узус отражает языковые (речевые) привычки носителей языка (при нарушении узуса обычно делаются замечания типа: «У нас так не принято говорить», «Это не по-русски / не по-немецки», «Это непривычно для русского слуха», «У нас в такой ситуации говорят так: ...» и т.д.

Таким образом, понятие узуальности имеет следующие характеристики:

1) ситуативная стереотипизация речи («как принято говорить в данной ситуации?» – см.: Латышев, 1988: 83);

2) тематическая стереотипизация речи («как принято говорить на данную тему?» – см.: Латышев, 1988: 83);

3) дистрибутивная стереотипизация (сочетаемость ядерного слова словосочетания с единственно возможной либо несколькими возможными лексемами, обретающими в рамках этой стандартизированной языковой единицы – лексиомы, фразеологизма, «связанного» сочетания – некое новое значение, свойственное ему лишь в рамках этого стереотипизированного оборота), ср.: «hohe Achtung», «уладить / урегулировать / разрешить конфликт», «неслыханное / невиданное / беспримерное / ужасное хамство», «безумно влюблен» и т.п. (Латышев / Провоторов, 1999: 50–51).

Узуальные обороты переводятся либо как некая цельная языковая единица, заменяемая на готовую единицу ПЯ, лексический состав которой совершенно неадекватен, либо допускают прямую подстановку (дословную передачу) всех элементов оборота с последующей заменой одного или нескольких слов на привычные, узуальные: Ausfahrt! = Берегись автомобиля!; hohe Achtung = глубокое уважение (дословный перевод слова hoch «высокий» заменяется методом узуальной подстановки на русскую лексему «глубокий» с учетом русской речевой традиции). В подобных случаях имеет место лексически неадекватная / непропорциональная подстановка (Латышев, 1981: 118; Латышев / Провоторов, 1999: 50), требующая учета узуса ПЯ и перевода не по системному значению, а по узуальному смыслу.

Узуальная подстановка (Латышев, 1988: 101) представляет собой, таким образом, эквивалентность стандартизованных клише ИЯ и ПЯ, типичных для определенных коммуникативных ситуаций и частично не совпадающих по лексическому составу, но идентичных по смыслу. Обычно это цельные структурно-семантические образования, которые нельзя дробить на составные компоненты (Миньяр-Белоручев, 1996: 87), поскольку они имеют характер клише, штампов, пословиц, лексиом.

В качестве клише обычно трактуются стереотипные (готовые), часто повторяющиеся и привычные, хорошо известные речевые формулы (эталоны речи), хранящиеся в долговременной памяти носителей языка (Миньяр-Белоручев, 1996: 41, 80). Подобные клише, повторяясь, частично или полностью теряют свою информативность, т.е. связь с денотативным (исходным, прямым) значением некоторых или всех входящих в него слов (там же, 80).

Речевые клише могут обретать характер штампов. Термином «штамп» принято обозначать узуальные клише, приобретающие новое содержание, не зависящее от значений составных компонентов; при переводе для штампа нужно знать узуальные обороты ПЯ, дословный перевод здесь невозможен (Миньяр-Белоручев, 1996: 82). Ср.:

Aufsitzen! / Aufgesessen! – По коням! По машинам!

Absitzen! / Abgesessen! – Спешиться! Вылезай!

Still gestanden! – Смирно!

Rühren! / Rührt euch! – Вольно!

Gestrichen! – Окрашено!

Ziehen! – К себе!

Drücken! / Stoßen! – От себя!

Ausfahrt! – Берегись автомобиля! (надпись над аркой или на воротах)

Таким образом, по характеру связи общего содержания (смысла) со значением составных компонентов принято различать два типа узуальных клише:

а) информативные (содержательные) клише, смысл которых результирует из значений составляющих их компонентов (и дешево и сердито; с позиции силы; путевка в жизнь);

б) функциональные клише, или штампы, смысл которых несводим к значению составных компонентов. Термин «дисфункциональные клише», предлагаемый в работах Р.К. Миньяр-Белоручева для обозначения «штампов» (см.: Миньяр-Белоручев, 1996: 81), трактуемых как клише, «утратившие информативность своих слов», «не требующие вдумываться в содержание», является неточным, поскольку в данных клише преобладает именно коммуникативно-прагматическая функция (приказ, запрет, предписание и т.п.). Более точным является термин «функциональные клише», предлагаемый Л.К. Латышевым (Латышев, 1981: 34), ср.: Aufsitzen! (По коням! По машинам!), Ausfahrt! (Берегись автомобиля!) и др.

Из числа разнообразных **информативных клише** обычно выделяют в особые типы две группы стереотипных узуальных оборотов:

а) Ситуационные клише – стандартные обороты, используемые в определенных типовых ситуациях, требующие механического воспроизведения и обязательные для данной ситуации, ср.: Становись! Разойдись! Вход воспрещен. Говорит Москва. С Новым годом! и т.п. (Миньяр-Белоручев, 1996: 41, 82–83). Подобные обороты требуют отдельного решения на перевод, т.е. поиск готового иноязычного эквивалента, связанного с такой же ситуацией и выражающего ту же коммуникативную интенцию / прагматическую функцию. Ситуационные клише имеют фиксированные семасиологические связи: для данных смыслов нет других общепринятых обозначений.

б) Тематические клише – стереотипные выражения, типичные для данной темы и имеющие конкретную функционально-стилистическую ориентацию (Миньяр-Белоручев, 1996: 41): железный занавес, холодная война, путевка в жизнь, идти ва-банк, глубокое уважение, высоко взлететь, семь футов под килем и т.п. В подобных оборотах семантические связи слов стерты лишь частично, общий смысл оборота выводится из значений составных компонентов. При переводе тематических клише возможно (особенно у неопытных переводчиков) перенесение чужого узуса в текст перевода (Латышев, 1988: 89, 92). Однако, нарушение узуса ПЯ, узуальная неадекватность обычно не влечет за собой искажения смысла, поэтому тре-

бование преобразования полученного дословного перевода, замена отдельных элементов сообразно узусу ПЯ носит менее облигаторный характер (Латышев, 1988: 88–91): так, сказав «высокое уважение» (вместо «глубокое»), переводчик нарушит узус русского языка, не исказив смысла самого клише.

Вместе с тем невнимание к узуальной адекватности тематических клише ИЯ и ПЯ может порождать у читателей переведенного текста (носителей ПЯ) иллюзию нарочитого стилистического приема автора оригинала, использующего нарушение узуса с целью создания определенного смыслового и / или эмоционального эффекта, либо с целью создания «речевого портрета» персонажа; при хорошем (в узуальном смысле) переводе читатель, по меткому замечанию К. Симонова, не «спотыкается» о неуловимые препятствия, которые создает перевод плохой или неточный. В тематических клише не все элементы переводятся по их денотативным значениям, некоторые элементы должны заменяться на узуально-адекватные, ср.: *höchste Aufmerksamkeit* (досл.: высочайшее внимание) → самое пристальное внимание; *hohe Achtung* (досл.: высокое уважение) → глубокое уважение – ср.: глубокоуважаемый, а не высокоуважаемый (Латышев/Провоторов, 1999: 51; Латышев, 1981: 118–120).

Многие тематические клише обретают системное значение, отмечаются в двуязычных словарях и могут также храниться в долговременной памяти носителей языка и переводчиков, выступая в роли готовых, стандартизованных (стереотипных) оборотов. Таким образом, граница понятий «клише» и «штамп» является нечеткой, «проницаемой» (Миньяр-Белоручев, 1996: 83).

Пословицы, поговорки, крылатые выражения и фразеологические словосочетания также могут переводиться посредством частично неадекватной лексической подстановки, с заменой отдельных лексем ИЯ в составе стереотипизированной фразы на их узуальные эквиваленты в ПЯ, ср.: *das fünfte Rad am Wagen* (досл.: пятое колесо) → пятая спица в колеснице; *Neue Besen kehren gut* → Новая метла чисто метет (замена мн. числа на ед. число, слова *gut* «хорошо» на «чисто», согласно узусу русского языка). При этом мы фактически не заменяем элементы фразы, а на основании ее лексического состава узнаем и воспроизводим ее целиком, в ее привычном национально-узуальном варианте. Переводчики с обширным тезаурусом (словарным запасом) нередко воспроизводят переводы такого рода на уровне автоматизма, минуя дословность, поэтому нередко подобные соответствия фразеологизмов ИЯ и ПЯ трактуются как системные, а перевод на уровне автоматизма («стимул – реакция») как прямая подстановка; именно этим объясняется противоречивость трактовки такого способа перевода некоторых фразеологизмов как прямой или как узуальной подстановки.

Узуальная эквивалентность при переводе является, таким образом, не только фактом речи (как позиционно / дистрибутивно обусловленная под-

становка), но и фактом языка (лексико-грамматические комплексы ИЯ имеют непосредственный, семантически адекватный эквивалент в ПЯ). Поэтому данный способ перевода трактуется как лексически неадекватная / непропорциональная узуальная подстановка (Латышев, 1988: 101, 103; Латышев / Провоторов, 1999: 50–52, 120; Латышев, 1981: 118–120), а речевые клише / штампы ПЯ, адекватные по смыслу, но не адекватные (частично или полностью) по лексико-грамматическому оформлению штампам / клише ИЯ, могут рассматриваться как узуальные эквиваленты.

Узуальный перевод нередко трактуется как переводческая трансформация (контекстуальная замена), и в этом плане интересно замечание Л.К. Латышева, отмечающего, что узуальный перевод следует трактовать как подстановку, поскольку он предполагает максимально возможное приближение к оригиналу, в то время как трансформации представляют собой отход от оригинала в поисках семантико-стилистической адекватности (Латышев, 1988: 101–103).

Узуальные подстановки представляют собой случай неполной / частичной / относительной эквивалентности: единицы ИЯ и ПЯ являются полными межъязыковыми синонимами по значению (общему смыслу), но относительными по дистрибуции (по сочетаемости с другими лексическими единицами) и по грамматическому оформлению.

Следует также уточнить понятия «норма» и «узус», поскольку узус является шире понятия «речевая норма»:

а) Норма – это представление языкового коллектива о том, что есть правильное и неправильное в языке и речи.

б) Узус – это предметно-ситуативные правила употребления языка в соответствии с языковой / речевой традицией, психологический эталон восприятия речевого поведения человека на основе критерия обычности / необычности, привычности / непривычности средств языкового выражения (Латышев / Провоторов, 1999: 30–32; Латышев, 1988: 85, 89; Латышев, 1981: 119). В этом смысле понятие узуса является очень емким и охватывает не только узуальность содержательную, но и функционально- и нормативно-стилистическую (Латышев / Провоторов, 1999: 31–33). Узус является одним из компонентов «лингвоэтнического барьера», основу которого составляют расхождение систем, расхождение норм, расхождение узусов, расхождение социокультурных программ / преинформационных запасов, лингвоэтнических / фоновых / энциклопедических знаний (Латышев, 1988: 90–91; Латышев / Провоторов, 1999: 20).

Другие терминологические обозначения УП: семантический аналог, контекстуальная замена, семантическая трансформация и др.

Простая альтернативная подстановка

Частичные эквиваленты (*partielle Äquivalente*) в переводческой практике имеют большее распространение, чем полные, абсолютные. Одним из таких случаев является случай межъязыковой корреляции, когда транслеме соответствуют две и более языковые единицы ПЯ, каждая из которых отражает лишь некоторую часть из широкого спектра признаков, заключенных в сигнификате (понятии) языковой единицы ИЯ; эти относительные / частичные эквиваленты обозначают лишь отдельные аспекты (части, признаки, стороны) денотата, обозначаемого в ИЯ одной лексемой, и фактически отражают лишь суммарно весь объем признаков денотата транслемы, ср.:

рука = Hand (кисть руки) + Arm (рука от кисти до плеча);

нога = Fuß (ступня) + Bein (нога от ступни до бедра);

blau = синий + голубой;

Geschwür = опухоль + нарыв + язва;

Dichter = поэт + писатель;

Nacken = шея + затылок;

Hals = шея + горло;

интеллектуальный = intellektuell (умственный, мыслительный) + intellektual (рациональный);

зарплата = Lohn (на предприятии) + Gehalt (у служащих) + Gage (у артистов) + Sold (у военных).

Подобные транслемы и эквиваленты находятся в своеобразных родовидовых отношениях, с той лишь разницей, что в одном языке представлено только родовое понятие (гипероним), в то время как в другом языке гипероним отсутствует, но наличествуют два и более видовых понятия (гипонимы) (Рецкер, 1974: 43; Миньяр-Белоручев, 1996: 96–97; Sternin / Fleckenstein, 1994: 42).

Несовпадение лексических систем и объема понятийного содержания коррелирующих единиц ИЯ и ПЯ объясняется национально-культурной спецификой когнитивных (познавательных) процессов, «языкового мышления», а соответственно и различием национальных языковых «картин мира»: носители разных языков по-разному осуществляют категориальное членение окружающего мира, закрепляя свои представления и понятия об объектах реального мира в значениях создаваемых для этого языковых единиц (Латышев, 1988: 97; Sternin / Fleckenstein, 1994: 28–30).

Классификация явлений действительности сопровождается выделением их существенных черт, обозначение которых нередко положено в основу номинации (словесного обозначения), и это «членение» окружающего мира может осуществляться с большей или с меньшей степенью детализации / дифференциации либо генерализации (Sternin / Fleckenstein, 1994: 28): там, где один этнос видит одно явление (класс, предмет, процесс, ка-

чество / свойство), там другой этнос видит два и более (Латышев, 1981: 93; Латышев, 1988: 98; Комиссаров, 1973: 93). Таким образом, слово языка №1 может «покрываться» значениями 2-х, 3-х и более слов языка №2 в силу различия объемов их денотативных и понятийных значений, и поэтому между родовым понятием в одном языке и его видовыми коррелятами в другом языке не может быть взаимооднозначного и взаимообратимого переводческого (межъязыкового) соответствия. Поскольку родовидовые соответствия единиц ИЯ и ПЯ носят системный характер и отражаются в словарях, а выбор переводческих эквивалентов ограничен (обычно: 2, иногда: 3–4), для передачи подобных транслем требуется решить простую альтернативу (выбор одной из 2–4 лексем), поэтому данный прием перевода принято обозначать термином «простая альтернативная подстановка» (Латышев, 1988: 97–98; Латышев / Провоторов, 1999: 47).

Поскольку альтернативная подстановка имеет дело с неполной (частичной, относительной) эквивалентностью семантически неравнообъемных единиц ИЯ и ПЯ, в процессе перевода имеют место две транслирующие операции:

а) **Генерализация** (замена видового понятия родовым, частного – общим): Hand – рука, ср.: Arm – рука; голубой – blau, ср.: синий – blau. Lohn- und Gehaltkürzung – сокращение зарплаты. Переход от видового понятия к родовому имеет место, если в ПЯ имеется родовое понятие, но отсутствуют видовые (Рецкер, 1974: 43). Одно общее понятие ПЯ при переводе используется для нескольких частных понятий ИЯ, как бы суммируя, объединяя их в единое, более широкое понятие, поэтому прием генерализации трактуется как процесс конвергенции понятий (Sternemann): «суммирование» объема признаков нескольких слов в одном (см.: Sternin / Fleckenstein, 1994: 30).

б) **Конкретизация** (переход от родового, общего понятия ИЯ к видовому, частному понятию ПЯ), ср.: гнездо = das Nest (гнездо маленькой птички), der Horst (гнездо крупной хищной птицы), das Gelege (гнездо с кладкой яиц); столовая = die Mensa (студенческая), die Kantine (заводская), die Gaststätte (общественная), das Kasino (офицерская). Поскольку при передаче родового понятия необходимо выяснить, какой конкретный тип денотатов имеется в виду, конкретизация основывается на когнитивном процессе дивергенции понятий (Sternemann): сужения объема признаков, разграничения близкородственных понятий (см.: Sternin / Fleckenstein, 1994: 30).

Термины «конкретизация / генерализация» были предложены Я.И. Рецкером (Рецкер, 1974: 41, 43) и широко используются в работах по переводе (Латышев, 1981: 94–95; Миньяр-Белоручев, 1996: 96–97; Sternin / Fleckenstein, 1994: 43 и мн. др.). Однако наряду с тем существуют другие термины для обозначения этих приемов перевода: vektorielle Entsprechungen (Sternin / Fleckenstein, 1994: 43–44) – для термина «альтернативная подстановка»; Diversifikation (Jäger, 1972: 238), Differenzierung (Sternin /

Fleckenstein, 1994: 42) – для термина «конкретизация». Однако Я.И. Рецкер (1974: 38, 41) возражает против идентификации понятий «конкретизация» и «дифференциация»: процесс конкретизации понятий всегда связан с дифференциацией, однако дифференциация в этом случае является лишь вспомогательной процедурой, в то время как в качестве самостоятельного приема перевода дифференциация имеет свою специфику и лишь в незначительном числе случаев граница между конкретизацией и дифференциацией становится нечеткой. В ряде случаев конкретизация / генерализация трактуется как смысловое развитие понятий, т.е. трансформация (Копанев / Беер, 1986: 205, 190–191). Однако конкретизация / генерализация как приемы альтернативной подстановки и как приемы трансформации представляют собой неидентичные процессы.

Дискуссионной является проблема статуса видовых соответствий по отношению друг к другу: одни исследователи считают их переводческими синонимами (Sternin / Fleckenstein, 1994: 42; Роганова, 1971: 39), однако в силу того, что здесь имеет место «асимметрия» значений (видовые понятия находятся в отношениях взаимодополнительности и не взаимозаменяемы при переводе в одном и том же контексте, как коэквиваленты при прямой подстановке), постепенно сформировалось обозначение «вариантное соответствие» (Рецкер, 1974: 9, 14), «коварианты». Таким образом, термин «полиэквивалентность» (Sternin / Fleckenstein, 1994: 30) применительно к простой альтернативной подстановке условен, неточен, и, вероятно, предпочтительнее был бы термин «поливариантность».

Трактовка межъязыковых соответствий «1:2», «1:n» как переводческой полисемии также встречает возражение исследователей, отмечающих, что здесь имеет место не многозначность родового понятия ИЯ (гиперонима), а недифференцированность понятий одного языка по сравнению с другим языком, где эти понятия конкретизируются и обозначаются разными словами (Sternin / Fleckenstein, 1994: 43).

Следует отметить, что многие исследователи идентифицируют понятия «конкретизация» и «дифференциация», либо используя их как синонимы (Л.С. Будагов), либо отдавая предпочтение одному из них (ср.: Sternin / Fleckenstein, 1994: 42–43 – «Differenzierung»; Миньяр-Белоручев, 1996: 95–96 – «конкретизация понятий»).

Сложная альтернативная подстановка (дифференциация значений)

Дифференциация значений как специфический прием перевода имеет место при передаче многозначных слов и слов с широкой понятийной основой, для которых характерна множественная семантическая эквивалентность, предполагающая поиск нужного семантического соответствия на основании учета условий контекста – таких, как: сочетаемость с опреде-

ленными словами, вхождение в состав определенной синтаксической модели, свободный и устойчивый характер сочетания или предложения, функционально-, нормативно- и экспрессивно-стилистическая окраска, колорит (исторический / темпоральный, социальный, локальный / местный и др.) и условий конкретной коммуникативно-прагматической ситуации. Например: braun – коричневый, карий (о глазах), каштановый (о волосах), смуглый (о коже); der Schwager – зять, кучер (истор.).

Прием дифференциации близок приему конкретизации значений, но он имеет и свои специфические особенности: если при конкретизации осуществляется выбор из нескольких (обычно 2–4х) переводческих эквивалентов с четкими денотативными значениями, полный список которых отмечается словарем, то в случае дифференциации переводчику приходится выбирать из словарной статьи для транслемы с весьма нечеткими, «расплывчатыми» контурами один из множества лексико-семантических вариантов или искать слово за пределами словаря (поскольку все переводческие варианты словари обычно не могут охватить в силу своего ограниченного объема). Однако переводческие варианты для слова-диффуза и слова-полисеманта носят не контекстуальный, а системный характер: их совокупность отражает семантическое поле значений лексемы – их ядерные (основные, исходные) и периферийные значения.

При переводе полисемантов и диффузов переводчику необходимо соблюдать следующий алгоритм (последовательность операций) перевода:

а) на основании «суммы» приведенных в словаре значений выявить некоторое (пусть даже нечеткое, «размытое») общее, основное значение (инвариант, прототип, прототипическое значение), позволяющее слову выступать в различных контекстах с различными семантическими вариациями;

б) на основании учета семантического инварианта и условий конситуации необходимо выбрать наиболее подходящее по коммуникативно-прагматическим и функционально-стилистическим функциям слово.

Приведем примеры:

а) Выявление инварианта:

sich ergeben – а) варианты: оказаться, вытекать, проистекать, получиться, явствовать; б) инвариант: «из А явствует Б» (Латышев, 1988: 100);

engagiert – от engagieren – принимать на работу / ангажировать, приглашать, обязывать, связывать (словом, обязательством), отсюда: engagiert – связанный каким-то обязательством / долгом.

б) Выявление переводческого варианта:

Dieser Lehrsatz ergibt sich aus dem vorigen. – Это положение вытекает из предыдущего.

Es ergaben sich keine Fragen. – Вопросов не последовало.

ein engagierter Kämpfer für Menschenrechte – убежденный / активный / последовательный борец за права человека.

При дифференциации имеет место интерпретация значений транслемы, направление которой задается контекстом (Латышев, 1981: 99), поэтому этот прием перевода требует от переводчика мастерства: контекстуального ассоциативного домысливания, учета «скольжения» исходного смысла слова.

Среди теоретиков перевода, оперирующих понятием «дифференциация значения», нет единства относительно статуса многозначных слов: большинство исследователей теоретически исключают многозначность как объект дифференциации значения, поскольку словари содержат четкий список полисемантов и поскольку их множественные контекстуальные реализации имеют разные денотативные значения (Рецкер, 1974: 4). Однако в процессе анализа конкретного материала в поле зрения исследователей попадают и многозначные слова, также требующие дифференциации своих значений на основе учета сферы функционирования слова в контексте, в силу чего данные авторы почти единодушно отмечают, что дифференциация нюансов «абстрактных, недифференцированных» понятий и полисемия тесно связаны, переплетены и нередко образуют промежуточные случаи, где обе процедуры взаимосвязаны. Более решительную позицию занимают исследователи, которые не проводят принципиальной границы между переводом «диффузов» и «полисемантов», поскольку многозначные слова также имеют некое общее «ядерное» (инвариантное) значение: ведь полисемия большей частью представляет собой вторичные значения одного слова, возникающие на основе образного переноса; в силу этого недифференцированность значений лексической единицы с широким понятием и многозначность бывает трудно разграничить (Бархударов, 1975: 78, 81; Роганова, 1971: 45–46).

Кроме того, нередко случаи, когда после выявления значения полисеманта переводчик вынужден предпринимать дифференциацию этого значения в поисках семантически эквивалентного переводческого варианта для данной конкретной констатиции. Во всяком случае, сторонники обеих концепций едины во мнении, обозначая переводческие соответствия при передаче полисемантов и диффузов вариативными эквивалентами (Рецкер, 1974: 18; Швейцер, 1973: 18–19).

Поскольку в основе простой альтернативной подстановки и дифференциации значения лежат близкие «механизмы» перевода, в работах Л.К. Латышева дифференциация обозначается как сложная альтернативная подстановка. Становление этого термина обнаруживает у автора определенную динамику развития: дифференциация значения (1981: 96) → сложная подстановка с дифференциацией значения (1988: 100) → сложная альтернативная подстановка (Латышев / Провоторов, 1999: 48–49).

Некоторые исследователи конкретизируют, генерализируют дифференциацию как случаи частичного эквивалентного соответствия, когда объемы значений транслемы и ее множественных частных эквивалентов не совпа-

дают (т.е. частично значения совпадают, а частично расходятся), относят в разряд лексических трансформаций (Бархударов, 1975: 76–77; Копанев / Беер, 1986: 190–191).

Разграничив понятия конкретизации, дифференциации, лексической трансформации и дав дефиниции каждого приема перевода, Я.И. Рецкер вместе с тем в процессе анализа конкретных примеров нередко рассматривает дифференциацию как лексическую трансформацию (Рецкер, 1974: 14). Автор неоднократно отмечает затруднительность выделения данных типов перевода, признавая наличие «переплетающихся» категорий, промежуточных случаев (Рецкер, 1974: 38). Пересекаемость категорий, промежуточность, совмещение нескольких значений в рамках одной формы, нескольких приемов в рамках одного переводческого акта – типичное явление в сфере лингвистики в силу асимметрического дуализма языкового знака. Однако дифференциация, находясь на стыке эквивалентности (субституции) и трансформации («интерпретации»), тем не менее, все еще очень тесно связана с системными значениями транслем и может рассматриваться как специфический случай подстановки на основе частичной / относительной эквивалентности единицы ИЯ и ее переводческого эквивалента в ПЯ в определенном дистрибутивном окружении.

В научной литературе (нередко даже в рамках одной работы) данный прием трактуется то как субституция (подстановка), то как лексическая трансформация (Рецкер, 1974: 11–14), то как аналог (Швейцер, 1973: 20), то как ситуативный / контекстуальный эквивалент (Sternin / Fleckenstein, 1994: 49, 54–55, Рецкер, 1974: 39 и др.).

Переводческие соответствия на основе дифференциации являются ковариантами в строгом смысле слова, однако нередко используется также термин коэквиваленты, поскольку мы имеем дело со специфическим случаем полиэквивалентности (наличие целого ряда неполных / частичных эквивалентов единице ИЯ).

Тема 7. ПЕРЕВОДЧЕСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ (ТРАНСФОРМАЦИОННЫЙ ПЕРЕВОД)

Дефиниция понятия трансформации

Понятие трансформации трактуется по-разному в зависимости от того, как та или иная терминосистема дефинирует понятие эквивалента и эквивалентности и соответственно этому классифицирует «блоки» переводческих приемов:

а) При жестко-строгой, узкой трактовке термина «эквивалент» в качестве переводческого соответствия рассматривается лишь прямая подстановка (постоянное, регулярное, равнозначное соответствие, т.е. полная эквивалентность, «дословный перевод»), основанный на системно-парадигматических, взаимообратимых соответствиях единиц ИЯ и ПЯ: $A=B$, $B=A$ (см.: Рецкер, 1974: 10–11; Бархударов, 1975: 74–75; Комиссаров / Рецкер / Тархов, 1965: 10, 17). В таких случаях происходит «смена звуковых оболочек» при абсолютном тождестве значений, т.е. перевод «слово в слово» (Латышев / Провоторов, 1999: 90). Все остальные приемы перевода либо трактуются как трансформации (в иной терминологии: модуляции, адаптации, интерпретации, адекватные замены, компенсации), либо подразделяются на два комплекса приемов перевода. Назовем некоторые терминосистемы: а) полные эквиваленты – относительные эквиваленты – компенсации (ТП, 1975: 175); б) эквивалентные соответствия – вариантные и контекстуальные соответствия (более ранний термин: аналоги) – переводческие трансформации (Рецкер, 1974: 7–9; Швейцер, 1973: 18–21); в) постоянные / константные соответствия – вариантные соответствия – окказиональные соответствия (Комиссаров, 1973: 168–169; Sternin / Fleckenstein, 1994: 15). Второе звено в данных классификациях – те приемы перевода, которые занимают промежуточное положение между прямой подстановкой и трансформациями (т.е. узуальные подстановки / замены, альтернативные подстановки, дифференциация значений и некоторые другие).

б) При более широкой трактовке понятия эквивалента к числу эквивалентных соответствий относят приемы «второго звена», отмечая при этом вариативность отношений эквивалентности, разные степени адекватности (совпадение одних и несовпадение других параметров единиц ИЯ и ПЯ) и соответственно – разные типы эквивалентов (в этой связи следует отметить, что Я.И. Рецкер эквивалентные и вариантно-контекстуальные соответствия все же объединил в группу «закономерных соответствий», противопоставив их трансформациям). При таком подходе под трансформацией принято понимать окказиональное, сознательное, мотивированное отступление от оригинала, отклонение от потенциально возможного семантико-структурного параллелизма ИТ и ПТ с целью более полной передачи под-

текста (имплицитной информации ИТ, его эмоционально-эстетических характеристик и коммуникативно-прагматических компонентов содержания, которые носитель ПЯ может не «заметить» в силу отсутствия соответствующих социокультурных, лингвострановедческих «фоновых» / «энциклопедических» знаний), а также самостоятельное творческое решение на перевод при передаче языковых единиц, не имеющих непосредственных, прямых соответствий в ПЯ (Латышев, 1988: 32–33, 101). Причинами переводческих трансформаций в последнем случае являются расхождения систем (комплексов формальных средств и моделей / парадигм произношения, словоизменения, слово- и фразообразования, управления, валентности и сочетаемости и т.п.), языковых норм, речевых узусов, социокультурных (лингвокультурологических, лингвострановедческих) «фонов» / «ореолов» значения, стилистических норм, приемов идиоматизации и т.п. В отличие от подстановок, основанных на учете константных (постоянных) семасиологических связей транслемы и эквивалента, трансформации устанавливают временные, окказиональные семасиологические связи, действенные лишь в условиях данного конкретного контекста и данной конкретной ситуации. Основное требование к трансформационному переводу – сохранение содержания и функционально-прагматической адекватности ИТ и ПТ (Миньяр-Белоручев, 1996: 89, 1995: 23; Латышев, 1988: 39–41).

в) В целом ряде работ в качестве эквивалента рассматривается любое избранное переводчиком языковое соответствие единиц и фрагментов ИТ и ПТ, и трансформации таким образом также обретают статус специфического эквивалентного соответствия. При этом разграничиваются обычно два типа эквивалентов: абсолютные / полные ↔ частичные; системные / парадигматические / словарные ↔ речевые / функциональные / контекстуальные / коммуникативные / окказиональные (трактовка этих терминов неидентична у разных авторов).

Таким образом, следует отметить, что основные «разночтения» касаются теоретических проблем: трактовки понятий (в зависимости от степени эквивалентности / безэквивалентности, однако конкретные «технические» процедуры (приемы) перевода получают близкую или одинаковую трактовку, что и позволяет привести в систему переводческие приемы, лежащие в основе практической переводческой деятельности.

Объективные и субъективные переводческие трансформации

Тот факт, что многие слова не имеют прямых эквивалентов в других языках, отмечался давно. Еще в XIV веке считалось вполне приемлемым опускать в тексте перевода слова, или, напротив, расширять текст перевода путем добавочных лексических средств для раскрытия значения иноязычных слов (объяснение, толкование). Допускалось введение не только отдельных слов, но даже целых предложений. Расширение текста перевода

рассматривалось как вынужденный компромисс, досадная необходимость. Особенно это качалось перевода священных книг во времена средневековья. В целом же и позже считалось, что добавление в переводе «своих» слов искажает оригинал (Amos, Flora, Ross, 1920: 58).

О том, что значения в разных языках редко совпадают, т.е. отрезки действительности неодинаково членятся лексикой разных языков, писал в XVIII веке А. Шопенгауэр, который сам занимался переводами: «Не для каждого слова одного языка можно найти точный эквивалент в другом языке, не все понятия, выражаемые в одном языке словами, полностью совпадают с понятиями в другом языке» (цит. по *Das Problem des Übersetzens*, 1967: 101–107).

Таким образом, предпосылки (постулаты) о семантических несоответствиях лексических единиц в разных языках заложены давно. такие единицы перевода, будь то отдельные слова, словосочетания или части предложения, для которых в данном случае в силу создавшейся традиции существуют постоянные, незыблемые соответствия, составляют незначительное меньшинство (Рецкер, 1974: 8). В основном же наблюдается несовпадение семантических систем и составляющих эти системы единиц разных языков. Л.С. Бархударов анализирует случаи частичного соответствия лексических единиц двух языков, случаи частичной эквивалентности, обусловленные явлением, которое можно назвать недифференцированностью значения слова в одном языке, сравнительно с другим (Бархударов, 1975: 78).

В качестве примера возьмем немецкий глагол bekommen и русский глагол получать. Объем значения немецкого глагола *bekommen* гораздо шире объема значения глагола «получать» в русском языке; ср. случаи несовпадения:

Er bekam Angst. – Он испугался.

Er bekommt Mut. – Наконец он набирается храбрости.

Sie bekam einen Sohn. – У нее родился сын.

Er bekam eine schwere Krankheit. – Он тяжело заболел.

Endlich bekam sie einen Mann. – Наконец она вышла замуж.

Er bekam Heimweh. – Он затосковал по дому.

Sie bekamen Streit miteinander. – Между ними разгорелся спор.

Er bekommt Sinn für Kunst. – Он начинает понимать в искусстве.

Wir bekommen Frost. – У нас начинает холодать и мн. др.

(См.: Латышев, 1981: 194–195).

Мы видим, что меньший семантический диапазон глагола «получать» в сравнении с широким объемом понятия глагола «bekommen» вынуждает использовать в переводах помимо прямого эквивалента также многочисленные лексико-синтаксические перефразирования.

При сопоставлении текстов оригинала, или исходных текстов (ИТ), с переводными текстами (ПТ) становится очевидным, что конкретное распределение элементарных единиц смысла (сем или семантических компо-

нентов) и смысловых акцентов в предложениях ИТ и ПТ, как правило, не совпадают. Но данное обстоятельство, равно как и отсутствие в переводящем языке (ПЯ) соответствующих эквивалентов языковых единиц исходного языка (ИЯ), совершенно не означает, что понятия, выраженные в ИТ, не могут быть воспроизведены в ПТ, поскольку арсенал языковых средств как в ИЯ, так и в ПЯ позволяет передавать самые разнообразные понятия, мысли и чувства.

Переводческий выбор детерминируется факторами как лингвистического, так и экстралингвистического характера: различие систем ИЯ и ПЯ, функционально-стилистические особенности подлинника, особенности языковой и речевой норм, характерные для ИЯ и не встречающиеся в ПЯ, индивидуальный стиль автора ИТ – это далеко не полный круг вопросов, без рассмотрения которых невозможно объяснить трансформации ПТ, выбрать способ трансформационного перевода либо оценить его. Разумеется, существенную роль в данном случае играет языковое мастерство переводчика. Таким образом, перевод в известной степени субъективен, однако он субъективен лишь в том смысле, в каком субъективно любое речевое произведение, являющееся результатом речи отдельного лица. Однако субъективность перевода весьма ограничена рамками ИТ. Из всех видов речевых произведений акты перевода наиболее обусловлены, поскольку помимо ограничений, налагаемых системой языка перевода, они еще дополнительно детерминированы сознательным стремлением переводчика как можно полнее воспроизвести содержание текста оригинала (Комиссаров, 1973: 23).

Мотивы переводческих трансформаций

Причины, или мотивы, переводческих трансформаций классифицируются в работах по переводоведению по-разному. Г.М. Стрелковский выделяет пять факторов, которые определяют выбор того или иного преобразования (Стрелковский, 1979: 221–225):

1. Несовпадение объемов понятий в разных языках.
2. Необходимость соблюдать нормы языка перевода.
3. Невозможность словосочетаемости в ПЯ по образцу ИЯ.
4. Необходимость соблюдения стилистических норм ПЯ.
5. Несовпадение узусов (под узусом Г.М. Стрелковский понимает установившуюся языковую традицию, или принятое употребление слова – см.: Стрелковский, 1979: 223).

Мотивы применения трансформаций, о которых пишет А.Ф. Архипов, во многом совпадают с теми, которые выделил Г.М. Стрелковский, например:

1. Стремление избежать нарушения норм сочетаемости в языке перевода.

2. Стремление идиоматизировать перевод, т.е. использовать выражения и конструкции, наиболее употребительные в русском языке в определенных контекстах, ситуациях, стилистических разновидностях текстов.

3. Стремление избежать чуждых языку словообразовательных моделей.

4. Стремление избежать неестественности, неэстетичности некоторых повторов, громоздкости, неясности и нелогичности выражения.

Л.К. Латышев обосновывает и развивает понятие «мотивированности трансформаций». Положение о мотивированности трансформаций отражает, по справедливому замечанию Л.К. Латышева, сочетание творческого подхода к переводу со строгим отношением к передаче содержательной стороны исходного текста, его существенных особенностей, исключая переводческий произвол.

Автор выделяет три типа переводческих преобразований:

1. Трансформации, необходимые в силу расхождения языковых систем.

2. Трансформации, обусловленные необходимостью соблюсти «правильность» языковых норм.

3. Трансформации, продиктованные стремлением придать речи естественность, ситуативно-обусловленную и жанрово-обусловленную адекватность (Латышев, 1981: 188–189, 207).

Данная классификация причин трансформаций в наибольшей степени отражает их суть.

Текст, как известно, является порождением системы языка, нормы и узуса (Бектаев, Белоцерковская, Пиотровский, 1977: 6), поэтому переводческий выбор может быть детерминирован системой языка, нормой и узусом.

Несовпадение объемов понятий, невозможность словосочетаемости в ПЯ по образцу ИЯ (Г.М. Стрелковский), стремление избежать нарушения норм сочетаемости в языке перевода (А.Ф. Архипов), являются хотя и важными, но далеко не единственными причинами переводческих преобразований: межязыковые преобразования часто обуславливаются расхождениями в словообразовательных системах ИЯ и ПЯ, они могут быть следствием отсутствия той или иной грамматической категории (например, категории вида в немецком языке по сравнению с русским языком), различием в синтаксических моделях и т.п. Учет расхождений в системах ИЯ и ПЯ, соблюдение стилистических норм и узуса (Г.М. Стрелковский), стремление идиоматизировать перевод, избежать неестественности, неясности и нелогичности выражения (А.Ф. Архипов) составляют единый комплекс факторов, мотивирующих переводческие трансформации.

В итоге, причины переводческих преобразований представляется возможным классифицировать следующим образом:

- расхождение систем ИЯ и ПЯ;
- расхождение норм ИЯ и ПЯ;
- расхождение речевых норм (узусов) ИЯ и ПЯ.

Эта классификация, однако, является неполной. Смысл любого текста – категория экстралингвистическая и субъективная. Принцип «установки на получателя», присущий любому общению, получает в переводе особый смысл (Львовская, 1985: 177). При переводе необходимо учитывать принадлежность автора оригинала и адресата перевода к разным культурно-историческим коллективам, особую роль играет и творческая индивидуальность переводчика, наличие у переводчика определенных экстралингвистических знаний – так, например, переводчику художественной литературы абсолютно необходимо знать мировоззрение, эстетические взгляды и вкусы автора переводимого произведения, литературное течение, к которому принадлежит этот автор, его творческий метод, а также описываемую в данном художественном произведении эпоху, обстановку, условия жизни общества, его материальную и духовную культуру (Бархударов, 1975: 37). Переводчику научных текстов совершенно необходимо обладать определенной суммой знаний из той области, к которой относится переводимый текст. Поэтому трансформации при переводе могут быть обусловлены таким фактором, как расхождение коммуникативно-релевантных, информационных запасов (социокультурных программ, «энциклопедических знаний») носителей ИЯ и ПЯ.

Расхождение систем ИЯ и ПЯ как причина переводческих трансформаций

Язык системен. Это означает, что однородные элементы языка взаимосвязаны, создавая совокупность всех возможных языковых образований. Строго говоря, язык – система систем: каждый из уровней языка – фонетический, лексический, грамматический, словообразовательный – представляет собой систему, и все эти системы, в своей взаимосвязи и взаимозависимости, образуют общую систему языка (Трубецкой, 1960: 96).

Русский и немецкий языки, относясь к одной и той же индоевропейской семье, обладают, естественно, многими сходными чертами. Это сходство наблюдается и в словообразовании, и в грамматическом строе, и в области лексикологии. Вместе с тем мы вправе говорить о специфических особенностях этих языков по отношению друг к другу, о расхождениях, особенно ярко дающих себя знать именно при переводе. своеобразие каждого из двух языков является причиной отсутствия тождественного способа наименования понятий в разных языках. Каждое слово любого языка является элементом системы этого языка и в этом смысле неповторимо и специфично (Комиссаров, Рецкер, Тархов, 1960: 9). В каждом языке слово живет своей жизнью, тесно связанной со своеобразием лексико-семантической системы данного языка (Левицкая, Фитерман, 1976: 29). Грамматические явления того или иного языка, связанные с закономерностями его строя и ими обусловленные, в своей совокупности также отличны от грам-

матических явлений другого языка, хотя и могут представлять в отдельных отношениях сходство или совпадать с ними (Федоров, 1983: 171).

Однако своеобразие языков, выражающееся в их грамматическом строе и в лексической системе, несовпадение систем понятий у разных народов, разные пути их исторического развития, разные условия реальной действительности, различия в социальной культуре и мировоззрении (Стрелковский, 1979: 221) хотя и создают большое количество осложнений при переводе некоторых лексических единиц с одного языка на другой, но не являются непреодолимым препятствием их воспроизведения средствами ПЯ. Всем людям, вне зависимости от их этнической принадлежности, свойственны одни и те же закономерности мышления. Это позволяет считать, что картины реальной действительности, отражаемые разными языками, в основном совпадают (Латышев, 1981: 96). Отсюда вытекают важные для теории перевода положения: значения, выражаемые в одном из языков грамматически, в другом могут выражаться при помощи лексических средств и наоборот; отсутствие той или иной грамматической категории в ПЯ может быть компенсировано системой разноуровневых средств. Иными словами, любой язык в состоянии обозначить любое понятие – речь идет лишь о разных способах такого обозначения (Бархударов, 1975: 27, 83).

При сопоставлении двух разных языковых систем ярче проявляются своеобразия и закономерности каждой из этих систем (Федоров, 1952: 3).

К переводческим трансформациям, обусловленным расхождениями систем ИЯ и ПЯ, относят так называемые алломорфные средства:

1. Лакуны лексического или грамматического характера, когда в одной из пар языков отсутствует данная грамматическая категория или лексические средства выражения соответствующего значения. Например:

- грамматическая категория вида в русском языке и ее отсутствие в немецком;

- артикль, местоименные наречия в немецком языке и их отсутствие в русском языке;

- конструкция *accusativus cum infinitivo* в немецком языке и ее отсутствие в русском языке;

- деепричастие в русском языке и отсутствие этой категории в немецком.

2. Расхождение в объеме значений слов или грамматических категорий, ср.:

- шестипадежная парадигма существительного в русском языке и четырехпадежная система в немецком;

- три временные формы в русском языке и шесть временных форм в немецком языке и мн. др.

Проиллюстрируем вышеизложенное примерами на различную актуализацию аспектуальных и акциональных значений в ИЯ и ПЯ.

Аспектуальность (в другой терминологии – акциональность) представляет собой универсальную семантическую (понятийную) категорию, объединяющую разноуровневые средства для передачи характера осуществления глагольного действия. Однако данные средства выражения представлены неравномерно в различных языках. В русском языке аспект представляет собой грамматическую категорию вида, представленную видо-временными глагольными формами, в основе которой лежат противочлены со значениями: «совершенный вид» – «несовершенный вид». В немецком языке «аспект» представлен оппозицией «предельность» (ориентация на достижение предела действия, перфективность) – «непредельность» (отсутствие такой ориентации, имперфективность действия), при этом данные значения выражаются разнообразными лексико-грамматическими средствами, поскольку немецкий глагол категории вида (аспекта) не имеет. Кроме того, глаголы как немецкого, так и русского языков имеют частные аспектуально-видовые значения (так называемые способы действия, Aktionsarten), отражающие многочисленные нюансы протекания действия: начинательность (инхоативность, ингрессивность), длительность (дуративность, курсивность), многократность / повторяемость / прерывность (фреквентативность, итеративность), интенсивность (конативность), ослабление интенсивности (диминутивность), мутативность (изменение состояния), фревентативно-диминутивный (прерывисто-смягченный) способ действия и мн. др.

Отсутствие грамматической категории вида в немецком языке вынуждает переводчика при переводе видовых форм русского глагола прибегать к использованию разноуровневых и структурно разнообразных ресурсов немецкого языка. К таким средствам относятся не прямые лексические соответствия, словообразовательные элементы (префиксы, суффиксы), синтаксические элементы (адвербиальные уточнители, аналитические конструкции и т.д.). Например:

Угрюмо и строго маячили высокие черные трубы (М. Горький). – Duster und streng schimmerten undeutlich die hohen schwarzen Schornsteine.

Русский непредельный глагол несовершенного вида «маячить» принадлежит к разговорному пласту лексики и не имеет эквивалента в немецком языке. В самой этой лексеме заложены семы повторяемости и длительности, так как она означает «показываться неясно, время от времени». В лексеме немецкого языка «schimmern» отражена только сема прерывности / повторяемости действия, а сема «нечеткости», «неясности» никак не отражена.

Поэтому переводчик прибегает к включению в текст перевода адекватной переводческой добавки – наречия «undeutlich», характеризующего способ действия, репрезентируемый в русском языке видо-временной формой и семантикой глагольной лексемы. Использование наречия позволяет сохранить значение глагола ИЯ.

Семантическое богатство русского глагола, его точность и выразительность, динамичность и живость часто не могут быть воспроизведены в тексте перевода тождественными средствами, так как немецкие глаголы беднее по своим словообразовательным возможностям и по набору лексических и грамматических значений. Поэтому переводчик вынужден заменять глагол словосочетанием, добавлять новые слова, прибегать к описательному переводу. Например:

1. Она **замигала** глазами (Л. Леонов).

Ihre Augen **begannen zu zwinkern**.

2. Все перед нею **закружилось** в вихре ее возмущения (М. Горький).

Alles vor ihr **begann** im Wirbel ihrer Empörung **zu kreisen**.

3. Вода вдруг по колесу как **зашумит**, как **застучит** колесо (И.С. Тургенев).

Plötzlich **fängt** das Wasser **an zu rauschen**, das Rad **fängt an zu klappern**.

Во всех трех примерах в русских глагольных лексемах начинательный способ действия выражен приставкой за-. Передать это значение с помощью равноценного межъязыкового соответствия невозможно. Поэтому в переводе значения глаголов актуализируются аналитическим путем: переводчик использует глагольный уточняющий компонент (начинательные глаголы «beginnen» и «anfangen» актуализируют семы начинательности и обеспечивают значение достигнутой степени глагольного действия).

Расхождение норма ИЯ и ПЯ как фактор переводческих трансформаций

Наиболее развернутый подход к явлению нормы представлен у Р.Р. Гельгардта (Гельгардт, 1961: 21–37). Автор различает *общие* языковые нормы, образующие ряд «правил», которым подчиняются письменный и устный типы речи, и *частные* нормы конкретного использования выразительных средств языка, которые исходят из действительного распределения последних на группы по видам речевой практики, что и создает ту или иную стилистическую их окраску (Гельгардт, 1961: 35–36).

В.Г. Гак, изучая речевые реализации и уточняя понятие «частные нормы», называет их узусом и тем самым к трехчленному делению Э. Косериу «система языка» – «норма» – «индивидуальная речь» добавляет «норму речи (узус)». В отличие от системы, воплощающей (в ряде случаев весьма абстрактные) потенции языка, норма выражается в конкретно реализуемых, реально функционирующих языковых формах, принятых обществом и признаваемых им правильными (Гак, 1979: 6).

Обратимся к примерам:

а) Gesinnungsterror der BRD *wird international angeprangert*. – преследования за политические убеждения в ФРГ *вызывают гневное осуждение во всем мире*.

Семантическая трансформация предложения ИТ является следствием перевода словосочетания ИЯ *international angeprangert*. По нормам русского языка совершенно недопустима калька «международно осужден», хотя в русском языке и существует соответствующая семантико-синтаксическая модель (сравните: публично обижен, повсеместно осужден).

б) Мы, дети бедняков, видели, как трудно приходится нашим матерям, и горько *переживали* их *слезы* (Г.К. Жуков). – Wir Kinder der Armen sahen, wie sehr sich unsere Mütter plagten, *wir sahen ihre Tränen und litten mit ihnen*.

Синтаксическая трансформация вышеприведенного предложения мотивирована нормами сочетаемости ПЯ, точнее – лексико-семантической сочетаемостью, по нормам которой в русском языке словосочетание *переживать слезы* является правильным, а немецкая калька *Tränen erleben* совершенно недопустима, так как глагол *erleben*, как правило, сочетается с абстрактными существительными.

Расхождение в узусах как причина переводческих трансформаций

Узус определяется как реально функционирующие, речевые формы, обусловленные ситуацией, контекстом, функционально-стилистическими и нормативно-стилистическими факторами, естественной формой выражения мысли, соответствующей той или иной коммуникативной цели высказывания и речевой традиции того или иного этноязыкового социума.

Узус проявляется, в частности, и в специфическом ситуативно-обусловленном отборе содержания для речевого высказывания (Комиссаров, 1973: 146–147; Латышев, 1981: 203–205). По справедливому замечанию В.Г. Гака, при расхождении в сфере узуса может наблюдаться различие и в способе выражения. Но еще более существенным в сфере узуса являются расхождения в плане содержания. Описывая в высказывании какую-либо ситуацию, мы не отмечаем всех ее деталей, но производим отбор в соответствии с нашими коммуникативными установками. Поэтому высказывания на разных языках характеризуются различными элементами «экономии и избыточности». В.Г. Гак говорит о том, что знание узуса и есть то, что обычно называется «чувством языка» (Гак, 1983: 22).

Узус, таким образом, понятие широкое. Одной из наиболее сложных проблем является вопрос об актуализации стилистических значений ПЯ и воспроизведении их в тексте перевода.

Под стилистическим значением языковой единицы Э.Г. Ризель и Е.И. Шендельс (Ризель, Шендельс, 1975: 29–39) понимают дополнительную информацию, наслаивающуюся на денотативное (референциальное) значение языковой единицы и уточняющую его в аспекте принадлежности данной языковой единицы к определенной сфере коммуникации (функ-

циональный компонент стилистического значения), в аспекте ее отношения к языковой норме (нормативный компонент стилистического значения, т.е. стилевой регистр: нормативный, возвышенный, вычурный / выпрещенный, сниженный / обиходно-разговорный и др.), а также в аспекте ее экспрессивных параметров: оценочных (положительная либо отрицательная оценка и некоторые другие рационально-экспрессивные оттенки значения) и наслаивающихся на них эмоционально-стилистических / эмоционально-экспрессивных оттенков.

Вопрос о функционально-стилистической окраске лексики, представляющей художественную речь, сложен, потому что художественная литература отражает все многообразие жизни человека. В художественных текстах используются самые разнообразные пласты словаря, и определить специально узкохудожественный разряд слов не так-то просто (Кожина, 1983: 127). Иногда даже кажущаяся нейтральность значения может рассматриваться как имеющая сопутствующее значение благодаря значащему отсутствию эмоциональной окраски (Найда, 1962: 53).

Обратимся к анализу примеров, иллюстрирующих трансформации, обусловленные переводом лексических единиц с ярко выраженной функционально-стилистической и нормативно-стилистической окраской:

1. Пресветлых **очей** нет (А.Н. Толстой). – Für immer hatten sich die hellen Augen geschlossen.

2. Она испытывала восторг (Л.Н. Толстой). –

a) Ihre Seele war übervoll von Glück (Löwenfeld);

b) Alles in ihr jubelte (Asemissen);

c) Ihre ganze Seele war übervoll von Glücksempfindung (Röhl);

d) Ihre ganze Seele war voll von Glück (Moser).

В первом предложении трансформация обусловлена, в частности, переводом лексемы **очи**, относящейся к функционально-дифференцированному, а именно, к поэтическому пласту лексики. В ПЯ для этого слова с возвышенной нормативно-стилистической окраской нет стилистически адекватного эквивалента. Однако в целом стилистическая окраска фразы сохраняется за счет изменения синтаксической (поверхностной) структуры предложения: изменения конструкции и порядка слов, введения дополнительных слов и т.д.

Второе предложение ИЯ с ярко выраженной экспрессивно-стилистической окраской, которая заключена в семантике сочетания **испытывать восторг**, воспроизведено в переводе предложениями с совершенно иными поверхностными синтаксическими структурами, которые объемнее предложения ПЯ. Но эти предложения являются функционально-адекватными предложениями ПЯ, поскольку эти варианты перевода актуализируют эмоционально-оценочные семы ИЯ и являются правомерными с точки зрения нормы речи (узуса).

Иногда стилистическая трансформация обусловлена тем, что нейтральная лексическая единица ИЯ переводится в ПЯ стилистически дифференцированной лексической единицей:

3. Он *испугался*, но как-то странно (В. Шукшин). – *Ihm saß zwar der Schreck in den Gliedern*, aber merkwürdig.

4. Дьячок, *слюня пальцы*, снимал нагар с неугасимых лампад (А.Н. Толстой). – *Mit den speichelbenetzten Fingern* nahm der Küster die Schnuppen vom Docht der Ewigen Lampe ab.

В примере 3 нейтральная глагольная лексема *испугаться* заменена более образным, относящимся к пласту разговорной речи словосочетанием – *der Schreck sitzt ihm in den Gliedern*. Четвертое предложение можно было бы перевести: Die Finger anfeuchtend nahm der Küster die Schnuppen vom Docht der Ewigen Lampe ab; или, если считать причиной трансформаций деепричастный оборот ИЯ: Die Finger mit dem Speichel anfeuchtend nahm der Küster die Schnuppen vom Docht der Ewigen Lampe ab; или: Indem der Küster die Finger anfeuchtete, nahm er ... Но причина семантической трансформации этого предложения не только и не столько в переводе деепричастного оборота ИЯ. Причина в той функциональной нагрузке, которую несет каждая лексическая единица ИЯ, в приподнято-таинственном характере описываемой ситуации:

«Неохотно *просыпалась* Москва. Звонари *лезли* на колокольни, *зябко* крихтя, ждали, когда ударит Иван Великий. Медленно, *тяжело* плыл над мгlistыми улицами великопостный звон. Дьячок, *слюня пальцы*, снимал нагар с неугасимых лампад. Плелись нищие, калеки, уроды, – садились на паперти. *Ругались* вполголоса натошак.» (А.Н. Толстой) – Träge *erwachte* Moskau *aus dem Schlaf*. Die Glöckner *kletterten* auf die Kirchentürme *und warteten, fröstelnd und ächzend*, bis die Glocke des Iwans Weliki erschallen würde. *Langsam und schwer* erdröhnte über den nebligen Straßen das Fastengeläut. *Mit den speichelbenetzten Fingern* nahm der Küster die Schnuppen vom Docht der Ewigen Lampe ab. Bettler, Sieche und Krüppel kamen angetrottet, um ihren Platz am Kirchenportal einzunehmen. *Keiften und zankten sich* halblaut auf nüchternen Magen.

Характер описываемой ситуации, особенности речевого произведения (перед нами роман великого мастера слова А. Толстого), заставляют переводчика создать текст на ПЯ, обладающий, если не такими же достоинствами, что и текст на ИЯ, то, по крайней мере, воспроизводящий нормативно-стилистические и экспрессивно-стилистические характеристики оригинала. Поэтому в переводе *слюня пальцы* не просто *die Finger anfeuchtend*, а *mit den speichelbenetzten Fingern*, где *benetzen* (окроплять, орошать, смачивать) представляет собой слово с возвышенной нормативно-стилистической окраской и относится к поэтическому пласту лексики. Поэтому *просыпалась* – не просто *erwachte*, а *erwachte aus dem Schlaf*, *ругались* – не просто *zankten sich*, а *keiften und zankten sich*. Сама синтаксическая конст-

рукция предложений на ПЯ способствует сохранению в тексте перевода стилистической информации ИЯ. Особенно бросается в глаза тот факт, что однородные члены предложения ИЯ, написанные через запятую, в ПЯ употребляются с союзом **und**, что способствует динамизму повествования: *лезли, ждали* – kletterten **und** warteten, зябко кряхтя – fröstelnd **und** ächzend; медленно, тяжело – langsam **und** schwer.

Переводчик, обращаясь к способу трансформации ИТ, обусловленной расхождением узусов ИЯ и ПЯ, функционально-, нормативно- и экспрессивно-стилистическими особенностями ИТ, создавая ПТ, должен передать, в первую очередь, прагматическую функцию высказываний, сделать их привычными, естественными для носителей ПЯ, отражая доминирующие коммуникативные установки высказываний ИТ:

1. Оценки какого-либо лица, предмета, ситуации:

Ай да Анисья! (А.Н. Толстой) – Ein Prachtkerl, diese Anisja!

Экий ты чистоплюй. – Was spielst du dich als Moralisten auf.

Заполошный! (В. Шукшин) – Du hast’n Knall!

2. Угрозы, предупреждения:

Счас я тебя бить буду (В. Шукшин) – Das Fell gerben werd’ ich dir.

Быть войне и мору (А.Н. Толстой) – Krieg und Seuche stehen vor der Tür.

... пока я тебе компостер не поставил (Н. Островский). – Wenn du nicht eins in die Fresse kriegen willst.

3. Несогласия:

Пустое ... (А.Н. Толстой) – Leeres Geschwätz!

Что Вы, что Вы! (Н. Островский) – Wo denken Sie hin! Gott bewahre!

4. Возмущения, досады:

Что ты сказал, мерзавец? (Н. Островский) – Was sagst du da, du Halunke?

Вот черт! (А.Н. Толстой) – Neufel noch einmal!

На черта! (Н. Островский) – Warum zum Kuckuck!

5. Удивления:

Ба, ба, ба, да никак это Роцин! (А.Н. Толстой) – Sieh da, sieh da, das ist ja tatsächlich Rostschin!

То есть как это? (А.Н. Толстой) – Wieso denn, wie kann das sein?

6. Недоверия:

Ой, загнул! (А.Н. Толстой) – Das ist mir ein Vergleich!

7. Раздражения:

Причем тут Сорепта и Гумрак? (А.Н. Толстой) – Was haben Sarepta und Humrak damit zu schaffen?

«Я теперь уеду и **засяду дома**, и тебе нельзя будет ко мне», – сказала Дарья Александровна, садясь подле нее (Л.Н. Толстой). – а) «Ich fahre jetzt nach Hause und **werde für einige Zeit ans Haus gebunden sein**, und du darfst vorläufig nicht zu mir», – sagte Darja Alexandrowna und setzte sich neben sie (Asemissen); б) «Wenn ich jetzt weggehe, **werde ich ganz ans Haus gebunden**

sein und du wirst mich nicht besuchen dürfen», – begann Darja Alexandrowna, während sie sich neben sie setzte (Löwenfeld); c) «Ich gehe jetzt und **werde lange das Haus nicht verlassen können**, und du wirst nicht zu mir kommen dürfen», – sagte Dolly und setzte sich neben sie (Röhl); d) «Ich will jetzt wieder nach Hause fahren und **daselbst sitzen bleiben**, du aber wirst nun wohl nicht mehr zu mir kommen», – sagte Darja Alexandrowna, sich neben Kitty setzend (Moser).

Вышеприведенный пример показывает, насколько существенно учитывать в переводе соотношение системы, нормы и узуса. В ПЯ имеется словарный эквивалент русскому словосочетанию *засесть дома* – например, *zu Hause hocken*. Употребление этого словосочетания не противоречит и норме немецкого языка: *Ich gehe jetzt weg und werde zu Hause hocken*. Но для описываемой ситуации данное словосочетание не подходит. Дело в том, что Л.Н. Толстой рассказывает читателю о намерениях Дарьи Александровны ехать домой ухаживать за больными детьми, поэтому она вынуждена находится долгое время дома. Кити же, ослабленная душевными страданиями, тоже не сможет приехать к сестре – там больные дети. Поэтому употребление прямого эквивалента привело бы в ПТ к несколько фамильярному тону высказывания, неприемлемому для описываемой серьезной ситуации.

Расхождение коммуникативно-релевантных информационных запасов носителей ИЯ и ПЯ как фактор переводческих трансформаций

Термин «прагматика» широко употребляется в современной лингвистической литературе и в других смежных дисциплинах. В лингвистике встречается использование слова «прагматика» для обозначения отрасли науки, учитывающей экстралингвистические условия коммуникации в конкретных речевых аспектах и их реализацию в высказывании (дискурсе). В семиотике «прагматика» используется для обозначения того аспекта языкового знака, который рассматривает взаимоотношение знака и носителя языка. Адресат речи (реципиент) играет существенную роль в акте коммуникации. Прагмалингвистика рассматривается также в узком смысле как лингвистика непосредственной регуляции речевого поведения (Белл, 1980; Брандес, 1979; Выготский, 1966; Гак, 1983; Глушко, 1979; Дридзе, 1980; Киселева, 1978; Леонтьев, 1976).

Прагматические факторы представляют значительный интерес и для теории перевода, однако в рамках этой теории понятие «прагматика» трактуется по-разному.

Л.С. Бархударов, например, дифференцирует это понятие и разграничивает термины «прагматическое значение» и «прагматический аспект перевода» (Бархударов, 1975: 106–133).

Л.С. Бархударов классифицирует прагматические значения следующим образом:

1. Стилистическая характеристика слова (скорее всего имеется в виду функциональный стиль ИТ или языковой единицы).
2. Регистр слова (нормативно-стилистическая окраска).
3. Эмоциональная окраска слова.
4. Коммуникативная нагрузка слова.
5. Коннотация слова.

В большинстве лингвопереводческих работ эти аспекты перевода традиционно именуются стилистическими (Рецкер, 1974; Федоров, 1983; Швейцер, 1973).

Под прагматическим аспектом перевода Л.С. Бархударов, вслед за А. Нойбертом (см.: Neubert, 1973; 1985) и А.Д. Швейцером (Швейцер, 1973), понимает учет так называемых «фоновых знаний» участников коммуникативного акта. Очевидно, что переводчик ни в коем случае не может рассчитывать на то, что эти знания, необходимые для понимания текста, будут одинаковыми для носителей ИЯ и ПЯ. Как раз наоборот – нормальной и обычной является ситуация, при которой объем экстралингвистической информации у носителей ИЯ и ПЯ не совпадает: многое из того, что известно и понятно читателям или слушателям текста оригинала, оказывается неизвестным и непонятым для читателей и слушателей текста перевода (Бархударов, 1975: 35).

На важность прагматического аспекта для теории перевода указывают и другие авторы, пользуясь иногда несколько иной терминологией (Комиссаров, 1973: 146–162; Латышев, 1981: 153, 155; Львовская, 1985: 102, 116; Рецкер, 1974: 31–37; Федоров, 1983: 146–157; Шаховский, 1980: 25–36; Mounin, 1963: 227–248; Nida, 1964).

Трансформация ИТ обусловлена внесением в текст перевода определенных поправок на социально-культурные, психологические и иные различия между получателями оригинального и переводного текста:

а) Самую большую группу слов, обуславливающих трансформации ИТ представляет лексика, называющая бытовые реалии. Это реалии, обозначающие жилище, имущество, пищу, напитки, народные праздники, игры, традиции:

1. Заглянула в *голбец*: там в одном уголке свет. (П.П. Бажов) – Sie warf einen Blick *in die Kammer unter der Diele*, dort schimmerte in der Ecke Licht.

В словаре Современного русского литературного языка голбец – отгородка или чулан в крестьянской избе возле русской печи со спуском в подполье, а также само подполье. Эта информация, содержащаяся в ИЯ имплицитно, эксплицируется в ПЯ, и текст перевода расширяется.

2. Там, сев удобнее на скамью, приоправив черные усы, принимая чарку перцовки, – такой здоровой, что иной нерусский человек, отпив ее, долго бы оставался с открытым ртом – закусывал кусочком посоленного хлеба

и кушал **ботвинью**. (А.Н. Толстой) – Dort ließ er sich bequem auf die Bank nieder, strich sich den schwarzen Schnurrbart, nahm ein Glas Pfefferschnaps zu sich, so stark, dass ein Nichttrinker nach solch einem Glas lange noch mit aufgerissenen Mund dagesessen hätte, aß ein Stückchen gesalzene Schwarzbrot hinterher und machte sich ans Mahl. Es gab **kalte Beetensuppe**.

В данном случае переводчик заменяет понятие с более конкретным значением **ботвинья** понятием с более абстрактным значением **kalte Beetensuppe**, т.е. прибегает к приему генерализации, или гиперонимическому переводу (Виноградов, 1978: 102). Для достижения адекватного перевода видовое понятие, отсутствующее в ПЯ, заменяется родовым понятием (гиперонимом). В результате такого перевода наступает семантическая трансформация.

3. Схоронили Степана, **сорочины** отправили чество. (П.П. Бажов) – Stepan wurde beerdigt und **der vierzigste Tag nach seinem Tode** feierlich begangen.

Семантическая трансформация ПТ наступает в вышеприведенном примере в силу того, что описательный перевод необходим, поскольку не каждому читателю знакома традиция русских – поминать на сороковой день после смерти.

4. По Красной площади, по навозным ухабам, брели **сермяжные люди**, повесив головы. (А.Н. Толстой) – Über den Roten Platz, die mit Mist bedeckte ausgefahrene Schlittenbahn entlang, trotteten gesenkten Kopfs **Leute in Röcken aus grobem Tuch**.

Семантическая трансформация ПТ обусловлена описательным переводом лексемы сермяжный (от слова сермяга – грубое некрашеное сукно). В переводе актуализировано прямое значение лексемы сермяжный (люди в одежде из грубого сукна), а переносное значение (бедные люди) содержится в ПЯ имплицитно.

5. Я присел на него, хотел закурить, но, сунув руку в правый карман ватной стеганки, к великому огорчению обнаружил, что **начка** Беломора совершенно размокла. (М. Шолохов) – Ich setzte mich darauf, um zu rauchen. Als jedoch meine Hand in die rechte Tasche der Steppjacke steckte, musste ich, peinlich überrascht, feststellen, dass **das Päckchen Zigaretten** Belomor völlig durchnässt war.

Немецкому читателю, возможно, неизвестно, что «Беломор» – это папиросы, этим обусловлено добавление переводчика, хотя это добавление можно было бы опустить, поскольку из описываемой ситуации известно, что речь идет о папиросах.

б) Вторую группу реалий составляют лексические единицы, обозначающие профессии, исторические реалии, географические реалии, лексика, называющая ландшафт, пейзаж и т.д.:

6. Возле трактира, несмотря на ранний час, была бойкая торговля **сбитнем**. (Г.К. Жуков) – Vor einer Schenke wurde trotz der frühen Stunde

bereits viel gehandelt. Hier gab es *einen sogenannten Sbiten, ein heißes Getränk aus Wasser, Honig und Gewürzen*.

7. В угольной из этих лавочек, или, лучше, в окне, помещался *сбитенщик* с самоваром из красной меди. (Н.В. Гоголь) – а) In einem Eckladen – oder, besser gesagt, in einem Fenster von ihm stand *der Verkäufer von heißem Honigsaft* (Pfeiffer). b) In einem Winkelladen, oder besser im Fenster, saß *ein Teeverkäufer mit einem Samovar aus Kupfer* (Löwenstein).

Перевод исторической русской реалии сбитень (напиток из меда и пряностей) обуславливает семантическую трансформацию ИТ. В старину человека, торгующего сбитнем, называли сбитенщик. В примере 7 первый переводчик прибегает к описательному переводу и не совсем полно раскрывает понятие сбитенщик, а второй переводчик разъясняет данное понятие в сноске; при этом в сноске переводчик эксплицирует не только значение лексемы «сбитенщик», но и раскрывает понятие «самовар»: «Selbstkocher, eine Maschine zum schnellen Aufkochen des Wassers zur Bereitung des Tees. Beim niederen Volke wird auch in dieser Maschine ein aus Honig, Wasser und etwas Branntwein bestehendes Getränk bereitet, das auf offener Straße verkauft und von Fremden falschlich zum Tee genommen wird» (Löwenstein).

8. Шли *гостинодворцы*, туго подпоясанные поясами. (А.Н. Толстой) – *Kaufleute, die in den Handelsreihen ihre Läden hatten*, gingen in straff gegürteten Röcken vorbei.

В старину в некоторых городах строили торговые ряды, преимущественно каменные, занимающие большую площадь. Людей, торговавших в гостиных дворах, называли гостинодворцами. Причиной семантической трансформации ИТ является экспликация в тексте на ПЯ (ПТ) фоновой информации ИТ.

9. Мария Ивановна благополучно прибыла в Софию и, узнав, что двор находился в то время в Царском Селе, решила тут остановиться. (А.С. Пушкин) – а) Marja Iwanowna langte wohlbehalten in dem Petersburger Vorort Sophia an und entschied sich, da sie erfuhr, dass der Hof sich um die Zeit in Zarskoje Selo aufhielt, dort ihren Aufenthalt zu nehmen (Guenther); b) Marie kam glücklich in Sophia an, und als sie erfuhr, dass der Hof sich gerade in dem Sommerpalais Zarskoje Selo aufhalte, beschloss sie dort zu bleiben (Lange).

Индивидуальный подход каждого переводчика проявляется в том, что первый доводит до сведения читателей ПТ информацию о том, что София – это пригород Петербурга, в то время как второй считает важным подчеркнуть, что Царское Село – это летний дворец. Разъяснительно-описательный перевод в обоих случаях обуславливает трансформацию ИТ.

Информация, содержащаяся в ИТ имплицитно, известная большинству носителей ИЯ и, наоборот, незнакомая для носителей ПЯ, эксплицируется в тексте перевода путем добавлений, ср.:

10. Напротив Охотного ряда, *на голицинском дворе*, было чисто и чинно. (А.Н. Толстой) – *Im Hof des Fürsten Golizyn*, dem Ochotny Rjad gegenüber, war alles sauber und wohl geordnet.

11. Звонари лезли на колокольни, ... ждали, когда *ударит Иван Великий*. (А.Н. Толстой) – Die Glöckner kletterten auf die Kirchentürne und warteten ..., bis *die Glocke des Iwan Weliki* erschallen würde.

В свете вышеизложенного можно сказать, что трансформация ИТ обусловлена не только лингвистическими, но и экстралингвистическими факторами, в частности, необходимостью передачи фоновой информации, которая является различной для носителей ИЯ и ПЯ. Трансформация ИТ в данном случае является следствием объективных причин, объясняется принадлежностью участников двуязычной коммуникации к разным социально-культурным / лингво-этническим коллективам и не зависит от воли переводчика. От переводчика зависит возможность правильно передать обозначения вещей, о которых идет речь в подлиннике, а это предполагает наличие у переводчика определенных знаний о той действительности, которая изображена в переводимом произведении. Иными словами, субъективный момент в переводе проявляется в таких случаях в способе, которым переводчик воссоздает оригинал, в том экстралингвистическом опыте, которым располагает переводчик, в его способности донести до носителей ПЯ информацию ИТ, не нарушив принципа прагматической ориентации на получателя, поскольку нарушение этого принципа чревато опасностью полного непонимания или ложного толкования смысла (Львовская, 1985: 114).

Классификация переводческих трансформаций

Трансформация затрагивает различные уровни языка: лексический, морфологический, синтаксический, а также уровень порождения речи / речевого планирования (Латышев/Провоторов, 1999: 90). Поэтому наиболее распространенной является классификация трансформаций по уровневому признаку, однако арсенал трансформационных приемов столь велик, что наряду с тем необходимо выделять семантические (содержательные) и некоторые специфические частные случаи трансформации, лишь условно вписывающиеся в структурно-уровневую схему: они всегда связаны с несколькими уровнями (носят межуровневый характер) и фактически являются «смешанными» трансформациями, обнаруживая определенную комбинацию трансформационных приемов. Поскольку трансформации редко выступают в «чистом» виде, их классификация в любом случае будет носить условный, относительный характер: за основу при этом берется доминантный прием, в то время как сопутствующие, «служебные» трансформации не учитываются; реально же транслирующе-модифицирующие операции при переводе фрагментов ИТ представляют собой сочетание различных структурно-уровневых, содержательных и «специфических» прие-

мов трансформации (Латышев, 1988: 107, 120: Латышев/Провоторов, 1999: 92).

Теоретические разногласия, сколь бы принципиальными они ни были, тем не менее, не могут помешать переводчику составить себе полное представление о том, какие способы и приемы перевода (в том числе и трансформации) допустимы в отечественной переводческой теории и практике, какие пути преодоления переводческих трудностей возможны в процессе передачи ИТ средствами ПЯ (это, по терминологии Я.И. Рецкера, так называемые «переводческие прецеденты», готовые решения, которые можно применять на практике). При этом следует иметь в виду, что оптимальный вариант перевода предполагает длительный, скрупулезный поиск, тщательное изучение ИТ, перебор возможных переводческих вариантов с целью выбора адекватного (Латышев / Провоторов, 1999: 88). Анализ «переводческих прецедентов» способствует формированию переводческой «чуткости», интуиции, чувства меры (целесообразности / нецелесообразности тех или иных отступлений от оригинала).

В переводческой практике имеют место следующие способы и приемы трансформации:

Грамматические трансформации

1. Морфологические / категориально-морфологические трансформации: замена частей речи, грамматических форм (времен, степеней сравнения, падежей, единственного и множественного числа, суффикса на префикс, префикса на суффикс, причастия на существительное, существительного на причастие, причастия на деепричастие или спрягаемую глагольную форму, спрягаемой глагольной формы на причастие, деепричастие, наречие и т.п.), изменение морфологической структуры словоформы и мн. др.

Примеры: koloniale Intrigen – интриги колониалистов; Aus dem Französischen übertragen und eingeleitet von Marietta Rest. – Перевод с французского и предисловие Мариэтты Рест; Es wird bald schneien. – Скоро будет снег; Ohne Absender, eilt, persönlich (о письме). – Без имени отправителя, спешно, лично; geschmacklos – безвкусно; die Tochter eines hohen Offiziers – дочь одного из высших офицеров. (По: Роганова, 1961: 6, 27).

2. Синтаксические трансформации (разноструктурность ИТ и ПТ, перегруппировка членов предложения, перестановки): изменение порядка слов (особенно при передаче тема-рематической структуры предложения), опущения (элиминация из предложения отдельных слов), вклинивания (добавление, введение дополнительных слов в структуру предложения), перенос слов из предложения в предложение, объединение двух предложений в одно, разбивка одного предложения на два, замена простого предложения на сложное, сложного на простое, изменение порядка следования

предложений, перестройка синтаксической структуры, разнообразные вариации рисунка фразы (замена глагола на причастный или деепричастный оборот, предложений с *man* или *es* на личное предложение, активной конструкции на пассивную, пассивной на активную, словосочетания или распространенного определения на предложение, предложения на словосочетание или распространенное определение, изменение типа сказуемого: замена глагольного на именное, именного на глагольное и мн. др.).

Примеры: *vom 26. bis 28. Mai* – в период с 26 по 28 мая; *Millionen und aber Millionen* – миллионы и миллионы; *Plötzlich setzte die Musik aus. Der Konsul hatte ein Zeichen gegeben.* – По знаку консула музыка смолкла; *Vor kurzem erhielt die Stadt ein neues Stadion.* – Недавно в городе был открыт новый стадион; *Sie war gelassen.* – Она чувствовала себя спокойной; *Einen Augenblick später stand Christa im Atelier. Wolfgang hatte den Raum verlassen.* – Вольфганг вышел. через секунду Криста стояла в ателье. (По: Роганова, 1961: 10; Латышев, 1981: 181).

Терминологические обозначения грамматических трансформаций в различных терминосистемах: транспозиция (чаще всего применительно к морфологическим трансформациям), грамматико-контекстуальный эквивалент, лексико-синтаксическое перефразирование, лексико-грамматические трансформации и мн. др.

В узком смысле синтаксические трансформации трактуются как перефразирование на поверхностном уровне, не затрагивающее семантических составляющих.

Лексико-грамматические трансформации

Под лексико-грамматической трансформацией в широком смысле слова понимается любое изменение грамматической структуры и ее лексического наполнения.

При разграничении синтаксических и лексико-грамматических модификаций ИТ лексико-грамматические трансформации трактуются более узко, как взаимозамена лексических и грамматических единиц: замена слова на словосочетание или предложение, словосочетания или предложения на лексическую единицу, передача значения морфемы (префикса или суффикса) лексической единицей, замена лексической единицы на морфему и т.п. (вклинивания / добавления и элиминация / опущение слов в предложении также нередко являются лексико-грамматическими трансформациями, если лексические изменения обусловлены грамматическими факторами).

Примеры: Она заплакала. – *Sie begann zu weinen*; *zum Ausdruck bringen* – выразить; «*Der aufhaltsame Aufstieg des Arturo Ui*» (B. Brecht) – Карьера Артуро Уи, которой могло бы не быть / которую можно было предотвратить / которая могла не состояться.

Другие термины для данного приема трансформации: лексико-синтаксическое перефразирование, парафраз, перефразирование, лексико-синтаксические трансформации, грамматико-лексическая эквивалентность.

Семантико-содержательные (глубинные) трансформации

Данный тип трансформаций требует более подробного рассмотрения. При переводе сопоставляются не отдельные слова и формы, а определенные смысловые сегменты, структурно-семантические узлы, составляющие единое понятийное целое (Рецкер, 1974: 7). В случае прямой подстановки наблюдается полный параллелизм структуры и лексического наполнения ИТ и ПТ, поэтому осуществляется последовательный перевод всех компонентов без каких-либо трансформаций, в силу чего создается впечатление перевода «слово в слово», хотя на самом деле имеет место передача не просто слов, но и грамматических форм, и стилистических оттенков, и имплицитной (сопутствующей, прагматической, словесно не выраженной) информации, которая «читается меж строк», т.е. привносится из жизненного опыта (фоновых / энциклопедических знаний) читателя и т.д. таким образом, при прямой подстановке имеет место как структурный, так и семантический /содержательный / смысловой параллелизм: «параллелизм семантических («словарных») значений слов и устойчивых словосочетаний, категориальных и грамматических форм (частей речи, глагольных форм, падежных форм существительных, форм прилагательных, местоимений, числительных и т.д.), параллелизм членов предложений, параллелизм моделей предложений и словосочетаний и т.д.» (Латышев, 1988: 95). При нарушении одного из типов параллелизма возможен один конкретный тип трансформации (лексический, морфологический, синтаксический, лексико-грамматический), однако нередко отсутствие определенного слова, а чаще – модели словообразования, словосочетания, предложения, устойчивого оборота или фразеологизма не может компенсироваться одной частной трансформацией, и в таких случаях необходимо перепланирование всего тестового сегмента на содержательно-смысловом, глубинном уровне и / или смещение фокуса референции, т.е. смена угла зрения на ситуацию, реинтерпретация (иное толкование) авторской мысли, перераспределение эксплицитных и имплицитных элементов содержания, перегруппировка компонентов ситуации и иное словесно-фразовое оформление мысли с изменением грамматической репрезентации семантических компонентов описываемой денотативной ситуации. Этот прием трансформации требует «соавторства» переводчика, а отсюда – и особой тщательности в подборе средств выражения. Главные требования, предъявляемые к данной процедуре, к ее конечному результату: эквивалентность предметно-логического образа ситуации в ИТ и ПТ (информационная адекватность, общность сообщаемого объема информации), коммуникативно-функциональная экви-

валентность в ее ситуативно-прагматическом аспекте: общность эмоционально-оценочной функции (валоративная адекватность, аналогичный иллюкутивный эффект, т.е. адекватность эмоций, оценок, смысла, подтекста и т.п.); общность воздействия на поведение читателя, его действенной реакции (инцидивная адекватность, аналогичный перлокутивный эффект), прагматическая эквивалентность (селективная адекватность: сообщение адресатам ИТ и ПТ того объема знаний о ситуации, который нашел нужным сообщить автор оригинала, недопустимость экспликации информации, которую «сокрыл» от читателя автор ИТ, т.е. верность коммуникативной стратегии ИТ).

Перераспределение элементов содержания, перепланирование глубинной структуры транслемы влечет за собой изменение ее поверхностной структуры (модели фразы и ее лексического наполнения), т.е. неизменно влечет за собой различные структурно-уровневые трансформации. Фактически мы имеем дело с одним из случаев «смешанной» трансформации, однако в отдельный тип данные трансформации выделяются в связи с тем, что главным в этом случае является реструктуризация глубинной структуры, перепланирование отношений между элементами ситуации на логическом (смысловом) уровне с конверсной (обратной) «подачей» из связей друг с другом, а замена отдельных слов или грамматических единиц является лишь следствием измененной логико-смысловой схемы (структуры) в подаче информации, средством выражения новой семантической модели фразы. Это специфический и весьма существенный тип трансформаций, требующий от переводчика большого мастерства и чувства меры.

Поскольку перепланирование на глубинном и поверхностном уровнях не всегда позволяет сохранить все характеристики соответствующего структурно-семантического узла, в переводоведении предлагается следующая *иерархия ценностей при переводе*, отражающая более или менее существенные элементы транслемы (в убывающей прогрессии):

- денотативная (информативная, селективная);
- коннотативная (валоративная, эмоционально-оценочная);
- текстуально-нормативная;
- формальная адекватность ИТ и ПТ.

Главное требование: общее смысловое равенство фрагмента ИТ и ПТ, сохранение в максимально возможной мере авторской мысли, авторского замысла.

Приемы логического / смыслового развития содержания и основополагающих понятий ИТ столь многочисленны, что фактически не поддаются строгой и полной систематизации, в силу чего классификация семантико-содержательных трансформаций особенно многочисленны, неоднозначны и противоречивы (один и тот же прием нередко обозначается различными терминами, а один и тот же термин применяется для обозначения разнотипных приемов трансформации). Поэтому представляется целесообраз-

ным простое перечисление наиболее распространенных приемов трансформаций, без попытки их объединения в определенные «блоки» и тематические группы.

1. Изменение каузальных / причинно-следственных отношений смысловых элементов фразы (замена причины на следствие, следствия – на причину). Суть данного приема заключается в следующем: выражая причинно-следственные взаимосвязи процессов и ситуаций, мы можем отразить либо оба компонента этой логической связки, либо один из них, в то время как второй домысливается адресатом на основании его «энциклопедических» знаний (социокультурных программ), составляя «сверхинформацию», т.е. имплицитную информацию текста (не выраженные словесно, но «присутствующие» в сознании коммуникантов элементы содержания); таким образом осуществляется «прирост содержания» текста при значительной экономии языковых средств выражения.

Например: Он наступил на мину, она взорвалась, и он погиб. (наступил, взорвалась = причина, погиб = следствие); Он подорвался на mine (= следствие; причина явствует из ситуации: подорвался на mine, поскольку наступил на нее или задел ведущий к ней провод); Он наскочил / нарвался на мину (в ответе на вопрос, как погиб X, данная фраза содержит причину, а следствие говорящим уже ясно из ситуации).

В процессе перевода, в случае отсутствия параллельного оборота или конструкции, модели предложений с изменением логических отношений между исходными понятиями ИТ могут быть использованы в качестве переводческих версий.

Примеры: Он подорвался на mine (= следствие). → Er war auf eine Mine gerannt / gelaufen (= причина). Miep hat eine Woche frei. → Мип на неделю взяла отпуск (замена следствия / результата на причину / предшествующее действие); Vor dem Eingang stand eine Laterne. → Подъезд был освещен фонарем (замена причины / «инструмента» на следствие / его функцию: подъезд освещен, поскольку установлен фонарный столб для ночного освещения); Es ist wieder eine Menge passiert (запись в дневнике). → У нас опять куча новостей (причина: произошло много событий, следствие: много новостей для дневниковых заметок).

(По: Латышев, 1988: 112–113; Роганова, 1971: 26).

Причинно-следственные отношения иногда получают более дифференцированную классификацию, в соответствии с чем в переводе различают различные варианты их передачи:

- а) Замена процесса / события на следствие / результат
- б) Замена следствия / результата процессом
- в) Замена причины процессом
- г) Замена действия на инструмент / средство.

Аналогичный характер имеют следующие семантико-содержательные трансформации:

2. Замена предмета на признак.

3. Замена абстрактного понятия конкретным (и наоборот), или конкретизация (гипонимический перевод) либо генерализация (гиперонимический перевод).

4. Взаимозамена пространственных (локальных) и временных (темпоральных) характеристик.

5. Смена органов чувств («канала восприятия»).

6. Замена посессивного отношения экзистенциальным.

7. Эксплицитная передача имплицитного (и наоборот) и мн. др.: «Setzen Sie sich auf Ihren Platz! – Er sprach betont hochdeutsch.» – «Сядьте на свое место!» – Он говорил подчеркнуто правильно и вежливо (экспликация имплицитного: литературный немецкий язык, вместо более близкого в обиходе диалекта или противоречия, был знаком официальности, дистантности; соблюдение правил речевого этикета стало знаком осуждения, отчуждения). (По: Латышев, 1988: 119).

8. Конверсия / конверсивные трансформации: «перевернутое» описание ситуации, описание отношений семантических компонентов «с противоположного полюса», по типу: Иван пришел раньше Петра → Петр пришел позже Ивана; Сергей женился на Людмиле → Людмила вышла замуж за Сергей; вниз головой → вверх ногами; Экспедиция израсходовала продовольствие → У экспедиции кончилось продовольствие (см.: Латышев / Провоторов, 1999: 93). Последний тип конверсии обозначается также терминами «изменение субъектно-объектных отношений», «векторные замены».

Примеры: Sie litt an Torschlusspanik. – Ее угнетал страх приближающейся старости; Er fiel kopfüber die Treppe hinunter. – Он свалился с лестницы вверх тормашками. (По: Латышев, 1988: 121).

Близок к конверсивам также следующий тип логико-смысловых преобразований:

9. Антонимический перевод: взаимозамена контрадикторных / противоположных понятий (позитивных и негативных по форме языковых единиц) при сохранении исходного смысла фразы, замена слов антонимами с отрицанием, утвердительных предложений отрицательными (и наоборот), по принципу: Он не сказал ни слова = Он молчал; Он все еще стоял у двери = Он никак не уходил / Он все еще не хотел уходить; Он хороший мальчик = Он мальчик неплохой. Он не умен = Он глуп.

Примеры: Die Reiter saßen 14 Stunden und mehr im Sattel ... – Всадники по 14 часов и более не слезали с седла; Ihre Unterlegenheit an technischem Können versucht die Mannschaft durch hohes Spieltempo auszugleichen. – Превосходство противника в технике команда пытается компенсировать высоким темпом игры; Die Freiheit geht nie unter. – Свобода победит. (По: Латышев, 1981: 185; Роганова, 1961: 30).

Данный тип семантических трансформаций сочетается с другими типами модификации ИТ, в результате чего перевод всей фразы требует осуществления смешанных трансформаций.

10. Лексические трансформации / контекстуальные лексические замены: использование слов, не являющихся словарными эквивалентами, однако обнаруживающих в определенных контекстах общность значения. Отклонения от прямых словарных соответствий могут быть обусловлены следующими причинами:

а) употребление слова ИЯ в переносном или ином «нетипичном» значении;

б) употребление в ПТ смыслового синонима единицы ИЯ;

в) замена реалии именем нарицательным (в случае, если имя собственное ничего не говорит носителю ПЯ и ее транскрипция или калькирование несущественны для смысла текста);

г) замена слова ИЯ лексической единицей с неадекватным объемом понятия;

д) передача перечисления (нескольких лексических единиц или видовых понятий) одним словом (родовым понятием);

е) передача слова перечислением (замена родового понятия на несколько видовых) и т.д.

Соответственно данные виды лексических трансформаций получают в ряде случаев свои специфические терминологические обозначения:

а) передача посредством контекстуального эквивалента (контекстуальная эквивалентность, контекстуальная замена);

б) синонимическая замена;

в) генерализация / импликация (расширение значения): *Badenweiler Marsch* → фашистский марш; «стол, стул, шкаф, диван» → *Möbel*;

г) конкретизация / экспликация (сужение значения): внутренние водоемы → «каналы, реки и озера»; *Möbelstück* → шкаф / диван и т.п.; *Aufstand* → революция / путч / переворот; *Sitzgelegenheit* → стул / кресло и др.

Примеры: *Die Mutter muss ihn immer ermahnen, doch vernünftiger zu essen.* – Мать всегда напоминает ему, что надо есть медленней; *Mit Windeseile verbreitete sich diese Nachricht.* – Эта новость распространилась с быстротой молнии; *Aus einem offenen Fenster quakte ein Grammophon den Hohenfriedberger Marsch.* – Из открытого окна доносились квакающие граммофонные звуки военного марша; *Langsam, genussüchtig isst Sophie.* – Зофи обедает не спеша, смакуя каждый кусочек; «*Welch ein furchtbarer Schrei war das ... Es war die Magt*» – «Какой это был ужасный вопль ... Это кричала служанка». (По: Латышев, 1988: 118, 107, 121; Роганова, 1961: 19).

Семантико-содержательные трансформации получают многочисленные терминологические обозначения: логическое развитие (понятий), смысловое развитие (содержания), семантические / смысловые трансформации, лексико-семантические преобразования, перенос (понятий), контек-

стуальная эквивалентность / замена / синонимия, адекватные замены, модуляции, логико-языковые трансформации, логико-грамматические / лексико-грамматические трансформации, адаптация, смысловые / семантические компенсации, описательный перевод, парафраз / перифраз / перефразирование, транспозиция, «векторные замены» / конверсные трансформации (применительно к «асимметрии», нарушению изоморфизма, т.е. параллелизма ИТ и ПТ), смысловое развитие и целостное переосмысление.

11. Стилистические трансформации: мотивированное изменение образной структуры ИТ либо его лексического наполнения с целью достижения коммуникативно-функциональной и художественно-эстетической адекватности ИТ и ПТ или утрата эмоционально-оценочных либо образно-стилистических характеристик языковых единиц ИТ при выборе переводческих соответствий.

При этом возможны следующие варианты стилистических соответствий фрагментов ИТ и ПТ: а) сохранение образности и экспрессии ИТ в переводе; б) частичные изменения в ПТ образности и экспрессии ИТ; в) полная замена образности с сохранением эмоционально-экспрессивной окраски; г) утрата образности и экспрессии (Рецкер, 1974: 161–161). Сообразно данным типам соответствий различаются следующие основные приемы стилистических трансформаций:

а) Адекватная замена

Необходимо подчеркнуть различие понятий «адекватная замена» и «адекватный перевод». «Адекватный перевод» мыслится как некоторое направление в переводоведении (в отличие от дословного и вольного), и в рамках этой концепции отмечается несколько переводческих подходов (способов) перевода – ср., например, классификацию З.Е. Рогановой:

(а) идентифицирующе-адекватный перевод (= дословный перевод, подстановка / субституция); (б) трансформационно-адекватный перевод (грамматические и семантико-содержательные трансформации); (в) функционально-адекватный перевод (= стилистические трансформации с целью достижения адекватности коммуникативной установки автора, эмоционально-оценочной и образно-эстетической функций, поведенческой реакции читателя и т.п. – в современной терминологии: валоративная и инцидивная адекватность, функционально-прагматическая адекватность, общность иллюкутивного и перлокутивного эффектов).

Адекватная замена, таким образом, является одним из приемов функционально-адекватного перевода, основывающимся на многочисленных «технологических» операциях, основными из которых являются:

– Выбор лексически (словарно) неадекватного слова или оборота (контекстуального эквивалента) с близким смыслом и аналогичной стилистической окраской (отнесенность к единому стилевому регистру: *литер., книж.-письм., обих.-литер., разгов., обих.-разгов., фамил., вульгар., возвыш., напыщ.*; общность эмоционального стилистического оттенка: *ирон.,*

саркаст., шутл., элегич., меланхол., восторж. и т.п.): Würmchen → «клопик», «карапузик»; «лириканье» → Seelenkitsch, Gefühlduselei; «ширпотреб» в поэзии → Konfektion in der Dichtung; «криминальное чтение» → Krimi-Lesefutter.

– Замена символического образа ИЯ некоторым узуальным аналогом (традиционным символическим образом) ПЯ, не имеющим ярко выраженной национальной окраски и пробуждающим аналогичные ассоциации: напр., нем der Ochse как символ глупости аналогичен русскому образу барана или осла и т.п.; Gevatter Tod → смерть-старуха; Sensemann → старуха с косой; der Weihnachtsmann → Дед Мороз; Frau Holle → Матушка Зима / Матушка Вьюга.

– Экспликация образа, образного сравнения, игры слов посредством дословного перевода или калькирования (в том случае, если это позволит передать читателю образные ассоциации исходного текста): «Wieder ein Militärmarsch: «Leichte Kavallerie» von Suppe». – «Suppe? Ein bisschen komischer Name, was?» – «Und dieser Suppe kocht ganz gute Musik» (W. Bredel). → «Опять военный марш: «Легкая кавалерия» Зуппе» – «Зуппе? Суп? Странная фамилия. вы не находите?» – «А этот Зуппе варит неплохую музыку». (Перевод: И. Шрайбер, Л. Яковенко. – См.: Латышев, 1981:149–150). Здесь имеет место экспликация игры слов: французское имя Suppe, воспринятое как аналог немецкого Suppe, побуждает собеседников к каламбурному обыгрыванию значения этого слова; переводчик вынужден перевести слово Suppe (суп), чтобы передать подтекст и игру слов.

– Переводческое новообразование (сотворчество переводчика и автора оригинала: смена образов с целью сохранения эмоциональной и идеологической установки ИТ; лексические замены с целью воспроизведения игры слов, каламбурных сочетаний, подтекста и т.п.), ср.: Rederitis (шутливое образование по аналогии с Rachitis = намек на болезненную словоохотливость) → «недержание слова» (образование по аналогии с: «недержание мочи»); Froschperspektive (намек на ограниченность кругозора, примитивизм точки зрения) → «кочка зрения» (намек на болото и его обитателей – лягушек на кочках; параллелизм, аналогичность образов); «Professor Unrat» (прозвище учителя Рата: «Un» содержит намек на то, что рекомендации учителя представляют собой «не-совет» / «Un-Rat», или «плохой совет») по типу: «Unwetter» = «не-погода»; здесь имеет место игра слов: Unrat в обиходной речи имеет значение «дерьмо») → «Учитель Гнус» (Как прозвище к фамилии «Нус» / Nuss, «изобретенной» переводчиков с целью воссоздания игры слов); Mir geht's durch Mark und Pfennig – игра слов, каламбур: das Mark = костный мозг + die Mark = марка, денежная единица; второе значение слова имплицитно добавляется словом Pfennig, также обозначающего денежную единицу (возможное переводческое новообразование: «Меня это затронуло / встряхнуло до глубины души и кошелька),

in keinster Weise → ни в коеньком случае (переводческое словотворчество для передачи нетипичной для местоимения kein суперлативной формы).

Все виды адекватных замен (а особенно последний) требуют от переводчика большого такта, мастерства и чувства меры: «переводить иностранного писателя значит заставлять его творить так, как он сам бы выразился, если б писал по-русски» (А. Струговщиков).

б) Смена стилистических коннотаций: изменение стилистической окраски, смена стилевого «регистра», т.е. нормативно-стилистического оттенка (Stilschicht, normative Stilfärbung, normativ-stilistische Schattierung: *normalsprachlich, umgangssprachlich, familiär, salopp, grob / derb / vulgär, gehoben / gewählt, geschraubt / gespreizt*) либо функционально-стилистического оттенка (funktionale Stilfärbung, funktional-stilistische Schattierung: *offiziell / amtlich, publizistisch, wissenschaftlich, literarisch-belletristisch*), взаимозамена регистра и функционального стиля (замена диалектного слова на обиходно-разговорное и наоборот, литературно-обиходного на фамильярно-обиходное, вульгарного, жаргонного на небрежно-фамильярное и т.п.); развитие метафор, частичное изменение / варьирование эмоционально-стилистического / экспрессивно-стилистического оттенка (emotional-wertende Stilfärbung) и др.: Kate → изба, хата (диал. → обих.-разгов.); пригвоздить (к позорному столбу) → anprangern (обих.-разг. → литер.-возвыш.); Ihr wollt bloß alle mit dem Kopf durch die Wand. → Вы все хотите стенку башкой прошибить. (Перевод: И. Шрайбер, Л. Яковенко): Kopf: диал. → обих.-разгов.; Wand: литер. → обих.-разгов.

В ряде случаев нейтральное слово оригинала может передаваться словом с идеологической коннотацией: Aufstand = а) революция, восстание; б) переворот, путч, бунт и т.д.

в) «Выпрямление значения» / утрата сигнификативных коннотаций: передача переносного значения прямым, стилистически окрашенного слова нейтральным, образного слова или оборота прямой номинацией (деметафоризация, деметонимизация, деидиоматизация и т.п.), передача игры слов, каламбуров, эвфемизмов нейтральными интерпретирующими оборотами и т.п.: Sie hat was Kleines unterwegs → Она ожидает ребенка / Она беременна; k.k.-Monarchie (kaiserlich-königlich > ka-ka = намек-аллюзия, восходящий к слову kaken) → австро-венгерская монархия; der Lenz (возвыш.-поэт.) весна; шествовать → gehen, ziehen; дубравы (уст., возвыш.) → Wälder; das Abendland → Запад (метонимия → прямая номинация); Sie hätten mehr Rückgrat zeigen können. → Вы могли бы проявить больше твердости (метафора → прямая номинация); Ich bin gespannt wie ein Regenschirm → Я весь внимание (утрата игры слов). (По: Латышев, 1981, 1988).

г) Компенсация стилистических потерь / Стилистическая компенсация: утрата стилистических оттенков («выпрямление значения») одним компонентом ИТ + возмещение утраченного оттенка за счет экспрессивизации другого, стилистически нейтрального слова / оборота, т.е. пере-

распределение коннотаций: Der Lenz zieht in die Wälder ein. → Весна шествует по лесам и дубравам. (поэт. Lenz → нейтр. весна = «выпрямление» + нейтр. Wälder → поэт. дубравы = компенсация); На лазурных берегах Средиземноморья → An den blauen Gestaden des Mittelmeeres (поэт. лазурный → нейтр. blau = «выпрямление» + нейтр. берега → поэт. Gestaden = компенсация). (По: Латышев, 1981: 135, 139).

д) Метафоризация: замена стилистически нейтрального слова с прямым значением на метафорически-образное слово: глупец → Esel; тупица → die dumme Gans и т.п.

е) Идиоматизация / фразеологизация: замена слова, свободного сочетания или оборота идиоматически, устойчивым оборотом: говорить намеками → durch die Blume reden; беситься → auf die Palme steigen.

ж) Экспрессивизация / Экспрессивная конкретизация (замена слова широкой семантики с нейтральной стилевой окраской на более конкретное и экспрессивное): Plötzlich hörte man einen entsetzlichen Schrei: es war die Magd. → Вдруг все слышали громкие крики ужаса: это кричала служанка; Er bekam Angst. → Он всполошился / ужаснулся / пришел в ужас / содрогнулся (в зависимости от условий конситуации переводчик дифференцированно оценивает степень чувства субъекта предложения).

Подобно семантико-содержательным трансформациям, стилистические трансформации связаны с другими типами трансформационного перевода и иногда предполагают смешанные трансформации или целостное переосмысление.

Другие обозначения стилистических трансформаций в теории перевода: стилистическая компенсация, адекватные замены (для обозначения всех охарактеризованных выше приемов), функционально-адекватные замены, функциональные замены / подстановки, экспрессивно-стилистическое согласование / соответствие.

12. Смешанные / комплексные трансформации. Данный тип трансформаций фактически не является самостоятельным переводческим приемом. Этим термином обозначается сумма переводческих трансформаций, используемых переводчиком при передаче предложения или секвенции (последовательности) предложений, составляющих смысловый блок. Семантико-содержательные и стилистические трансформации неизбежно требуют для своей реализации лексические, морфологические, синтаксические трансформации и органически связаны с ними, поскольку обычно одно изменение во фразе влечет за собой другое, и в результате возникает «цепная реакция» преобразований, обусловленных несколькими или многими факторами.

Примеры: Его глаза метали молнии. → В его глазах был гнев. (деидиоматизация, субъектно-объектная трансформация, синтаксическая трансформация);

Seitdem Nyk eingetreten war, war es still geworden. → С приходом Ника в комнате воцарилась тишина (синтаксические, морфологические, лексические трансформации); Die Leute sahen ihm gespannt zu. → Рыбаки не спускали с него глаз (лексическая, лексико-грамматическая и семантико-содержательная трансформации).

Характер смешанных трансформаций могут иметь средства передачи безэквивалентных единиц (такие, как калькирование, описательно-разъяснительный перевод, частичная транслитерация / транскрипция и др.), сочетающиеся с различными модификациями языковой единицы ИТ, однако трансформации носят при этом служебный, вспомогательный характер (что и пытаются отразить некоторые исследователи, предпочитая термины «модуляция», «адаптация» для обозначения трансформаций в сфере безэквивалентности), однако вряд ли есть необходимость вводить какие-либо новые, дополнительные термины, поскольку «адаптации» / «модуляции» безэквивалентов представляют собой не что иное, как лексические, морфологические, синтаксические, лексико-грамматические трансформации. Как типы трансформаций выделяются по доминирующей переводческой операции, так и типы передачи безэквивалентов определяются по ведущей переводческой процедуре, что и отражает их классификация и специфические терминологические обозначения.

Смешанные трансформации граничат с приемом, представляющим собой «вольный перевод», а точнее «свободные пересказ» (иногда этот тип перевода трактуется как крайний случай смешанных трансформаций).

13. Целостное переосмысление / преобразование (перевыражение своими словами всего предложения): «Под этим приемом обычно подразумевается целый ряд разноплановых трансформаций, которые делают структуру переводящего отрезка текста в такой степени непохожей на структуру исходного отрезка текста, что трудно ... найти более мелкие ... единицы соответствия или же сопоставимые аспекты (в плане нашей классификации)» (Латышев, 1981: 184): результирующее предложение ПТ передает общую идею предложения ИТ, но трудно выделить части как конкретные эквиваленты компонентам исходного предложения (Р.В. Резник).

Например: Die Winterpause für Motorrad ist eine vernünftige Fahrerentscheidung. → Самым правильным будет вообще отказаться от езды на мотоцикле в зимнее время; Einen sicheren Sieg und eine Goldmedaille erlief der Sportler über 1500 Meter. → Участвуя в соревнованиях по бегу на 1500 метров, спортсмен одержал уверенную победу и завоевал золотую медаль; Die Eisenbahn bildet das Rückgrat der Transporte. → На железную дорогу приходится основная часть перевозок. (По: Латышев, 1981: 127, 184).

Характер целостных трансформаций носят также адекватные замены, передающие каламбуры, игру слов, аллюзии и т.п. Нередко этот прием обозначается термином «*целостная стилистическая компенсация*», в

таком случае стилистически нейтральное целостное переосмысление трактуется как **«целостная семантическая компенсация»** (поскольку создается новое речевое произведение, не содержащее четких словарных соответствий подлиннику).

Данный тип трансформаций часто трактуется как наиболее сложный случай смешанных трансформаций.

Другие терминологические обозначения: сплошная компенсация, адаптивное переложение, общеконтекстуальная эквивалентность, глубинные трансформации, перефразирование / парафраз / перифраз / перифраза / перефразирование на уровне предложения (поскольку переосмыслению подвергается смысл всего предложения, а не его отдельных частей).

Тема 8. ПРИЕМЫ ПЕРЕДАЧИ БЕЗЭКВИВАЛЕНТНЫХ НОМИНАЦИЙ

Безэквивалентными являются языковые единицы ИЯ (лексемы, лексиомы, устойчивые обороты, фразеологизмы), для которых в системе ПЯ нет «готовых» лексических соответствий (Латышев, 1988: 97, 103; Латышев / Провоторов, 1999: 52). Подобный характер межъязыковых отношений обозначается терминами «безэквивалентность», «Äquivalenzlosigkeit», «Nulläquivalenz», «fehlende Äquivalenz», «lexikalische / phraseologische Lücken», «культурно-языковые лакуны» (Латышев, 1988: 103; Sternin / Fleckenstein, 1994: 41, 78; Латышев / Провоторов, 1999: 53; Wotjak, 1984: 316). Таким образом, понятие «безэквивалентности» следует понимать не как непереводаемость, т.е. неспособность ПЯ передать безэквивалентную лексику ИЯ, а как отсутствие в ПЯ соответствующей лексической единицы (Бархударов, 1975: 96; Иванов, 1994: 9; Латышев, 1988: 103). В теории и практике перевода в настоящее время имеется целый арсенал средств для преодоления отношений безэквивалентности, и, несмотря на то, что они близко соприкасаются со способами подстановки и трансформации, из обычно принято выделять в особую группу приемов перевода (Латышев, 1988: 107) в силу специфичности как переводимых единиц ИЯ, так и самой технологии преодоления отношений безэквивалентности.

Отношения безэквивалентности неоднородны, и по характеру лежащих в их основе номинативных процессов принято различать следующие типы безэквивалентных лексических единиц / безэквивалентов.

1. Абсолютно безэквивалентные единицы (реалии) – наименования явлений, характерных для определенного народа и его культуры (имена собственные: имена, фамилии, клички, прозвища, географические названия; обозначения фирм, театров, государственных учреждений, праздников, обычаев, обрядов, напитков, вин, кулинарных изделий и прочих объектов, имеющих специфический этнокультурный «ореол»).

2. Временно безэквивалентные лексические единицы – терминологическая лексика и близкие к ней реалии, обозначающие достижения науки, техники, промышленности, а также бытовые предметы и вещи, временно имеющие узкокультурный характер и неизвестные представителям других лингвоэтнических социумов.

3. Случайные безэквиваленты – обозначения предметов и явлений, имеющих как в стране ИЯ, так и в стране ПЯ, но не получившие по каким-либо причинам в одном из языков своего специфического наименования, т.е. своеобразные лексические лакуны (Бархударов, 1975: 95), ср. русс. «сутки» (нем. 24 Stunden, Tag und Nacht).

4. Структурные экзотизмы – своеобразные словообразовательные модели ИЯ, отсутствующие или неузуальные в ПЯ и не позволяющие создать структурно-адекватные лексические единицы; ср. немецкие композиты и

аффиксальные образования: Wunschdenken, hineinstolpern, aufhaltsam, einheiraten in (Akk.) и др. (см.: Латышев / Провоторов, 1999: 52–54).

5. Частичные безэквиваленты (partielle Äquivalenzlosigkeit – Wotjak, 1984: 316 – слова, совпадающие в части своих значений в ИЯ и ПЯ, однако обнаруживающие наличие и других, культурно-специфических значений в ИЯ либо ПЯ (так называемые «ложные друзья переводчика»).

В.Г. Чернов устанавливает следующие виды безэквивалентности:

1) вещественную, специфическим источником которой является отсутствие в жизни определенного народа данного отрезка действительности; в ее основе лежит специфичность предметов и явлений, характерных только для данного народа, отразившего тот или иной предмет либо явление в соответствующем понятии или лексической единице;

2) лексико-семантическую, являющуюся следствием того, что действительность в разных языках представлена по-разному, и возникшую при отсутствии у народа, на язык которого осуществляется перевод, тождественного понятия об идентичном отрезке действительности;

3. стилистическую, связанную с нарушением привычной сочетаемости (Чернов, 1958: 91).

Л.С. Бархударов к безэквивалентным номинациям относит следующие группы слов:

1. Имена собственные, географические наименования, названия учреждений, организаций, газет, пароходов и прочее, не имеющие постоянных соответствий в лексиконе другого языка.

Здесь речь может идти об именах собственных и названиях, малоизвестных для носителей другого языка.

2. Так называемые реалии, то есть слова, обозначающие понятия, предметы и ситуации, не существующие в практическом опыте людей, говорящих на другом языке. Сюда относятся слова, обозначающие разного рода предметы материальной и духовной культуры, свойственные только данному народу, например, названия блюд национальной кухни (русск. щи, борщ, рассольник, квас, калач), видов народной одежды и обуви (русск. сарафан, душегрейка, кокошник, лапти), народных танцев (русск. трепак, гопак) и др.

3. Лексические единицы, которые можно назвать случайными лакунами, т.е. те единицы словаря одного из языков, которым по каким-то причинам (не всегда понятным) нет соответствий в лексическом составе (в виде слов или устойчивых словосочетаний) другого языка (Бархударов, 1975: 94–96).

Е.М. Верещагин и В.Г. Костомаров представляют следующую классификацию безэквивалентной и фоновой лексики:

1. Наименования предметов и явлений традиционного быта.

2. Историзмы, то есть слова, обозначающие предметы и явления предшествовавших исторических периодов.

3. Фразеологические единицы.

4. Слова из фольклора.

5. Слова нерусского происхождения – так называемые тюркизмы, украинизмы, монголизмы и др. (Верещагин, Костомаров, 1983: 20–21).

А.О. Иванов разделяет безэквивалентную лексику на два типа: референциально-безэквивалентную и прагматически-безэквивалентную лексику.

К первому типу безэквивалентной лексики, которая связана с расхождением референциального значения соответствующих лексических единиц ИЯ и ПЯ, относятся:

1. Реалии.

2. Термины.

3. Фразеологизмы.

4. Индивидуальные неологизмы.

5. Семантические (понятийные) лакуны.

6. Сложные слова различных типов, значения которых могут быть переданы на ПЯ только путем описательного перевода или различных трансформаций.

Ко второму типу безэквивалентной лексики, который объясняется расхождениями прагматических значений соответствующих единиц ИЯ и ПЯ, А.О. Иванов относит:

1. Различного рода отклонения от общезыковой нормы языка, включая как территориальные, так и социальные диалекты, жаргон, арго, табуированную лексику и другие отклонения от общей нормы языка, не имеющие прагматически адекватных эквивалентов в ПЯ.

2. Иноязычные вкрапления, референциальные значения которых трудно передать, в то время как их прагматическое значение передается не всегда.

3. Аббревиатуры.

4. Слова с суффиксами субъективной оценки.

5. Междометия.

6. Звукоподражания, чаще всего не имеющие прагматически адекватных эквивалентов в ПЯ.

7. Ассоциативные лакуны, т.е. слова, имеющие в сознании носителей данного языка определенные дополнительные ассоциации, отсутствующие в сознании носителей другого языка (Иванов, 1984: 9–11)

Не всегда легко решить, в каком случае то или иное слово или словосочетание можно отнести к числу безэквивалентной лексики, обозначающей реалии – окказиональное переводческое соответствие может перейти в узусальное соответствие: нередко малоизвестные ранее слова и словосочетания, не имевшие словарных соответствий и не имеющие их и на сегодняшний день, становятся легко узнаваемыми из-за неоднократного упоминания на страницах периодической печати.

В 90-х годах в газетах Германии появились слова, значения которых с трудом понимали даже сами носители языка. В настоящее время эти слова не представляют трудности для переводчика и для людей, читающих немецкую периодическую печать:

Der schlanke Staat = der sparsam wirtschaftende Staat (der Staat muss sparen, und er entlässt Personal).

Die Standortdebatte = Debatte über Betriebsniederlassung

anfaxbar = per Fax erreichbar

die Nostalgie = Sehnsucht nach den alten Zuständen (in Ostdeutschland)

die Frühverrentung = vorzeitiger Ruhestand

das Neufünfland = die fünf neuen Bundesländer (ehemalige DDR-Länder) – игра слов на основе топонима Neufundland (Ньюфаундленд)

das Geburtentief = geringe Geburtenzahl

Исторически сложились следующие принципы передачи безэквивалентных языковых единиц (реалий, «фоновой» лексики, фразеологизмов, безэквивалентных словообразовательных моделей и т.д.):

Транслитерация

Транслитерация представляет собой прием так называемого «беспередовного заимствования» (Lexementlehnung – Sternin / Fleckenstein, 1994: 69), основанного на передаче графического облика иноязычного слова или интернационализма: терминов, имен собственных, географических названий, названий фирм, компаний, театров, журналов и т.д. (Бархударов, 1975: 96–98; Рецкер, 1974: 29). Получившееся в результате такой «механической» подстановки слово произносится в соответствии с произносительными нормами ПЯ (Латышев, 1988: 104), ср. Kanzler – канцлер, Bürger – бюргер, Weisgerber – Вайсгербер, Watson – Ватсон, спутник – Sputnik, Оля – Olja, самовар – Samowar.

Однако транслитерация имеет целый ряд немотивированных адаптаций, прибегает к необоснованной «подмене» графем, ср. Hitler – Гитлер, Goebbels – Геббельс, Fräulein – Фрейлен, Heinrich – Генрих и т.д. Кроме того, прием транслитерации изобилует целым рядом модуляций (трансформаций) исходных форм, обнаруживающих черты специфичности при передаче безэквивалентов различной национально-культурной принадлежности, ср.:

Johannes – нем. Иоганн, библ. Иоанн;

Jenny – нем. Енни / Йенни, англ. Дженни, фр. Жень;

Jihn – нем. Йон, англ. Джон;

Geirg – нем. Георг, англ. Джордж, Георг (последний вариант используется при переводе имен английских королей на русский язык;

Aristoteles – Аристотель;

Achilles – Ахиллес, Ахилл;

Plato – Платон;
Gorgo – Горгона;
Artemis – Артемида;
копейка – Kopeke;
рубль – Rubel.

Подобные варианты представляют собой отклонение от «чистого» приема транслитерации: они совмещают несколько приемов перевода (передачу графем, передачу фонем, произвольные преобразования звукобуквенного облика слова), и данный прием иногда трактуется как «традиция», смешанный / контаминированный способ перевода. Однако – за неимением более точного обозначения – доминирующим остается термин «транслитерация».

Будучи однажды созданными, переводы антропонимов, топонимов, гидронимов, оронимов (имен / фамилий, названий местностей, рек / озер / морей, гор) и других реалий становятся общераспространенными, узуальными, в связи с чем переводчик оказывается перед необходимостью использовать эти общеупотребительные эквиваленты с целью достижения адекватности восприятия безэквивалента носителями ПЯ, и таким образом, эта процедура смыкается с процессом прямой / простой подстановки, что отмечается в работах многих теоретиков перевода (см.: Рецкер, 1974: 11; Копанев / Беер, 1986: 181–182; Харитонов – см.: Sternin / Fleckenstein, 1994: 61): данные соответствия представляют собой «переводческие прецеденты», т.е. «готовые» решения, постоянные, регулярные эквиваленты в акте вторичной трансляции (Рецкер, 1974: 11). Однако трактовка таких соответствий как прямых эквивалентов возможны лишь для переводческих вариантов, ставших всеобщим достоянием, в то время как первичный процесс их создания представляет собой пошаговую передачу букв оригинала, в связи с чем некоторые теоретики обозначают подобные образования термином «кальки» (Латышев, 1988: 104). О неправомерности трактовки подобных «переводческих прецедентов» в качестве прямой подстановки свидетельствует типичный для последних десятилетий факт: необоснованные транслитерации, далекие от фонетического облика реалии ИЯ, начинают заменяться на переводческую транскрипцию, в результате чего возникают переводческие (конкурирующие старые и новые) варианты:

Hucksley = Гексли / Хаксли, Fräulein = фрейляйн / фройлейн / фройляйн и т.д. Имена исторических личностей сохраняются в «трансформированном» облике (Heine / Гейне, Göring / Геринг, Goebbels / Геббельс), однако имена современников передаются в настоящее время посредством транскрипции (Хайне, Гёринг, Гёббельс и т.д.).

В случае отсутствия в памяти готового решения переводчик, опираясь на правила транслитерации, может создать переводческий вариант (или варианты) безэквивалента, проверив правильность своих предположений по соответствующим энциклопедическим словарям. Согласно традиции,

транслитерация сохраняется в топографии (передача топонимов осуществляется на основании специально разработанных и обязательных правил транслитерации) и в издательском деле (особенно при обозначении подписных изданий).

Транскрипция

Транскрипция как прием «беспереводного заимствования» основывается на передаче звукового облика (произношения) единицы ИЯ (Бархударов, 1975: 96–98; Рецкер, 1974: 29), ср.: Goethe – Гёте, Diderot – Дидро, Louis Philippe – Луи Филипп, Beaumarchais – Бомарше, Duce – дуче, display – дисплей, know-how – ноу-хау, grape-fruit – грейпфрут, drugstore – драгстор, public school – паблик скул, Hauptschule – хауптшULE, квас – Kwaß, кокошник – Kokoschnik.

Транскрипция становится преобладающим приемом перевода с середины XX века, и в последние годы наблюдается тенденция к замене многих транслитераций на более близкие к оригиналу транскрипции, в силу чего могут возникать переводческие дублеты (два варианта для передачи одного и того же безэквивалента), ср.: Weigerber – Вейсгербер, Вайсгербер, Holz – Гольц, Хольц, Thomas Hucksley – Томас Гексли (19 в.), Aldaus Huckley – Олдос Хаксли (XX в.).

Подобно транслитерации, транскрипция может быть не только полной, но и частичной (в последнем случае транскрипция сочетается с другими переводческими операциями), ср.:

der Schutzbündler – шуцбундовец;

der Komplementär – комплементарий;

der SS-Mann – эсэсовец.

Следует отметить, что в ряде случаев разграничение транскрипции и транслитерации представляет определенные затруднения, и это касается прежде всего случаев, когда графическая и фонетическая формы слова совпадают, ср.: München – Мюнхен, Berlin – Берлин, Weser – Везер, Oder – Одер и т.д. Подобные переводы следует рассматривать как транскрипцию (согласно данным выше дефинициям).

Однако многие исследователи не проводят четкого разграничения приемов графической и фонетической передачи безэквивалентов, используя для обоих приемов традиционный термин «транслитерация» (Федоров, 1958: 159, 168–169; Латышев, 1988: 104; Комиссаров, 1973: 170); иногда оба термина используются параллельно, без специальной дифференциации понятий: «транскрипция / транслитерация» (Копанев / Беер, 1986: 182–185).

Калькирование

Термином «калькирование» (нем.: *Lehnübersetzung* – см.: Sternin / Fleckenstein, 1994: 69) принято обозначать прием, заключающийся в том, что составляющие части лексической единицы (морфемы безэквивалентного слова, словоформы безэквивалентного устойчивого сочетания, компоненты сложного слова) заменяются их словарными соответствиями на языке перевода (Латышев / Провоторов, 1999: 54; Копанев / Беер, 1986: 186; Рецкер, 1974: 159; Бархударов, 1975: 99); при этом осуществляются разнообразные формально-структурные преобразования, диктуемые нормой ПЯ; в отличие от термина «трансформация», обозначающего целый комплекс специфических переводческих приемов, преобразования в процессе калькирования нередко обозначаются терминами «адаптация», «модуляция», однако разграничение данных терминов не имеет в переводоведении однозначного подхода. Целесообразно использование единого термина для обозначения переводческих преобразований (т.е. «трансформация»).

Калькирование может быть полным или частичным, поскольку этот прием нередко сопровождается элементами транскрипции или транслитерации либо сочетается с трансформацией некоторых составных компонентов (поэтому данный тип перевода иногда обозначают терминами «полукальки», «контаминированный перевод», «смешанный / гибридный перевод», «hybride Lehnübersetzung»): *Riesengebirge* – Исполиновы горы; *SA-Mann* – штурмовик; *Drachensberge* – Драконовы горы; *Reichsbahn* – государственная железная дорога; *Berufsverbot* – запрет на профессию; *Betriebsrat* – производственный совет; *Feuerland* – Огненная Земля; *Großes Barriere-Riff* – Большой Барьерный риф; *Greveplatz* – Гревская площадь; *Goethestadt* – город Гёте (т.е. Веймар); *Staatssekretariat* – государственный секретариат; *Neptun-Werft* – верфь «Нептун»; *die Karl-Marx-Universität Leipzig* – Лейпцигский университет имени Карла Маркса; колхозник – *Kolchosbauer*; красноармеец – *Rotarmist*.

Калькированию иногда подвергаются термины в текстах, предназначенных для массового читателя (Комиссаров / Рецкер / Тархов, 1965: 210), ср.: *pneumonia* / *Pneumonie* – воспаление легких (вместо научного термина «пневмония»), *Sepsis* – заражение крови (вместо «сепсис»).

В некоторых случаях калькирование используется наряду с транскрипцией / транслитерацией, в результате чего возникают переводческие дублеты, ср.:

das Dritte Reich – Третья империя, Третий рейх;
das Berliner Ensemble – Берлинский ансамбль, Берлинер Ансамбль;
Neue Rheinische Zeitung – Новая рейнская газета, Нейе Рейнише Цейтунг / Нойе Райнише Цайтунг;

Notre Dame de Paris – Собор Парижской Богоматери, Нотр-дам-де-Пари;

Rue de la Paix – Площадь Мира, Рю де ля Пэ;

Pont Neuf –Новый мост, Пон(т) Неф.

Географические дубликаты / географические модуляции

Географические названия (города, реки, озера, административные территории) могут иметь несколько вариантов, что переводчик должен обязательно учитывать при переводе.

Причин возникновения географических дубликатов несколько:

а) Река, город или провинция разделяется государственной границей, получая различные национальные названия:

Валка / Валга – латышская / эстонская части города;

die Oder / Odra – река, протекающая по территории Германии, Польши и Чехии / Словакии;

die Dūna – Западная Двина / Даугава – река на территории России / Латвии.

Подобные дубликаты воспринимаются каждым переводящим языком по-своему: так, в немецком языке отдается обычно предпочтение одному из вариантов (ср.: die Oder, die Elbe, die Dūna), в то время как русский язык воспринимает оба национально-специфических названия, в силу чего при переводе с немецкого на русский необходим выбор одного из вариантов, что требует тщательного изучения текста и выявления национальной принадлежности соответствующего топонима, ср.: die Oder – Одер, Одра; die Elbe – Эльба, Лаба; die Dūna – Западная Двина, Даугава.

б) Иногда водный рубеж (река, пролив и т.д.) является границей двух и более государств, получая различные национальные названия: English Channal / La-Manche, the Dover Street / Pa-de-Calais, Neiße / Nysa Luzicka, die Ostsee / Балтийское море. В подобных случаях каждый инокультурный этнос воспринимает какое-либо одно из этих названий, либо, как и в первом случае, использует оба варианта, отражая национальную специфику топонима.

в) Географические дубликаты возникают также за счет того, что ИЯ и ПЯ по-разному адаптируют иноязычный топоним (используя свои «модуляции» при транслитерации или калькировании имени собственного), ср.: итал. Roma = нем. Rom = русс. Рим; итал. Milano = нем. Mailand = русс. Милан и мн. др.

г) В немецком языке большую группу образуют топонимы-дубликаты, которые возникли на основе переименования или своеобразной ассимиляции номинаций-топонимов на завоеванных территориях в период крестовых походов, первой и второй мировых войн и сохраняются по традиции (а в некоторой степени и из политических амбиций), несмотря на то, что на

этих освобожденных территориях восстановлены национальные названия (в русском языке отдается предпочтение национальному названию): der Peipussee – Чудское озеро; Karlsbad – Карловы Вары; Львов – Lemberg; Gdansk – Danzig – Гданьск и мн. др.

д) Дублиеты возникают в результате переименований, на которые немецкий язык не реагирует, сохраняя первичное, ставшее привычным, название, в то время как в русском языке варианты наименований используются для создания темпорального (хронологического) колорита:

Dorpat – Дерпт (до 20 в.), Тарту; Rival – Ревель (до 20 в.), Талинн; Dünaburg – Динабург (13 в.), Борисоглебов (17 в.), Двинск (19 в.), Даугавпилс (20 в.); Tiflis – Тбилиси; Kongo (река) – Конго, Луалабаба; Okowango (река) – Окованго, Кубанго; TaJo – Тахо, Тежу.

е) Иногда географические названия совпадают по графическому облику, но обозначают различные географические пункты, ср.: Georgien – а) Грузия; б) Джорджия (штат США).

ж) Иногда в языках существуют свои «индивидуальные» номинации, ср.: нем. Arktischer Ozean, Nordpolarmeer – русс. Северный Ледовитый океан.

Уподобляющий / приближенный перевод (аналоговая замена)

Иногда сопоставляемые языки имеют реалии, частично смыкающиеся в своем денотативном значении, но вместе с тем обнаруживающие целый ряд национально-культурных различий, которыми, однако, в определенных условиях контекста можно пренебречь и при переводе заменить реалию ИЯ реалией ПЯ:

Sankt Nikolaus / Santaklaus – Дед Мороз (ср., однако: Санта-Клаус);

Schneewittchen – Снегурочка;

Баба-Яга – die Hexe;

Царевна-лягушка – Froschkönigin;

Gevatter Tod – смерть-старуха и др.

Данный перевод как бы «сближает», «уподобляет» реалии двух стран, «стирая» их различия, чем и объясняются термины «уподобление», «уподобляющий» / «приблизительный» / «приближенный перевод» (Латышев / Провоторов, 1999: 54; Латышев, 1988: 106; Бархударов, 1975: 101; Федоров, 1958: 160–165; Копанев / Беер, 1986: 186), поскольку в основе этих реалий лежат аналогичные представления о денотатах, выполняющих аналогичные функции в аналогичных жизненных, сказочных или мифологических ситуациях, в силу чего данный прием перевода некоторыми исследователями трактуется как «аналоговые» / «аналогические» замены (Analogiesetzung, Analogiebildung – Sternin / Fleckenstein, 1994: 69), а пе-

водческий эквивалент обозначается соответственно как семантический аналог единицы ИЯ (Бархударов, 1975: 101).

В качестве аналогов трактуются также фразеологические единицы ПЯ, передающие безэквивалентные устойчивые обороты ИЯ, обнаруживающие в транслемой близость смысла и эмоционально-образных ассоциаций, но неидентичные по лексико-грамматическому оформлению (так называемые фразеологические аналоги – Рецкер, 1974: 156; Роганова, 1971: 61–62). Ср.:

Wenn rast' ich, dann rost' ich. – Под лежащий камень вода не течет; лежащий камень мхом обрастает;

(Er steht) wie ein Ochse vor dem Berge. – (Смотрит) как баран на новые ворота / как в афишу коза;

Mein Name ist Hase, ich weiß von nichts. – Моя хата с краю, ничего не знаю.

Уподобляющий перевод (аналоговая замена) близко соприкасается с приемом адекватной замены, и переводы этого рода нередко рассматриваются как стилистические трансформации, однако эти оба приема имеют свои дифференциальные (специфические) характеристики: семантический аналог представляет собой процесс употребления системных, «готовых» устойчивых оборотов, требуя от переводчика выбора одного из нескольких или многих соответствий ПЯ, максимально близких транслеме по содержанию и образности, в то время как стилистические трансформации (и, в частности, адекватная замена) основаны на изменении образа или модификации эмоционально-оценочных функций. Вместе с тем иногда использование аналога сопряжено с изменением или модификацией стилистического оттенка и образности (смыкание с приемами стилистической трансформации):

Man wird alt wie 'ne Kuh und lernt immer was dazu. – Век живи, век учись.

Описательно-разъяснительный перевод

Передача реалий посредством транскрипции или транслитерации носит неинформативный характер и нередко не вызывает никаких конкретных ассоциаций у читателя ПТ. Поэтому переводчику иногда приходится «включаться» в повествование, интерпретируя сущность иноязычной реалии. При этом возможны следующие способы интерпретации и соответственно приемы перевода:

а) Разъяснение реалии, помещаемое в скобках после транскрипции / транслитерации и представляющее собой либо калькирование ее составных компонентов, либо составленное самим переводчиком сжатое описание ее сущности, при этом переводчик большей частью отмечает свое «вмешательство» в текст оригинала пометкой «прим. перев.» или «примечание переводчика», ср.:

Pont Neuf – Пон(т) Неф (Новый мост – прим. перев.);
Der Weiße Strom – Белая Река (Рио Бланко – прим. перев.);
«Der Spiegel» – Шпигель («Зеркало» – прим. перев.);
Blumenstadt – город цветов (Эрфурт – прим. перев.);
das Fachwerkhaus – фахверк (старинная постройка с красивым переплетом брусьев и балок в плоскости стены – прим. перев.);
das Richtfest – рихтфест (праздник в связи с завершением строительства кровли дома – прим. перев.);
Polterabend – польтерабенд (традиционный вечер накануне венчания – прим. перев.).

б) Разъяснение и описание (дефиниция) реалии в форме сноски внизу страницы или ссылки в конце книги (в рубрике «Примечания переводчика», «От редакции»), обычно более пространные и обстоятельные в сравнении с внутритекстовыми разъяснениями (порой переводчик опирается на словарные статьи толкового или энциклопедического словаря), ср.:

«Фахверк – старинная немецкая архитектура, представляющая собой стену с орнаментом или перекрещивающихся балок, пространство между которыми заполняется строительным материалом и обмазывается глиной (прим. перев.)».

«Польтерабенд (букв. «шумный вечер») – это традиционный немецкий праздник накануне венчания, когда в доме невесты собираются гости, которые весело шутят, танцуют и ... бьют посуду на счастье молодых. (Примечание переводчика)».

в) Замена реалии в тексте (прежде всего в художественном) на ее сжатое описание, разъясняющее ее вещественное значение: вместо Gliedelhaus – «дом с высоким стрельчатым фронтоном»; вместо Jugendweihe – «праздник совершеннолетия»; вместо Fachwerk(haus) – «старинный дом с красивым переплетом балок в плоскости стен»; вместо Polterabend – «традиционный вечер накануне венчания» и т.д. Ср.:

Es verging der Dezember, und zu Beginn des Jahres sechsvierzig ward Hochzeit gemacht. Es gab einen prächtigen Polterabend, bei dem die halbe Stadt anwesend war (Th. Mann). – так прошел декабрь, а в начале 1846 года была отпразднована свадьба. На традиционный вечер накануне венчания к Буденброкам собрался чуть ли не весь город. (Перевод Н. Ман).

Подобные описательные переводы порождают у читателя иллюзию, что текст перевода полностью соответствует тексту оригинала, поэтому переводчик должен стремиться к тому, чтобы подобные включения в текст перевода не нарушали строй авторской мысли и стиль ее изложения.

Данные типы раскрытия национально-культурного (страноведческого) семантического компонента слова-реалии фактически являются не переводами, а толкованиями понятия, поэтому иногда обозначаются термином «интерпретирующий перевод» (Левицкая / Фитерман, 1973: 27–28), однако чаще всего данные типы перевода трактуются как «объяснительный / по-

яснительный / разъяснительный перевод» (Копанев / Беер, 1986: 186; ТиПП/11, 1984: 131), «описательный (разъяснительный) перевод» (Латышев, 1988: 105; Бархударов, 1975: 99–100). В основном данные типы перевода не дифференцируются и рассматриваются как единый прием перевода. В принципе, разграничение этих двух типов перевода не составляет проблем:

а) разъяснительный характер имеют описания безэквивалентов, имеющие пометку «примечание переводчика»;

б) описательный характер носят текстовые включения, замещающие реалию.

Сложнее обстоит дело с трактовкой пояснений, включаемых в текст после транскрипции / транслитерации, но не имеющие пометки «прим. перев.»: будучи разъяснением переводчика, этот фрагмент вместе с тем обретает функции описания денотата, выступая как описательно-разъяснительный перевод. Но вместе с тем вполне обоснованным является замечание Л.К. Латышева по поводу того, что разъяснение переводчика фактически не является переводом (Латышев, 1988: 107), в связи с чем автор в более поздних работах разграничивает «примечания переводчика» и «описательный перевод» (Латышев / Провоторов, 1999: 54). Следует отметить, что описательный (а точнее: описательно-разъяснительный) перевод нередко содержится и в словарях при передаче безэквивалентных слов с ярко выраженной национальной спецификой.

Поскольку любое описание есть разъяснение, а разъяснение требует развернутого описания, поэтому наиболее рациональным представляется термин «описательно-разъяснительный перевод» (за исключением тех случаев, где пометка «примечание переводчика» дана в постраничных сносках).

Разъяснительно-описательный перевод, замещающий транслему (лексему ИЯ), может сочетаться с приемом генерализации – в тех случаях, когда реалия как видовое понятие заменяется на апеллатив как родовое понятие (Латышев, 1988: 107), ср.:

Hohenfriedberger Marsch – военный марш;

Badenweiler Marsch – а) фашистский марш; б) любимый марш Гитлера.

Синонимический перевод / синонимическая замена

При передаче инокультурной реалии переводчик может наряду с транскрипцией / транслитерацией использовать имеющиеся в ПЯ языковые единицы с тем же значением; при этом в качестве переводческих синонимов функционируют наряду с интернационализмами либо слова национального языка (ПЯ), либо ставшие более узуальными заимствования из другого иностранного языка, ср.:

Pneumonie – пневмония, воспаление легких;

letal – летальный, смертельный;
publicity – паблисити, популяризация / популярность / реклама;
Bungalow – коттедж, загородный дом;
делегация – die Delegation, die Abordnung;
комиссия – die Kommission, der Ausschuss;
бассейн – das Bassin, das Wasserbecken;
der Junker – юнкер, помещик

Иногда для иноязычных терминов создаются обозначения средствами национального языка, становящиеся терминами-синонимами:

луноход – der Lunochod, der Mondgänger / -geher / -wanderer / -wagen;
спутник – der Sputnik, der Erdtrabant, der Erdsatellit;
der Helikopter – вертолет

(См.: Комиссаров / Рецкер / Тархов, 1965: 210; Латышев, 1988: 104; Роганова, 1971: 44; Sternin / Fleckenstein, 1994: 60).

При переводе терминов существует правило: в научной литературе следует употреблять транскрипцию / транслитерацию, в то время как в текстах, предназначенных для широкой публицистики, рациональнее употреблять национальные термины ПЯ, ср.:

der Gräzist – а) грецист; б) историк греческой цивилизации;

der Sinologe – а) синолог; б) специалист по китайскому языку;

Pneumonia – а) пневмония; б) воспаление легких (Комиссаров / Рецкер / Тархов, 1965: 210; Роганова, 1971: 44).

Синонимические варианты иногда могут обретать различный темпоральный или локальный оттенок и не всегда способны взаимозаменяться в одном и том же контексте, ср.:

Reichstag – а) рейхстаг (современный период); имперский сейм (в период феодализма);

Bundestag – а) бундестаг (современный период); б) союзный сейм (= высший орган Союза Германских государств в 1815–1860 гг.).

Проблема «Транскрипция / транслитерация или синонимическая?» является в переводоведении весьма дискуссионной: обилие транскрипций / транслитераций сохраняет национальный колорит, но затрудняет понимание перевода, замена на синонимы стирает национальное своеобразие ИЯ и ИТ, но облегчает восприятие повествования. От переводчика требуется сохранение чувства меры, взвешенный подход к выбору средств передачи инокультурных реалий (см.: Федоров, 1958: 159–165).

Новообразования

Новообразования представляют собой национальные номинации, создаваемые учеными или переводчиками в качестве синонима заимствованного термина: Hubschrauber – вертолет (вместо: Helikopter / вертолет).

Неологизмы (Neologismen) в немецкой лингвистике классифицируются по характеру механизма номинации следующим образом:

а) *Neuprägung* – создание новых слов из корней уже существующих лексем: *верт-о-лет*, *Hub-schraub-er*, *volk-s-eigen*, *neureich* / *Neureiche* – ср.: «новые русский»;

б) *Neubedeutung* – «семантический неологизм», перенос готовых наименований на новые денотаты, создание нового значения слова: «спутник» (о космическом объекте), «щит» (система мероприятий по защите объекта от вредных влияний), «дыра» (возникший в результате нарушения защитного слоя «канал» между двумя сферами – ср.: «озоновая дыра», т.е. канал связи между космосом и стратосферой Земли);

в) *Entlehnung* – заимствование на основе транскрипции, транслитерации или калькирования: англ. *job* (работа) – нем. *Job*, *jobben*; русс. *спутник* – нем. *Sputnik*.

По хронологическому признаку обычно различаются *Neuwörter* (слова, появившиеся в языке в новейшее время, т.е. в последние десятилетия, и осознаваемые как «чужеродные», необычные) и *Neubildungen* (слова, ставшие уже привычными, но осознаваемые как новые).

Переводчики или специалисты соответствующей отрасли, избегая заимствования и образуя новую номинацию на базе родного языка, создают обычно новообразования первого типа (*Neuprägung*).

Особый тип переводческих новообразований составляют случаи переименования (*Umbenennung*) художественных произведений (книг, фильмов, картин, опер, балетов), реже – реалий (названий фирм, организаций и т.п.). Это – случай «скрытой безэквивалентности»: несведущий переводчик может сделать дословный перевод заголовка или названия, однако не сможет достичь взаимопонимания с адресатом, поскольку тот знает данное произведение под другим названием, ср.:

«Педагогическая поэма» (А.С. Макаренко) – «*Der Weg ins Leben*» (немецкое издание объединяет 2 поэмы: «Педагогическую поэму» и «Путевку в жизнь», взяв за основу заглавие одной из них);

«Анна на шее» (фильм) – «*Herz ohne Liebe*»

«Сорок первый» (роман, фильм) – «*Der letzte Schuss*»

«Карнавальная ночь» (балет, фильм) – «*Nun schlägt's 13*»

«На дне» (М. Горький) – «*Nachtsyl*» (драма, спектакль, фильм).

Новообразования имеют место при передаче труднопереводимых названий организаций, союзов, комиссий и т.п., ср.:

Reichsnährstand – «Имперское земельное сословие» (официальная организация крестьянства в фашистской Германии). (Роганова, 1961: 77).

Причиной подобных переименований являются экстралингвистические факторы: создание броского названия, перестановка акцентов (эмоциональных, идеологических, информативно-содержательных). Став привычными, эти «переводческие» версии носят характер лингвострановедческих

эквивалентов / аналогов, знание которых необходимо переводчику. В основе первичных новообразований / переименований лежат процессы содержательной трансформации и адекватной замены.

«Ложные друзья переводчика»

Автор немецко-русского и русско-немецкого словаря К.Г.М. Готлиб проанализировал в сопоставительном плане 1200 пар слов, которые в лингвистической литературе принято называть «ложными друзьями переводчика» («falsche Freunde des Übersetzers»). Это слова двух языков, которые из-за сходства их звукового или буквенного состава вызывают ложные ассоциации, что приводит к ошибочной семантизации лексем и к неверной интерпретации информации ИТ. Поэтому при переводе могут возникнуть более или менее существенные искажения содержания или неточности в передаче стилистической окраски или лексической сочетаемости, а также в словоупотреблении. «Ложными друзьями переводчика» являются не только слова, но и отдельные значения многозначного слова, которое не имеет полного соответствия в другом языке. В зависимости от характера значения «ложные друзья переводчика» подразделяются в словаре К. Готлиба на четыре типа:

1. Слова, обозначающие различные предметы и явления в ИЯ и ПЯ;
2. Слова, обозначающие сходные предметы и понятия, но различающиеся в оттенках;
3. Слова с одинаковым значением, но различающиеся стилистической окраской или употреблением;
4. Слова, значения которых в обоих языках совпадают лишь частично, в силу чего при переводе они могут служить эквивалентами только в части своих значений, будучи безэквивалентными относительно других значений, являющихся специфическими для ИЯ и / или для ПЯ.

Л.К. Латышев приводит свой вариант классификации, который не имеет ярких отличий от классификации К. Готлиба. Автор выделяет тоже четыре основных типа «ложных друзей переводчика» (Латышев, 1981: 111–112).

К первой группе относятся слова исходного языка (ИЯ), созвучные словам переводящего языка (ПЯ), но полностью расходящиеся с ними по значению.

Ко второй группе «ложных друзей переводчика» относятся такие многозначные слова ИЯ, у которых часть значений совпадает со значением звукового или буквенного аналога в ПЯ, а часть значений расходится.

К третьей группе относятся такие слова ИЯ, у которых есть сходное по звучанию или написанию слово в ПЯ, являющееся в одном из своих значений словарным эквивалентом слова ИЯ, однако у этого же слова ПЯ есть

одно или несколько значений, не имеющих ничего общего со своим звуковым (буквенным) аналогом в ИЯ.

Четвертую группу представляют собой созвучные в ИЯ и ПЯ названия мер, весов и других величин, не совпадающие, однако, по значению.

В качестве иллюстрации приведем примеры, относящиеся к лексико-семантической группе «Еда и напитки». Из Немецко-русского и русско-немецкого словаря «ложных друзей переводчика» К.Г.М. Готлиба выделено 16 пар слов, относящихся к тематической группе «Еда и напитки» в немецком и русском языках.

За основу взята классификация, предложенная Л.К. Латышевым:

1. К первой группе относятся, например, следующие слова:

Baton – батон

В немецком языке *der Baton* имеет значения: «палка» (синоним слова *der Stock*) и «дирижерская палочка» (синоним: *der Taktstock*). В русском же языке «батон» – это белый хлеб продолговатой формы. Мы видим, что значения созвучных слов полностью расходятся в ИЯ и ПЯ.

Frikadelle – фрикаделька

В немецком языке *die Frikadelle* – рубленая котлета; тефтелька, жаренная на масле. В русском языке «фрикаделька» – это шарик из рубленого мяса или рыбы, сваренный в бульоне. Русскому слову «фрикаделька» в немецком языке больше соответствует *das Fleischklößchen* (из мяса) и *das Fischklößchen* (из рыбы).

Keks – кекс

В немецком языке *der / das Keks* – сухое печенье (в пачках). В русском языке «кекс» – это кондитерское изделие из сдобного теста с изюмом или корицей. Русскому слову «кекс» в немецком языке соответствует *der Rührkuchen mit Rosinen* (большой кекс с изюмом) и *das Rührteigörtchen* (маленький кекс).

Marmelade – мармелад

В немецком языке *die Marmelade* – повидло, джем. В русском языке «мармелад» – кондитерское изделие в виде желеобразной массы или конфет из фруктового или ягодного пюре, сваренного с сахаром. Русскому слову «мармелад» в немецком языке соответствует *die Geleefrüchte*.

2. Ко второй группе относятся следующие пары слов:

Kotelett, Kotelette – котлета

В немецком языке *das Kotelett* – отбивная котлета, либо часть туши (при раскрое свинных, телячьих и овечьих туш); *die Kotelette* имеет устаревшее значение – то же самое, что и *das Kotelett*, и второе значение – «бакенбарды». В русском языке слово «котлета» имеет два значения, одно из которых полностью совпадает с немецким аналогом (*das Kotelett* – отбивная котлета), а второе не совпадает (кушанье из рубленого или молотого мяса или рыбы), чему в немецком языке соответствует *die Bulette, der Klops, das Brisolett, die Brisolette*.

Pastete – паштет

Первое значение немецкого слова *die Pastete* – кушанье из фарша, приготовленного особым способом – полностью совпадает с русским аналогом «паштет»; второе значение – слоеный пирог с начинкой – у русских и немецких слов одинаково, но в русском языке это слово устарело; третье значение немецкого слова *die Pastete* имеет разговорное употребление: *Da haben wir die Pastete! Da liegt die ganze Pastete!* (Вот тебе и на! Вот так сюрприз!), чего нет в русском языке.

Roulett, Roulette – рулет, рулетка

Часть значений этих слов совпадает в обоих языках: 1) азартная игра и 2) граверный инструмент. В русском языке имеются еще такие значения этого слова: свертывающаяся в круг лента с делениями, служащая для измерения, чему в немецком языке соответствует *das Bandmaß*; слово «рулет» в русском языке имеет значение кушанья из рубленого мяса или картофеля с какой-либо начинкой, запеченное в виде продолговатого куска, обычно округлой формы, которое не имеет аналога в немецком языке; значению «сладкий пирог из теста, свернутого в несколько слоев» в немецком языке соответствует *die Rolle* (бисквитный рулет – *die Biskuitrolle*; рулет с маком – *die Mohnrolle*) и австрийское кулинарное понятие *die Roulade* («рулада»); значению «окорок, из которого вынута кость и которому придана округлая форма», в немецком языке соответствует *der Rollschinken*. В свою очередь, немецкое слово *die Roulade* («рулада») имеет аналог в русском языке: тушеный, свернутый в трубочку кусок мяса с начинкой; рулет, скрепленный нитями; в сложных словах: *die Kohlroulade* – голубец с мясом.

Salat – салат

Эти понятия имеют словарные значения, являющиеся полными эквивалентами в обоих языках: травянистое овощное растение и холодное кушанье из нарезанных кусочками овощей, яиц, мяса или рыбы и т.п. с какой-либо приправой. В немецком языке *der Salat* имеет также следующие значения: (переносное, разговорное) мешанина, каша; *Bandsalat* (запутанная магнитофонная лента); *Spitzensalat* (обломки от лыж); *Wellensalat* (одновременный прием двух радиостанций на одной волне); вторичные значения: *Ich habe den ganzen Salat satt! (umg.)* – Мне все надоело! / *Da haben wir den Salat! (umg.)* – Вот тебе и на! Вот так сюрприз! Эти значения не имеют аналогичных в русском языке.

Zephir – зефир

Два словарных значения этих слов совпадают в немецком и русском языках: «бельевая хлопчатобумажная ткань» и «легкий ветер» (поэт.). Русское слово «зефир» (сорт легкой фруктовой пастилы) не имеет аналогичного значения в немецком языке.

Butterbrot – бутерброд

Значения немецкого и русского слов близки, но полностью не совпадают. Различия в значениях видны при сопоставлении толкований: в немецком языке это хлеб с маслом / бутерброд с маслом – то же самое, что и *Butterschnitte*; в русском языке «бутерброд» – ломтик хлеба с маслом, колбасой, сыром, которому в немецком языке больше соответствует *belegtes Brötchen*, *belegtes Brot*, *belegte Schnitte* (либо конкретизирующие понятия: *Butterbrot*, *Schinkenbrot*, *Wurstbrötchen* и т.п.).

Pastille – пастила, пастилка

Единственное значение немецкого слова *die Pastille* совпадает с одним из значений слова «пастила», «пастилка» в русском языке: пилюля, таблетка – то же самое, что и *die Pille*, *das Kügelchen*. В русском языке имеются еще следующее значение: «кондитерское изделие тестообразного вида из протертых, сваренных с сахаром фруктов».

Sardelle – сардель, сарделька

Одно значение этих слов совпадает в немецком и русском языках: хамса, анчоус. Второе значение присутствует только в русском языке: толстая короткая сосиска, что соответствует слову *die Bockwurst* в немецком языке.

Biskuit – бисквит

Два значения этих слов совпадают в обоих языках, являются полными эквивалентами: «легкое сдобное печенье в виде торта, рулет и т.п.», и «неглазированный фарфор». Третье значение имеется только в толковании немецкого слова *das / der Biskuit* – мелкое печенье (обычно круглое).

К третьей группе относятся следующие пары слов русского и немецкого языков:

Mus – мусс

Слова имеют близкие значения, но полностью они не совпадают. В русском языке «мусс» – сладкое кушанье из фруктового или ягодного сиропа, взбитого в пену, с добавлением желатина или манной крупы; в немецком языке *das Mus* – кулинарное пюре (из вареных фруктов или овощей). Немецкое слово имеет также значения: «питание» и «горох» (то же самое, что и *Erbsen*), не имеющие аналогов в русском.

Schnitzel – шницель

Слова имеют одно словарное значение, являющее полным эквивалентом в обоих языках: тонкая отбивная котлета. В русском языке имеется еще одно значение («тонкая рубленая котлета»), которому больше соответствуют в немецком языке *gebratenes Hackfleisch*, *der Klops*, *die Bulette*. В немецком языке присутствуют еще следующие значения этого слова: отрезок (бумаги); стружка (дерева); жом (с.-х.).

Vinaigrette – винегрет

Значения немецкого и русского слов в одном случае близки, но полностью не совпадают: винегрет – холодное блюдо из мелко нарезанных вареных овощей с растительным маслом и другими приправами; *die Vinaigrette* – вид мясного салата. Русскому слову «винегрет» больше соответствует *der*

Salat. Остальные значения не имеют ничего общего со своим звуковым (буквенным) аналогом в ИЯ: в немецком языке это еще и соус с пряностями, уксусом и растительным маслом; в русском языке – смесь разнородных предметов и понятий, мешанина, всякая всячина, чему в немецком языке соответствует der Mischmasch, das Durcheinander.

Н. Сальников проанализировал «ложные друзья переводчика» в области фразеологии (Salnikow, 1987: 63–72).

Под «ложными друзьями переводчика» в сфере фразеологии Н. Сальников понимает «фразеологические пары ИЯ и ПЯ, являющиеся эквивалентами в плане выражения, но проявляющие полностью или частичную дифференциацию в плане содержания»:

1. Aus der Haut fahren (umg.) = ungeduldig, zornig werden.

Из кожи лезть = sich eifrig bemühen; alles dransetzen.

2. weißes Gold = Meißner Porzellan

Белое золото = Baumwolle

3. jemand hat Grütze im Kopf (umg.) = jemand ist klug, schlau

У кого-либо каша в голове = jemand denkt wirr, hat einen unklaren Verstand, ist dumm.

4. sich auf die Lippen beißen (um ein Lachen zu unterdrücken, oder weil man eine unmittelbar vorher gemachte Äußerung sofort bereut); etwa: «прикусить губу, сдерживать смех»

Кусать губу: Ärger / Verdruss (mit etw.) haben

5. im eigenen Saft schmoren (umg.): sich in einer selbstverschuldeten schlechten Situation befinden; (in Bezug auf ein Anliegen) nicht die erwünschte, nötige Behandlung / Beachtung erfahren; in Angst, im Ungewissen sein; etwa: «страдать по собственной вине».

Вариться в собственном соку: nicht über seinen beschränkten Horizont hinaussehen; arbeiten ohne Erfahrungsaustausch mit anderen; die Erfahrung anderer missachten.

6. aus allen / den Nähten platzen (umg.): dicher werden etwa: «растолстеть».

Трещать по всем швам: vor dem drohenden Zusammenbruch stehen; zusammenstürzen; etwa: «in allen Fugen krachen».

7. j-m klebt die Zunge am Gaumen: sehr durstig sein, vor Durst umkommen; etwa: «у кого-либо во рту пересохло».

Язык прилип к гортани: vor lauter Schreck die Sprache verlieren; etwa: «etw. schlägt j-m die Sprache».

Здесь приводятся лишь несколько фразеологических пар, но и на их примере видно, что переводчику необходимо обладать не только языковой, но и культурной компетенцией (Salnikow, 1987: 63–72).

Тема 9. ПЕРЕВОД НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ. СЛОВАРИ И РАБОТА СО СЛОВАРЯМИ

Перевод научной и технической литературы является особой дисциплиной, возникшей на стыке лингвистики, с одной стороны, и науки и техники – с другой.

Данный вид перевода следует рассматривать как с языковедческих, так и научных и технических позиций.

За последние годы была сделана попытка билингвистического исследования языка и стиля немецкой и русской научно-технической литературы. В результате проведенного исследования установлено, что в основе языка и стиля данного вида литературы лежат нормы письменного языка с определенными характеристиками.

Лексика научной и технической литературы отличается следующими признаками:

- употребляется большое количество специальных терминов;
- слова отбираются с большой тщательностью для максимально точной передачи мысли;
- большой удельный вес имеют служебные слова, слова, обеспечивающие логические связи между отдельными элементами высказывания, слова, выражающие отношение автора к высказыванию.

Для грамматики научной и технической литературы характерно:

- использование только твердо установленных в письменной речи грамматических норм;
- широкое распространение пассивных, безличных и неопределенно-личных конструкций;
- употребление по большей части сложносочиненных и сложноподчиненных предложений;
- преобладание существительных, прилагательных и неличных форм глагола.

Доказано, что личные формы глагола встречаются в научно-технической литературе в 2 раза реже, а пассивные конструкции в 5–6 раз чаще, чем в художественной. Это объясняется тем, что в отличие от художественной литературы (основная задача которой – создание образов), научно-техническая литература стремится как можно точнее описать и объяснить определенные факты.

Что касается способа изложения материала научной и технической литературы:

- главный упор делается на логическую, а не на эмоциональную сторону информации;
- изложение обычно ведется не от первого лица, а используется особый «коллективный» стиль. Отсутствует категоричность изложения.

Основная форма технического перевода – **полный письменный перевод**. Работа над полным письменным переводом предусматривает ряд этапов.

Этап №1. Знакомство с оригиналом.

Необходимо прочесть весь текст, пользуясь по мере надобности рабочими источниками информации: словарями, справочниками, специальной литературой. Работу со специальной литературой можно начать и до прочтения текста, если предварительно ясно, к чему нужно подготовиться заранее.

Этап №2. Выделение логических частей оригинала. Деление текста на законченные смысловые отрезки – предложения, абзацы, периоды.

Величина определяемой для перевода части текста зависит от трех факторов:

- смысловой законченности отрывка;
- сложности содержания;
- возможностей памяти переводчика.

Такой частью текста может быть предложение, группа предложений, абзац и т.п., но эта часть должна быть обязательно законченной по смыслу.

Чем сложнее текст – тем меньше такая часть, чем лучше память переводчика – тем она больше.

Этап №3. Черновой перевод текста. Последовательная работа над логически выделенными частями оригинала.

После того, как содержание выделенной части текста понято и усвоено, его нужно выразить по-русски в письменной форме, полностью отвлекаясь от оригинала (т.е. не глядя в него) и постоянно следя за стилем, то есть за качеством, единообразием и логикой изложения.

Этап №4. Повторное чтение оригинала, сверка его с выполненным переводом с целью контроля правильной передачи содержания.

Необходимо сверить переведенную часть текста с соответствующим местом оригинала, чтобы восполнить пропущенное. Нужно следить за тем, чтобы между каждой последующей и предыдущей частью перевода была логическая связь.

Этап № 5. Окончательное редактирование перевода с внесением поправок.

При редактировании перевода следует придерживаться следующих принципов:

- а) если одну и ту же мысль можно выразить несколькими способами, то предпочтение отдается более краткому;
- б) если слово иностранного происхождения можно без ущерба для смысла заменить словом русского происхождения, то переводчик обязан это сделать;
- в) все термины и названия должны быть строго однозначны.

Этап № 6. Перевод заголовка. Делается в последнюю очередь с учетом всех особенностей текста, так как заголовок должен отражать суть содержания всего текста, статьи, патента.

Реферирование специальной литературы

Реферативный перевод – полный письменный перевод заранее отобранных частей текста, образующих вместе реферат оригинала.

Реферативный перевод в 5–10 раз короче оригинала. В процессе работы над реферативным переводом опускается вся избыточная информация.

Виды рефератов

1. По характеру изложения материала рефераты делятся на рефераты-конспекты и рефераты-резюме.

В реферате-конспекте приводятся в обобщенном виде существенные положения подлинника.

Реферат-резюме – значительно короче. В нем требуется более высокая степень обобщения, чем в реферате-конспекте.

2. По оформлению и восприятию рефераты могут быть письменными и устными.

3. По охвату источников рефераты подразделяются на монографические, сводные, обзорные и выборочные. Монографический реферат составляется по одному источнику (материалу), сводный – по нескольким статьям, книгам или документам, обзорный – по какой-то теме или по какому-то направлению, в виде кратких обзоров и выборочные рефераты делаются по отдельным главам, разделам или материалам.

При составлении монографического реферата, охватывающего весь материал, тема (название) реферата обычно определяется самим материалом.

В сводном реферате содержание охватываемых источников излагается более полно, систематизированно и обобщенно с тем, чтобы реферат мог заменить подлинник. Обзорный реферат служит средством информации о наличии материалов по определенному вопросу.

Требования, предъявляемые к реферату:

1. Реферат должен быть написан лаконичным литературным языком.

Начинать реферат нужно непосредственно с изложения существа дела без вводных фраз, вроде: «Целью настоящей работы было...» или «Автор в данной статье рассматривает...» В реферате не должно быть неясных формулировок или выражений, лишних слов. Следует избегать сложных придаточных предложений. В устном реферате вводные фразы используются: «Автор рассматривает...», «Автор подчеркивает...», «В статье...» и т. д.

2. Все приводимые в реферате цифровые данные должны быть пересчитаны в метрические меры, за исключением особых случаев. Иногда в скобках могут быть приведены обозначения, данные в оригинале.

3. Если в реферате приводятся малоизвестные фамилии и названия на русском языке, целесообразно в скобках давать фамилии и названия на языке оригинала.

4. В рефератах целесообразно давать сокращенные названия и обозначения терминов и слов, часто повторяющихся в данном реферате. После упоминания часто повторяющегося слова в скобках указывается его заглавная буква (или буквы), которые затем повторяются уже без скобок. Формулы (математические) также в основном следуют подлиннику. Если в подлиннике реферируемой статьи даются обозначения, не принятые в отечественной научной и технической литературе, необходимо заменить их принятыми.

5. Референт подписывает реферат, проставляет свои инициалы и дату составления реферата.

Если реферат выполняется для какой-то организации, необходимо выяснить требования к реферату этой организации.

Структура реферата:

Структура реферата зависит от характера реферируемого материала и не может быть единой.

Для библиографического реферата структура может быть следующей:

1. Библиографическое описание (автор, название, место и год издания, количество страниц) (БО);
2. Главная мысль (идея) реферата (ГМ);
3. Изложение материала (существо содержания) реферируемой работы (ИМ или СС);
4. Референтский комментарий (примечания референта) (РК).

Для рефератов монографических и сводных по материалам военного и юридического характера можно использовать следующую структуру реферата:

1. Библиографическое описание первоисточника и тема реферата (БО);
2. Главная мысль (ГМ);
3. Изложение материала (ИМ);
4. Выводы (В);
5. Референтский комментарий (РК).

1. Библиографическое описание (БО): автор и название первоисточника даются на русском (на иностранном) языке, если в этом есть необходимость, место, год издания, количество страниц. В учебном сводном и обзорном рефератах БО может опускаться, а вместо него в конце реферата приводятся «Список использованной литературы». Тема реферата, особенно сводного или обзорного, как было сказано выше, может не совпадать с темой реферируемого материала и может формироваться из разных источников.

2. Главная мысль является ответом на заданную тему. Хотя в некоторых материалах автор нечетко формулирует главную мысль, референт обязан высказать ее и ясно сформулировать.

3. Изложение содержания материала является важнейшей частью реферата. В изложении материала, основанном на обобщении, и заключается существо реферата.

В реферате – конспекте изложение материала сводится к обобщенному изложению всех основных положений подлинника, в том числе иногда и второстепенных.

Однако реферат никогда не должен подменяться переводом. К переводу следует обращаться лишь при использовании обобщений, содержащихся в подлиннике или при цитировании.

В реферате-резюме обобщаются основные положения подлинника, второстепенные же, не имеющие прямого отношения к теме, исключаются.

4. Выводы – ответы автора на поставленный в статье вопрос, – являются логическим развитием главной мысли. Следует помнить, что выводов может быть несколько и что они не обязательно должны находиться в конце материала.

В зависимости от внутренней структуры статьи они могут быть и в середине и даже в начале статьи.

5. Референтский комментарий может включать в себя:

- 1) общие замечания юридического и идеологического порядка;
- 2) замечания по истории вопроса: связь с прошлыми и настоящими событиями и явлениями;
- 3) фактические уточнения и разъяснения, которые должны быть обязательно оговорены референтом;
- 4) справку об авторе и источнике;
- 5) указания на другие источники и материалы по данному вопросу.

Ясно, что комментарий не обязательно будет выделяться в отдельную рубрику: он может даваться и в ходе изложения материала, те или иные пункты комментария могут опускаться.

Работа над рефератом. Этапы работы над реферативным переводом:

Этап № 1. Предварительное знакомство с оригиналом. Чтение всего текста. Просмотр специальной литературы в данной области.

Этап № 2. Разметка текста. Исключаемые части текста берутся в квадратные скобки.

Этап №3. Чтение оставшегося за скобками текста. Устранение возможных диспропорций и несвязностей.

Этап №4. Полный письменный перевод части оригинала, оставшейся за скобками.

Аннотирование специальной литературы

Аннотацией называется предельно сжатая характеристика материала, имеющая чисто информационное назначение. В отличие от реферата, аннотация не может заменить собой самого материала. Она должна дать читателю лишь общее представление об основном содержании книги или статьи. Искусство аннотирования заключается в умении правильно определить, что именно является главным, важнейшим.

Аннотация может иметь следующую структуру:

- 1) библиографическое описание (автор, название книги, работы или статьи, место и год издания);
- 2) общие сведения (сжатая характеристика) материала;
- 3) дополнительные сведения (о работе и ее авторе).

При аннотировании иностранного материала выходные данные обычно даются на языке подлинника. В теоретическом плане существует несколько классификаций аннотаций, в основу которых положены различные признаки.

Виды аннотаций:

Аннотации бывают двух типов: описательные и реферативные.

Описательная аннотация приводит лишь описание материала, не раскрывая его содержания. Обычно описательная аннотация состоит из назывных предложений, которые могут явиться обобщенным изложением плана аннотируемой статьи или книги для информации потенциального читателя. Описательная аннотация приводится в начале книги и начинается с выходных данных.

Например:

ВАСИЛЬЕВА Н.В. И ДР. КРАТКИЙ СЛОВАРЬ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ. М: Русский язык, 1995. 175 с.

В словаре представлено около 1500 терминов традиционного и современного языкознания, включая термины лингвистических дисциплин, не охваченных ранее выходившими словарями лингвистических терминов (контрастивная лингвистика, психолингвистика и др.): Словарь предназначен в первую очередь учащимся филологического профиля – студентам, аспирантам, в том числе иностранцам, изучающим русский язык. Словарь может быть рекомендован преподавателям вузов, учителям-словесникам, а также всем, кто интересуется вопросами языкознания и русского языка.

К сожалению, есть книги с неправильно оформленными аннотациями или совсем без аннотаций.

В реферативной аннотации указывается, что именно содержится в аннотируемом материале, т.е. материал излагается в связной, хотя и предельно сжатой и обобщенной форме. Реферативная аннотация обычно помещается на суперобложке издания и имеет своей целью привлечь читателя, но может составляться и для информативных целей по статьям и изданиям.

Как правило, информативная аннотация, как и описательная, начинается с выходных данных (автор, заглавие или название, номер тома или издания, место издания, количество страниц, иллюстраций), а затем дается в сжатой и обобщенной форме информация по данному материалу.

В аннотациях на немецком языке, особенно на суперобложках, порядок оформления практически совпадает с аннотациями на русском языке: название, автор, выходные данные, сжатая характеристика материала.

Следует заметить, что обзорные рефераты, охватывающие обширный материал, обычно состоят из описательных и реферативных аннотаций отдельных статей или книг, которые располагаются в определенной последовательности для обеспечения внутренней и внешней связи между ними.

Словари. Работа со словарями

Как бы блестяще ни владел человек иностранным языком, его память не может удержать значения всех слов, особенно если учесть, что в современных развитых языках большинство слов многозначно. Если у переводчика возникают трудности с переводом в связи с раскрытием значения слова или словосочетания, в таких случаях переводчик, прежде всего, обращается к словарю. Бывает так, что хотя словарь и не дает контекстуального значения слова, отталкиваясь от определенного нормативного значения, указанного в словаре, можно найти искомое значение. Одним из основных условий, обеспечивающих быстрое пользование словарем, является знание алфавита и знакомство со структурой словаря.

Используйте бумажные закладки и не спешите захлопнуть словарь, пока найденное слово не зафиксировано. Все существующие словари делятся на две большие группы: энциклопедические и лингвистические.

Энциклопедические словари раскрывают объем и содержание понятий о предметах, событиях, явлениях.

Энциклопедические словари бывают двух типов: общие и специальные.

К общим энциклопедическим словарям относятся, прежде всего: энциклопедия (например, Большая Советская Энциклопедия, Большая Российская энциклопедия). Специальные энциклопедические словари посвящены определенным областям знаний: экономические, философские, исторические, литературные и другие словари.

В лингвистических словарях в отличие от энциклопедических описывается не предмет или понятие, обозначаемые данным словом, а само это слово, то есть дается характеристика слова как единицы языка: приводятся значения слова (если оно многозначно), его грамматическая, орфографическая, орфоэпическая характеристики, указывается его стилевая принадлежность, в некоторых словарях – этимология. Затем идут примеры, иллюстрирующие реализацию значений слова в речи.

Значения слова могут раскрываться в лингвистическом словаре двумя способами: средствами того же языка, из которого взято толкуемое слово, или средствами другого / других языков, т.е. переводом. В зависимости от этого различаются одноязычные словари и переводные.

Одноязычные лингвистические словари различаются в зависимости от того, какой языковой материал подвергнут обработке и каковы способы этой обработки: толковые словари, этимологические словари, частотные, орфографические, орфоэпические.

Помимо словарей общего типа имеются еще специальные лингвистические словари: словари идеографические (условных письменных знаков), синонимические, фразеологические, словари сокращений, диалектизм, сленга, терминологические, топонимические (географических названий) словари, словари американизмов, цитат и т. д.

Процесс перевода письменного текста

Процесс перевода письменного текста начинается с анализа исходного текста, в ходе которого переводчик стремится достигнуть глубокого понимания смыслового содержания (при переводе на русский язык), а затем уже приступает к оформлению перевода. Переводчик не может довольствоваться общим, смутным пониманием иностранного текста. Прежде чем приступить к переводу текста, его необходимо прочесть по абзацам, так как в абзаце лучше видны все контекстуальные связи предложений. Словарная подготовка к переводу начинается с предложения. Читая словарную статью (словаря), незнакомые слова в предложении следует соотносить со смыслом переводимого предложения. Только когда предложение полностью понятно, переводчик переходит к оформлению мысли на русском языке. Поиск варианта лучше всего вести, отвлекаясь от исходной формы текста во избежание буквализма. Мысль, заложенная в исходном предложении, должна быть выражена наиболее естественными речевыми формулировками на русском языке. Только после того как мысль выражена, переводчик производит «сверку» предложения на выходе с исходным предложением (а еще правильнее с абзацем). Убедившись в том, что мысль выражена достаточно точно и естественно, переводчик переходит к следующему абзацу. Закончив перевод, переводчик сам оценивает результат своего труда, отвечая на вопрос, достаточно ли точно передан смысл и достигнуто ли функционально-стилистическое соответствие исходному тексту (ИЯ) в тексте перевода (ПЯ).

Особое внимание следует уделить заголовку в немецком языке. В заголовке могут содержаться элементы закодированности, поэтому переводчик приступает к его переводу только после того, как переведен весь текст.

Если при переводе на русский язык (Я1) переводчику, как правило, хватает информации, которую он извлекает из немецко-русского словаря,

поскольку он свободно ориентируется в родном языке и «дорабатывает» искомую формулировку, опираясь в значительной степени на свое знание русского языка, то при переводе на немецкий язык (Я2) ему приходится пользоваться и другими словарями помимо русско-немецкого словаря.

При переводе на немецкий язык проблема понимания отсутствует.

Здесь возникает другая сложность: правильный выбор слов и словосочетаний и оформление перевода в соответствии с лексическими, грамматическими и стилистическими нормами иностранного языка (Я2). Переводчик должен развивать навык пользования словарями, уметь читать словарную статью.

Особого внимания заслуживает система помет (замечаний, примечаний) в словаре. Задачи помет выходят за рамки чисто стилистической оценки слова.

Они позволяют переводчику почерпнуть дополнительные сведения о словоупотреблении, глубже, конкретнее раскрывают смысловую структуру слова. Очень часто, открыв русско-немецкий словарь и прочтя словарную статью, переводчик бывает неудовлетворен приводимыми в ней соответствиями. Это происходит потому, что ни один словарь не может предусмотреть контекстуальные употребления слова и в достаточной степени дифференцировать синонимы. В этом случае переводчик продолжает поиск, подбирая синонимы русского слова. После того как найдено подходящее, по мнению переводчика, слово, его нужно проверить по немецкому толковому словарю. При этом в словарной статье можно найти еще более удачное соответствие. Особое внимание переводчик должен уделять лексической словосочетаемости, потому что комбинация слов, возможная в русском языке, может быть совершенно невозможной в немецком. Во время своей работы переводчик использует самые различные словари.

В последние годы появилось очень много словарей по специальным отраслям знания, издаются многоязычные словари, которые пользуются меньшим спросом, чем специальные двуязычные словари. С каждым годом количество издаваемых словарей увеличивается, широко используются электронные словари, однако гарантией успеха перевода является практическая работа со словарем, умение работать со словарем и опыт работы в качестве переводчика.

Тема 10. ЭТИКА ПЕРЕВОДЧИКА

Сущность профессиональной этики переводчика

Возникнув много веков назад, профессия переводчика постоянно доказывала свою необходимость людям. Менялось отношение общества к ней, менялись и этические нормы. К началу XX в. они имели уже определенные очертания и постоянно оттачивались на протяжении всего XX столетия.

Полноценное осознание роли перевода и переводчика приходится на середину XX в. Однако, многие современные исследователи отмечают, что социальный статус профессии переводчика и сегодня недостаточно высок. Европейские и американские авторы подчеркивают непонимание сути профессии переводчика со стороны многих заказчиков, восприятие переводчика как неизбежного зла, низкую оплату и неудовлетворительные условия труда, отсутствие социальной защиты.

Особая ситуация до последнего времени наблюдалась в России. Бытовое представление о переводе было и остается легкомысленным. Пожалуй, это единственная профессия, за которую все люди, не задумываясь, берутся с легкостью еще в детские годы. Обычное школьное задание: «Переведи!» может прозвучать на уроках иностранного языка еще в начальных классах. При этом учитель не объясняет, что для этого надо сделать, а ученику не приходит в голову, что для этого нужно что-то дополнительно уметь. Все уверены, что для перевода достаточно знать хоть немножко иностранный язык. А от человека с филологическим образованием ожидается, что он с легкостью исполнит обязанности переводчика и устного, и письменного. При этом он сам имеет такое же мнение. Все – и заказчики, и переводчики – знают, что такое перевод, а по поводу того, каким он должен быть, каждый волен думать, что ему заблагорассудится. Конечно, здесь играет роль обывательская самоуверенность: то, чем я не занимаюсь, не так уж важно и дается легко.

Однако ситуация в России имеет также свои глубокие исторические и социальные корни. Профессиональная этика переводчика в России, не успев окончательно сложиться в начале XX в., была затем почти до основания разрушена. Огромную роль в этом сыграло провозглашение атеизма в нашей стране и попрание христианских ценностей. Утверждение вседозволенности распространилось и на перевод и сделало его удобным идеологическим оружием. При переводе можно было исказить все что угодно, если это было необходимо в идейных целях. Появилось понятие «идеологически выдержанный перевод». Переводчиков объявили «бойцами идеологического фронта». Эти установки обернулись тем, что переводчик оказывался профессионалом, прежде всего в области идеологии, а не в области перевода. Профессиональная порядочность, разумеется, не могла исчезнуть полностью.

В последние годы осознание необходимости формулирования этих постулатов, восстановления и утверждения чести профессии отражается в многочисленных публикациях, посвященных переводу. В виде шуточных «правил» некоторые важные этические принципы, сформулированные М. Боуэн, опубликованы в переведенном на русский язык учебнике по синхронному переводу известной английской переводчицы Линн Виссон «Синхронный перевод с русского на английский». – М., 2000. Однако связного представления о профессиональной этике переводчика новейшие публикации нам все же не дают.

Итак, профессиональная этика переводчику необходима. Из чего же она складывается? Она включает в себя моральные принципы, нормы профессионального поведения, требования профессиональной пригодности, твердое знание переводчиком своего правового статуса.

Моральные принципы переводчика

Моральные принципы переводчика, т.е. определение того, что можно и чего нельзя переводчику, – задача не простая. Мнение российских практиков по поводу того, что аморально, а что нет, несколько расходятся. Тем не менее, некий общий знаменатель из разнородных мнений извлечь можно, и мы попробуем сделать это на конкретных образцах перевода, взятых из записей работы различных российских переводчиков 90-х годов.

Предваряя анализ «образцов», напомним, что, как отмечают многие исследователи перевода, при устном последовательном переводе хороший переводчик способен передать до 80 процентов информации исходного текста. Это объективные данные для такого вида коммуникации. Однако несоблюдение переводческой этики может привести к почти полному блокированию информации.

Пример ситуации

Директор завода (говорит по-немецки, рассказывая русским официальным лицам о положении на своем предприятии; присутствуют также немецкие политические деятели и представители заводской администрации):

«Наш завод специализировался раньше на выпуске военной техники. Мы собирали ракетные установки, все детали для которых поставлял бывший Советский Союз. Ведь Германия не имела права выпускать собственное вооружение. Выпускали радарные установки, ракеты типа «Кон-корт». Теперь наши специалисты, инженеры высокого класса, переориентируются на выпуск трамваев...»

Переводчик: «Он говорит о том, что завод раньше был военный. Валит все на Советский Союз. Ну, и намекает на то, что сейчас их специалистам хуже живется...»

Как мы видим, переводчик передал только малую долю смысла того высказывания, которое сделал его клиент. От логичной, выдержанной в официальном стиле характеристики завода осталось только обобщенное, свернутое сообщение «завод раньше был военный». Полные предложения с прямым порядком слов, характерные для официального сообщения, превратились в неполные, эллиптические. Нейтральная окраска текста заменилась эмоциональной, официальный стиль – разговорным. Все фразы в переводе отличаются просторечной окраской. И эта окраска, создающая особый, интимный тон общения русской стороны, и перевод в третьем лице: «Он говорит...» разрушают, изменяют ситуацию официального общения, в которую переводчик не имел права вмешиваться.

Перейдем теперь к обсуждению ситуации перевода. Соблюдение этических норм в ситуации перевода существенно влияет на результат.

Поскольку устный перевод – это работа в прямом контакте с людьми, от переводчика, прежде всего, требуется соблюдение норм этики общения, оно входит почти в любую профессиональную этику. Значит, переводчик должен в полной мере обладать умением себя вести, быть воспитанным человеком. Диапазон представлений о воспитанности чрезвычайно широк. Но всегда в основе воспитанности правила, позволяющие человеку проявлять к другим людям такое же уважение, как к самому себе. Создание с помощью интимного просторечного тона группировки внутри коллектива людей, участвующих в общении, – это неуважение к остальным. Столь же неуважительно говорить о человеке в его присутствии «он». Тем более что это опять искажает смысл текста. Ведь директор завода говорит от первого лица: «наш завод», «мы», «я». Корректный перевод не допускает смены лица местоимения, т.е. замены одной грамматической формы на другую.

Попытаемся сделать некоторые выводы из обсужденных этических ошибок переводчика и сформулировать основные правила переводческой этики:

1. Переводчик – не собеседник и не оппонент клиента, а транслятор, перевыражающий устный или письменный текст, созданный на одном языке, в текст на другом языке.

2. Из этого следует, что текст для переводчика неприкосновенен. Переводчик не имеет права по своему желанию изменять смысл и состав текста при переводе, сокращать его или расширять, если дополнительная задача адаптации, выборки, добавлений и т. п. не поставлена заказчиком.

3. При переводе переводчик с помощью известных ему профессиональных действий всегда стремится в максимальной мере передать инвариант исходного текста, ориентируясь на функциональные доминанты подлинника.

4. В ситуации перевода переводчик обязан соблюдать этику устного общения, уважая свободу личности клиента и не ущемляя его достоинство.

5. В некоторых случаях в обстановке устного последовательного или синхронного перевода переводчик оказывается лицом, наделенным также и дипломатическими полномочиями (например, при переводе высказываний крупных политиков в обстановке международных контактов). Если эти дипломатические полномочия за переводчиком признаны, он имеет право погрешить против точности исходного текста, выполняя функцию вспомогательного лица в поддержке дипломатических отношений, препятствуя их осложнению, но не обязан защищать при этом интересы какой-то одной стороны.

6. В остальных случаях переводчик не имеет права вмешиваться в отношения сторон, так же как и обнаруживать собственную позицию по поводу содержания переводимого текста.

Переводчик в нашем первом примере нарушил все указанные выше принципы и, таким образом, не выполнил свою профессиональную задачу.

Прежде чем перейти к обсуждению прочих моральных принципов работы переводчика, подкрепим сказанное выше еще двумя примерами:

Пример ситуации

Российское телевидение (в беседе с рабочим предприятия): «Как вы живете? Чем интересуетесь? Какая у вас семья? Чем вы занимаетесь в свободное время? Как вам жилось раньше? Как теперь? Расскажите об этом немножко!»

Рабочий: «Да что там рассказывать! Ничего особенного... Как жил, так и живу. Ничем особенным не занимаюсь. Работа примерно та же. Был электриком, стал электромонтером. Планов особых нет. Семьи пока нет. Ну, разве что жену, может быть, заведу. Так все как-то...»

Переводчик: «Говорит, что все как было, так и есть. Ничем он не интересуется... Дебил!»

Как мы видим, переводчик опять нарушает все правила профессиональной этики. Он меняет смысл высказывания, игнорирует его инвариант, и вместо последовательного перевода предлагает свою оценку и свою трактовку содержания. Помимо этого он позволяет себе и откровенное ругательство, проявляя личное высокомерие по отношению к автору исходного текста.

Пример ситуации

Обстановка банкета. Мюнхен. На банкете журналисты, писатели, художники из Германии и России. Слово берет главный редактор крупной баварской газеты: «Друзья! Теперь уже ясно, что наша выставка удалась. Русские художники показали класс! Мюнхен приветствует их! Давайте выпьем за них и за высокое искусство!»

Переводчик (обращаясь к русским художникам): «Да ну его к черту! Он чушь всякую мелет! Давайте лучше сами выпьем!»

Опять все этические нормы нарушены. Мало этого, переводчик нарушил и те негласные законы, которые знает каждый переводчик и которые

обеспечивают качество его работы. Переводчик не имеет права пить и есть на банкете. Для него это не банкет, а работа. Он вполне может выпить и поесть потом, после работы, на заработанные деньги. Если же он примет равноправное участие в банкете, его внимание рассеется, а первая же рюмка самого легкого спиртного, даже пива, снижает скорость языкового воспроизведения вдвое.

Работа устного переводчика, как и вообще владение речью, неразрывно связана с надежностью функционирования организма. Если переводчику предстоит работать, он обязан хорошо выспаться. Он должен владеть основными приемами аутотренинга и самонастройки, чтобы никакие внешние и личные обстоятельства не сказывались на качестве его работы. Он обязан выходить на работу абсолютно здоровым. Только при этих условиях может быть обеспечена его надежность как транслятора информации.

Профессиональная этика диктует и реакцию на личные, индивидуальные особенности речи оратора. Ведь речь оратора далеко не всегда нормативна. Автор устного текста может допускать различные отклонения от нормы:

1. Он может говорить на диалекте (территориальные отклонения).
2. В его речи могут встречаться отдельные черты местного варианта нормы.
3. У него могут быть индивидуальные дефекты речи, шепелявость, картавость, заикание, гнусавость и т. п.
4. Он может употреблять сорные слова (например, в русском: как бы, значит, так сказать, что ли).
5. Он может говорить на ломаном языке, смешивать языки (иностранец).

Во всех этих случаях, как бы ни забавляла переводчика странность речи оратора, он не имеет права проявлять своих чувств. А для этого он должен быть заранее готов к возможности таких странностей. Если речь идет о территориальных отклонениях, переводчику следует заранее с ними ознакомиться. В любом случае переводчик опускает названные отклонения и заменяет их при переводе моделью литературной нормы языка перевода.

Особую проблему представляют длинноты и повторы в речи оратора. Если это повторы случайные или же с функцией подчеркивания значимости высказывания, переводчик может сократить их, но с обязательным комментарием, например:

«Уважаемый господин мэр трижды подчеркнул необходимость тесных контактов в области рыбоводства».

Естественно, переводчик – живой человек и он может чего-то не знать, что-то не понять; при этом устный переводчик, работая в обстановке дефицита времени, не имеет возможности посмотреть в словарь, полистать справочник. Но тогда – и это важное правило профессиональной этики – переводчик обязан сигнализировать о своей недостаточной компетентно-

сти и фактах непонимания исходного текста, а не скрывать их. Как раз в этих случаях переводчик имеет право заявлять о себе, задавать уточняющие вопросы, просить повторить, пояснить, если он не расслышал, не запомнил, не знаком с терминами. Если же ему предстоит переводить тексты по заранее известной тематике (научная конференция, деловые переговоры), он должен подготовиться к работе, составить собственный рабочий словарь-тезаурус, проконсультироваться со специалистами.

К сожалению, в практике переводчиков встречается и несколько иная реакция на непонятное в речи оратора. Переводчик старается не подать виду, что он что-то недопонял. Далее он либо говорит в переводе что попало, либо делает фразу в переводе настолько сложной и запутанной, что присутствующие не могут в ней разобраться, но в официальной обстановке также не подают виду, что ничего не понимают. Таким образом, переводчик нарушает профессиональную честность и подрывает доверие к самому себе. Подобные случаи, когда переводчик не признается в собственной некомпетентности и переводит наобум, нередки и в письменном переводе.

Большинство уже упомянутых морально-этических принципов актуальны и для письменного перевода. Но поскольку его продуктом является письменный текст, к этическим нормам относятся и правила отражения состава, и правила оформления письменного текста. Если перед письменным переводчиком не поставлено особой задачи, он обязан передать весь состав, т.е. все текстовые единицы на языке оригинала: заглавие, титулы автора, сноски, подписи под иллюстрациями и т. п. Слова и фрагменты текста на других языках, помимо языка оригинала (например, в немецком тексте есть фрагменты на латыни, греческом и французском языках), переносятся в текст перевода без изменения. Хотя в большинстве случаев переводчику приходится навести справки у специалистов о том, что означают эти фрагменты, чтобы понять общий смысл текста. В тексте перевода должны быть обозначены страницы исходного текста, чтобы пользователь мог легко в нем ориентироваться. Средства графического выделения (разрядка, подчеркивание и т. п.) должны быть либо воспроизведены, либо заменены равнозначными. Сокращения должны быть по возможности расшифрованы и приведены в тексте перевода в исходном, полном и сокращенном виде на языке перевода. В конце перевода переводчик обязан проверить полноту состава текста, так как пропуски случаются даже у самых опытных переводчиков. Соблюдение всех этих правил оформления и передачи текста в письменном переводе обеспечивает корректное отношение к заказчику.

Последнее замечание касается и того, насколько переводчик вправе делиться с окружающими той информацией, которую он почерпнул во время перевода. Подписку о неразглашении информации от переводчиков требуют только в военном ведомстве и при переводе (устном и письменном) в ходе следствия по уголовному делу и в ходе судебного разбирательства. В

остальных случаях работа переводчика, как правило, не секретна, ее результаты публикуются либо во время работы (устный перевод на конференции есть публикация), либо через некоторое время (письменный перевод статей и книг). Однако существуют ситуации, когда перевод конфиденциален. Например, содержание деловых и правительственных переговоров разглашению не подлежит. Переводчику доводится участвовать и в сугубо личных переговорах, и тогда разглашение их содержания может затронуть неприкосновенность личности клиентов, которая находится под защитой Конституции.

Итак, к уже перечисленным шести постулатам этики переводчика мы можем добавить еще несколько:

7. Переводчик обязан заботиться о своем здоровье, поскольку от его физического состояния зависит качество перевода.

8. Переводчик не имеет права реагировать эмоционально на индивидуальные дефекты в речи оратора и не должен их воспроизводить; он ориентируется в устном переводе на устный вариант литературной нормы языка перевода.

9. О своей недостаточной компетентности переводчик обязан немедленно сигнализировать, а замеченные за собой ошибки исправлять, а не скрывать; это гарантия высокого качества перевода и доверия к нему окружающих.

10. В письменном переводе переводчик обязан соблюдать правила его оформления, обеспечивающие корректное отношение к заказчику.

11. В необходимых случаях переводчик обязан сохранять конфиденциальность по отношению к содержанию переводимого текста и без надобности не разглашать его.

Нормы профессионального поведения переводчика

Моральные принципы переводчика касались в первую очередь его отношения к собственному труду и затрагивали качество его работы.

Опосредованно с теми же проблемами связаны общечеловеческие нормы поведения переводчика в ситуации перевода.

Правила ситуативного поведения предполагают полную адаптацию переводчика к ситуации, в которой он оказался. Великий ученый или кинозвезда могут быть одеты вызывающе, могут себе позволить неадекватно вести себя в обществе. Переводчик себе этого позволить не может, потому что, находясь в роли транслятора, он должен быть незаметен как личность, не привлекать к себе внимания, его задача – работать передаточным звеном информации. Поэтому он должен быть одет опрятно и подобающе случаю, соблюдать общепринятые правила приличий. Нарушает он их только тогда, когда они несовместимы с его основной профессиональной ролью в ситуации. Например, если ему нужно переводить во время офици-

ального обеда, то ни есть, ни пить ему не придется. При кулуарном общении переводчик не может участвовать в разговоре как равноправный собеседник, как бы соблазнительна ни была для него тема, иначе он исказит информацию источника и потеряет свою надежность как транслятор. Так что его задача – адаптироваться, но работать.

Соблюдение приличий и аккуратность в одежде важны не только потому, что переводчик не должен ничем обращать на себя внимание. К сожалению, если переводчик неряшливо одет, развязно себя ведет, перебивает говорящих, сам этот факт его невоспитанности производит негативное впечатление на участников коммуникации и осложняет восприятие информации. Ей просто меньше доверяют. Сам переводчик, производя неприятное впечатление, создает негативный фон своим собственным словам.

Есть внешне более благоприятные случаи самовольного нарушения переводчиком рамок профессионального поведения. Они касаются обычно переводчиков, имеющих обширные общие филологические знания – скажем, закончивших университет и умеющих себя прилично вести. Это умные люди и интересные собеседники. Они привыкли равноправно участвовать в разговоре и высказывать свое мнение. Но на роль переводчика им переключиться трудно. Они постоянно вмешиваются в разговор, высказывают свое личное мнение и той, и другой стороне, сокращают или просто игнорируют реплики, которые их не заинтересовали. Все это, как мы понимаем, является нарушением этики переводчика. Ведь переводчик даже интонацией не имеет права показывать свое отношение к содержанию переводимого. Не случайно многие фирмы относятся к таким переводчикам более негативно, чем к таким, которым недостает знания языка. Те хотя бы ни на что не претендуют и знают свое место. А эти первые, не желающие входить в роль переводчика, явно и в будущем не захотят ограничиваться ею; это люди, которые видят в работе переводчика не профессию, а некий промежуточный этап в своей карьере или же источник случайного приработка.

Рамки профессиональных обязанностей переводчика часто неопределенны, и в каждом сложном случае переводчику стоит активно участвовать в их определении. Ведь даже переводчика-синхрониста, имеющего во время работы конференции вполне ясные задачи, могут попросить дома вечером, после работы перевести письменно ряд документов конференции, и он будет вынужден ночью переводить письменно, а днем (не выспавшись!) устно. Переводчик обязан в таком случае объяснить своим заказчикам, что они ставят под угрозу качество его перевода на следующий день. Особенно сложна профессиональная ситуация переводчика, которого нанимают для сопровождения группы за границу, в страну его иностранного языка. В подобном случае ему приходится выполнять не только обязанности личного переводчика каждого члена группы (например, это группа российских ху-

дожников, выезжающих на выставку собственных работ в Берлин) и переводить на всех официальных и неофициальных мероприятиях (от пресс-конференции до ресторана), но и быть гидом-экскурсоводом, межкультурным консультантом, а также иногда и помощником менеджера, делопроизводителем, письменным переводчиком всей документации группы, самостоятельно вести все деловые и личные телефонные переговоры. Переводчик на съемках фильма часто становится вторым помощником режиссера и даже соавтором сценария. В интересах дела, т.е. в интересах качества работы, переводчик в такой сложной ситуации должен сам бдительно следить за объемом своей занятости и настаивать на ограничении ее в разумных пределах.

К сожалению, переводчики низшего и среднего звена часто бывают готовы на все; недостаточный профессионализм и невежественность в вопросах профессиональной этики порождают заколдованный круг: низкое качество перевода – низкая оплата – отсутствие самоуважения (согласен на любое поручение). Отсутствие самоуважения у переводчиков подрывает престиж этой интересной профессии. Отрицательное воздействие на качество работы переводчика может оказывать и, если можно так выразиться, комплекс второстепенности его роли, который ему навязывается. В нем также кроется одна из причин низкого уровня самоуважения. Не секрет, что к переводчику во многих случаях относятся как к второстепенному обслуживающему персоналу. Причина такого неуважительного отношения к одному из самых сложных видов человеческой деятельности, скорее всего, в комплексах тех, кто пользуется услугами переводчиков. Ведь они то языка не знают, это, по-видимому, серьезная помеха их самоутверждению, и свою досаду они вымещают на переводчике, несправедливо низко оценивая его роль и его труд. Переводчик не должен идти на поводу у таких взглядов. Он должен ориентироваться не на мнение заказчика о себе, а на трезвую оценку своего труда компетентными людьми, например коллегами-профессионалами. Как каждый профессионал, он должен знать себе цену, в таком случае и его будут оценивать высоко.

Говоря об общечеловеческих принципах поведения переводчика в ситуации перевода, рассматривались ситуации конструктивного общения. Но иногда партнеры по диалогу создают конфликтную ситуацию. Разумеется, переводчик не обязан, да, как правило, и не в силах разрешить конфликт. Он при всем желании может не суметь вести себя в ситуации конфликта строго согласно нормам этики из-за сложности обстановки.

Наверное, как и во всякой работе, он не должен допускать унижения своего достоинства; но при этом ему важно решить: что переводить и что не переводить в такой ситуации из сказанного партнерами. Этика не допускает при этом ни участия переводчика в скандале, ни перевода ругательств, которыми обмениваются собеседники. Он должен перевести для сторон основное содержание их реплик, пользуясь литературной нормой

языка, а ругательства кратко прокомментировать: «Г-жа N употребила резкие ругательные выражения».

Профессиональная пригодность и профессиональные требования

Под профессиональной пригодностью понимаются обычно природные предпосылки к осуществлению данной деятельности, в том числе и психологический настрой. Профессиональные требования – более широкое понятие, оно наряду с профпригодностью включает необходимый набор умений и навыков. Однако эти два рода профессиональных параметров тесно связаны. Как и в других профессиях, некоторые качества, предполагаемые у переводчика от природы, он может развить и усовершенствовать в ходе обучения.

Среди качеств, обуславливающих профессиональную пригодность, называют обычно речевую реактивность, хорошую память, переключаемость, психическую устойчивость, контактность, интеллигентность.

Речевая реактивность это не просто умение быстро говорить, но, прежде всего, способность быстро воспринимать чужую речь и быстро порождать свою. Если эта способность и дана человеку от природы, ее в любом случае необходимо систематизировать и развивать дальше.

Некоторым людям свойственна чрезмерная, нервная речевая реактивность. Если они собираются работать в устном переводе, им необходимо поставить свою способность под контроль. В редких случаях человек не способен развить в себе быстроту речи. Тогда ему, наверное, не стоит становиться устным переводчиком.

Необходимо упомянуть требования к памяти переводчика. Люди с феноменальной памятью редкость. Собственно, феноменальная память переводчику не нужна. Переводчику нужна профессионально организованная гибкая память, позволяющая, с одной стороны, вбирать большой объем информации и, с другой стороны, быстро забывать ненужное. Долговременная память должна отличаться способностью вмещать гораздо больший (по сравнению с памятью обычного человека, владеющего иностранным языком) объем лексики в активном запасе: как на родном, так и на иностранном языке. Оперативная память характеризуется способностью запоминать ненадолго существенно большее количество языковых единиц, чем память обыкновенного человека. Значит, дар хорошей памяти переводчику обязательно придется тренировать дальше.

Переключаемость в той или иной мере свойственна всем людям. Считается, что женщины обладают более быстрой переключаемостью, чем мужчины. Однако при переводе нужен специфический вид переключаемости с одного языка на другой, с цифрового кодирования на вербальное. Поэтому исходная предрасположенность к быстрой переключаемости

должна в ходе обучения перерасти в устойчивый навык умения переключаться в сфере языка.

Психическую устойчивость многие специалисты по переводу ставят на первое место среди качеств профпригодности, и это не случайно. Ведь и принудительно долгое говорение, и неизбежно частое переключение, и повышенная скорость речи, и необходимость в течение целого дня следить только за чужими мыслями, не допуская своих собственных, – все это приводит к психическим перегрузкам. Поскольку психическая устойчивость, помимо врожденной ровности нрава, предполагает выдержку, волевые качества, умение побеждать, умение находить выход из сложных ситуаций, становится ясно, что она дается сознательной работой над собой, над совершенствованием своего характера.

Контактность, т.е. стремление к общению с другими людьми, от рождения присуща любому человеку. В ходе формирования личности у многих людей контактность ограничивается; личностные установки, жизненный опыт, особенности профессиональной жизни часто делают человека замкнутым в себе. Однако для целого ряда профессий, среди которых и профессия переводчика, высокий уровень контактности необходим. Речь идет не о врожденной экстравертности, открытости характера – она переводчику может даже мешать, а о сознательной психологической установке на контакт.

Переводчик должен хорошо осознавать, что он является экспертом не только по языку, но и по культуре сразу двух (как минимум!) народов и стран, и активно способствовать налаживанию контакта между сторонами.

И, наконец, интеллигентность. Имеется в виду не энциклопедическая образованность, а живость и творческий склад ума, позволяющий применять свои обширные знания в нужный момент времени. Здесь пригодится все: и хорошее образование, полученное в детстве, и широта интересов, и активное самообразование.

Переводчику неизбежно придется иметь дело с людьми разных профессий, с разными взглядами на жизнь и разными увлечениями, с текстами разной тематики и разных типов, и узкая специализация на какой-то одной области знаний его не спасет, даже если он специализируется на ней как переводчик.

Обратимся к профессиональным требованиям.

1. Переводчик должен обладать профессионально поставленным голосом и уметь им владеть, а также знать способы восстановления голоса в случае его перенапряжения.

2. Непременным профессиональным требованием является чистая дикция, отсутствие дефектов речи.

3. Обязательно владение техническими приемами перевода. К ним относятся: мнемотехника (приемы запоминания); навык переключения на разные типы кодирования; навык речевой компрессии и речевого развер-

тивания; навык применения комплексных видов трансформаций описательного перевода, генерализации, антонимического перевода, компенсации.

4. Переводчику необходимо умение пользоваться словарями и другими источниками информации.

5. Желательно владение переводческой нотацией, или сокращенной записью.

6. Переводчик должен обладать знанием иностранного языка на уровне, близком к билингвизму, а также знанием культуры народа, говорящего на этом языке.

7. Не менее важным условием успешности его профессиональной деятельности является активное владение основными речевыми жанрами и основными типами текста: как на родном, так и на иностранном языке.

8. Переводчик обязан постоянно пополнять активный словарный запас на обоих языках.

Правовой и общественный статус переводчика

Работа переводчика в каждом государстве регулируется нормами трудового законодательства. Переводчик может быть принят в штат сотрудников какого-либо предприятия или фирмы, либо заключить договор на выполнение конкретных работ. Содержание его деятельности всегда предварительно оговаривается и закрепляется в контракте.

На письменный перевод, предназначенный для публикации, заключается договор с издательством, в котором особым пунктом оговариваются права авторства на текст перевода, которые переводчик на определенное время передает издательству. Авторское право на перевод согласно Закону «Об авторском праве» переводчик имеет на художественные, публицистические и некоторые специальные тексты.

Если переводчик поступает в штат фирмы, рамки его обязанностей определяются должностной инструкцией. Приведем пример такой инструкции, действующей на одном из предприятий Санкт-Петербурга:

Должностная характеристика

Переводчик

Должностные обязанности

По поручению руководителя предприятия, секретаря-референта, старшего менеджера переводит техническую и другую специальную литературу, нормативно-техническую и иную документацию фирмы, материалы переписки с зарубежными организациями, а также каталоги, описания товаров, сертификаты и т. п. Выполняет в установленные сроки устные и

письменные, полные и сокращенные переводы, обеспечивая при этом точное соответствие переводов лексическому, стилистическому и смысловому содержанию оригиналов, соблюдение установленных требований в отношении научных и технических терминов и определений.

Осуществляет редактирование переводов. Ведет учет и систематизацию выполненных переводов, аннотаций, рефератов. Строго соблюдает все условия работы в фирме.

Должен знать:

иностранный язык, методику научно-технического перевода, действующую систему координации переводов, специализацию деятельности организации, терминологию по тематике предприятия на русском и иностранном языках, словари, терминологические стандарты, основы научного литературного редактирования, грамматику и стилистику русского и иностранного языка, основы экономики, организации труда и управления, правила внутреннего трудового распорядка, правила и нормы охраны труда, техники безопасности, производственной санитарии и противопожарной защиты.

Права

Получать оборудование, документацию и другое имущество, необходимое для осуществления своей деятельности. Информировать о всех незаконных действиях работников фирмы (использовании имущества не по назначению, хищениях и др.) своего непосредственного руководителя и директора фирмы. Ставить вопросы перед директором о необходимости приобретения, замены или ремонта оборудования, офисной техники и другого имущества предприятия.

Ответственность

Несет ответственность в соответствии с нормами действующего законодательства и Правилами внутреннего трудового распорядка фирмы.

Может быть привлечен к ответственности: за нарушение трудового договора, договора о сохранении коммерческой и служебной тайны, а также нормативных документов фирмы; за невыполнение распоряжений и указаний руководителя.

Ознакомлен:

Ф. И. О. _____ Дата _____ Подпись _____

Итак, деятельность переводчика обладает легитимным правовым статусом, но в его обеспечении переводчик должен активно участвовать сам. Для этого ему необходимо хорошо знать Основной Закон государства (Конституцию), а также Трудовое законодательство, Закон об авторском праве и т.п. По текущим правовым вопросам своей деятельности он может проконсультироваться с юристом.

Отметим еще одну тонкость, которая касается как общественного, так и правового статуса переводчика. Являясь штатным сотрудником фирмы,

или работая по контракту, заключенному с какой-либо организацией, переводчик невольно становится защитником стратегических интересов этой фирмы или организации. Мало кто ожидает в этой ситуации от переводчика позиции нейтрального транслятора. Неслучайно в межгосударственных дипломатических переговорах обычно участвуют переводчики с обеих сторон, чтобы нейтрализовать их неизбежную пристрастность. Пути преодоления заведомых нарушений переводческой этики стали пытаться искать лишь в последнее время. Так, в ООН и в Европейском Сообществе введен статус «сотрудника по международным связям», подчиняющий переводчика исключительно этой организации и не ставящий его в зависимость от какой-либо страны.

Переводчики во всем мире объединяются в профессиональные союзы, ассоциации и объединения, целью которых является защита профессиональных прав, укрепление имиджа, обмен информацией, обмен профессиональным опытом, участие в регулировании рынка труда. Среди наиболее известных международных организаций переводчиков можно назвать следующие:

FIT (Federation Internationale des Traducteurs) – Международная федерация переводчиков; AIIC (Association Internationale des Interpretes de Conference) – Международная ассоциация устных конференц-переводчиков; CEATL (Conseil Europeen des Associations de Traducteurs) – Европейская ассоциация литературных переводчиков и др.

Союзы переводчиков имеются почти в каждой стране. Например, в США это ATA – Американская ассоциация переводчиков; в Германии BDÜ – Федеральный союз устных и письменных переводчиков, VdÜ – Федеральный союз переводчиков художественной и научной литературы и др. Подавляющее большинство этих организаций возникло после Второй мировой войны, когда перевод окончательно обрел свой профессиональный статус.

Союз переводчиков России образован в 1991 г. и с 1993 г. вошел в ФИТ (FIT) в качестве полноправного члена.

В 1992 г. было образовано международное научное общество, призванное укреплять позиции переводоведения как самостоятельной научной дисциплины: EST (European Society for Translation Studies) – Европейское общество переводоведения.

К послевоенному периоду относится и появление специализированных периодических печатных изданий, посвященных вопросам перевода. Среди международных следует, прежде всего, назвать журнал «Babel» («Вавилон»), основанный в 1955 г., а также издающийся с 1986 г. Ежегодник «TEXTconTEXT. Translation-Theorie-Didaktik-Praxis», публикующий материалы на английском, немецком, французском и испанском языках.

Внимания заслуживают также журналы национальных переводческих организаций, такие, как возникший в 1990 г. журнал Австрийского обще-

ства переводчиков художественной и научной литературы «Ü wie Übersetzen». Россия в настоящий момент не выпускает периодические издания по переводу. Но многие специалисты помнят издававшиеся в 1960–1970-е гг. ежегодники «Мастерство перевода», посвященные проблемам художественного перевода; не меньшим успехом пользовались также сборники «Тетради переводчика» под ред. Л.С. Бархударова, регулярно издававшиеся в 1970–1980-е гг., где диапазон обсуждаемых проблем был шире: художественный перевод, технический перевод, переводческая практика.

Свидетельством укрепления правового и общественного статуса перевода может служить тот факт, что в 1991 г. ФИТ учредил Всемирный день перевода. Он приходится на 30 сентября и связан с именем и датой смерти св. Иеронима (30 сентября 420 г.), известного писателя, историка и переводчика, автора знаменитого перевода Священного писания с древнееврейского языка на латынь (Vulgata).

Таким образом, союзы и общественные организации, Дома творчества, периодическая печать, а также регулярно проводимые в разных странах конференции, симпозиумы и семинары по вопросам теории и практики перевода составляют мощный эшелон обеспечения надежности правового статуса переводчика.

КРАТКИЙ СЛОВАРЬ ПЕРЕВОДЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ

Абзацно-фразовый перевод – перевод, осуществляемый на уровне отдельных предложений или абзацев, переводимых последовательно одно за другим.

Авторизованный перевод – апробированный автором перевод оригинального текста.

Авторский (авто-) перевод – перевод, выполненный автором оригинального текста.

Адаптивное транскодирование – вид языкового посредничества, при котором содержание оригинала передается в преобразованной форме, обеспечивающей заданный объем и характер передаваемой информации.

Адаптированный перевод – вид адаптивного транскодирования, при котором в процессе перевода осуществляется упрощение структуры и содержания оригинала с целью сделать текст перевода доступным для рецепторов, не обладающих познаниями, которые требуются для полноценного понимания сообщения, содержащегося в оригинале.

Адекватный перевод – перевод, обеспечивающий прагматические задачи переводческого акта на максимально возможном для достижения этой цели уровне эквивалентности, не допуская нарушения норм и узуса переводящего языка, соблюдая жанрово-стилистические требования к текстам данного типа и соответствия конвенциональной норме перевода. В нестрогом употреблении адекватный перевод – это «правильный» перевод.

Аннотационный перевод – перевод, в котором отражаются лишь главная тема, предмет и назначение переводимого текста.

Антонимический перевод – лексико-грамматическая трансформация, при которой замена утвердительной формы в оригинале на отрицательную форму в переводе или, наоборот, отрицательной на утвердительную, что сопровождается заменой лексической единицы исходного языка на единицу переводящего языка с противоположным значением.

Аспектный перевод – перевод лишь части текста в соответствии с каким-либо заданным признаком отбора (аспектом).

Аутентичный перевод – перевод официального документа, имеющий одинаковую юридическую силу с оригиналом; согласно международному праву текст договора может быть выработан и принят на одном языке, но его аутентичность установлена на двух и более языках.

Безэквивалентная лексика – лексические единицы исходного языка, не имеющие регулярных (словарных) соответствий в переводящем языке.

Безэквивалентные грамматические единицы – грамматические формы и структуры исходного языка, не имеющие однотипных соответствий в переводящем языке.

Бинарный перевод – перевод с одного естественного языка на другой.

Буквальный перевод – перевод, воспроизводящий коммуникативно нерелевантные элементы оригинала, в результате чего-либо нарушаются нормы и узус переводящего языка, либо оказывается искаженным (непереданным) действительное содержание оригинала.

Внутриязыковой перевод – истолкование словесных знаков посредством знаков того же языка.

Вольный (свободный) перевод – перевод, воспроизводящий основную информацию оригинала с возможными отклонениями – добавлениями, пропусками и др.; осуществляется на уровне текста, поэтому для него оказываются нерелевантными категории эквивалентности языковых единиц

Генерализация – лексико-семантическая замена единицы исходного языка, имеющей более узкое значение, единицей переводящего языка с более широким значением.

Грамматическая замена – грамматическая трансформация, при которой грамматическая единица в оригинале преобразуется в единицу переводящего языка с иным грамматическим значением.

Двусторонний перевод – последовательный устный перевод беседы, осуществляемый с одного языка на другой и обратно.

Дезиративно-адекватный перевод – перевод, полно и правильно отвечающий на информационный запрос потребителя и не обязательно передающий полное смысловое содержание и ведущую коммуникативную функцию оригинала.

Диахронический перевод – перевод на современный язык исторического текста, написанного на языке предшествующей эпохи.

Единица несоответствия – элемент содержания оригинала, не переданный или искаженный при переводе, или элемент содержания текста перевода, неправомерно добавленный при переводе.

Единица перевода –

1) Минимальная единица текста оригинала, которая переводится как единое целое, в том смысле, что ей можно отыскать соответствие в переводе, но нельзя обнаружить в переводе единиц переводящего языка, воспроизводящих значение составных частей данной единицы, если таковые у нее имеются.

2) Единица эквивалентности.

3) Единица переводческого процесса.

Единица переводческого процесса – минимальный отрезок текста оригинала, выступающий в качестве отдельной «порции» перевода, в том смысле, что переводчик приступает к переводу каждого такого отрезка после завершения перевода отрезка предыдущего.

Единица эквивалентности – минимальная единица содержания оригинала, сохраняемая в переводе.

Единичное (постоянное) соответствие – наиболее устойчивый (постоянный) способ перевода данной единицы исходного языка, относительно независимый от контекста.

Жанрово-стилистическая классификация переводов – подразделение переводов в зависимости от жанрово-стилистических особенностей оригинала на художественный перевод и информативный перевод и функциональные подвиды перевода.

Жанрово-стилистическая норма перевода – требования, которым должен отвечать перевод в зависимости от принадлежности оригинала к определенному функциональному стилю.

Заверенный перевод – перевод, соответствие которого оригиналу подтверждается юридически.

Интерпретация – вид перевода, основанный на обращении к внеязыковой деятельности, в отличие от собственно перевода, осуществляемого по заданным правилам перехода от средств выражения, принадлежащих одной языковой системе, к средствам выражения, принадлежащим другой языковой системе.

Интерсемиотический перевод – перевод с естественного языка на искусственный или наоборот.

Информативный перевод – перевод оригиналов, не принадлежащих к художественной литературе (общественно-политических, научно-технических, официально-деловых и пр.), т.е. текстов, основная функция которых заключается в сообщении каких-то сведений, а не в художественно-эстетическом воздействии на рецептора.

Исторический перевод – перевод на современный язык исторического текста, написанного на языке предшествующей эпохи.

Источник (информации) – создатель (автор) текста оригинала, отправитель сообщения.

Исходный язык (ИЯ) – язык оригинала, язык с которого делается перевод.

Калькирование – способ перевода лексической единицы оригинала путем замены ее составных частей-морфем или слов (в случае устойчивых словосочетаний) – их лексическими соответствиями в переводящем языке.

Коммуникативная равноценность – способность текста выступать в качестве полноправной замены (в функциональном, содержательном и структурном отношении) другого текста. Коммуникативно равноценные тексты являются формами существования одного и того же сообщения и объединяются воедино (отождествляются) в процессе коммуникации.

Компенсация – способ перевода, при котором элементы смысла, утраченные при переводе единицы исходного языка в оригинале, передаются в тексте перевода каким-либо другим средством, причем необязательно в том же самом месте текста, что и в оригинале.

Конвенциональная норма перевода – требования, которым должен отвечать перевод в связи с общепринятыми в данный период взглядами на роль и задачи переводческой деятельности.

Конкретизация – лексико-семантическая замена единицы исходного языка, имеющей более широкое значение, единицей переводящего языка с более узким значением.

Консультативный перевод – вид информационного перевода, осуществляется обычно в устной форме, включает элементы аннотирования, реферирования и выборочного перевода с листа, выполняется, как правило, в присутствии заказчика, уточняющего по ходу перевода интересующие его аспекты содержания текста оригинала.

Косвенный (вторичный, непрямой) перевод – перевод, осуществленный не непосредственно с текста оригинала, а с его перевода на какой-либо другой язык.

Лексико-семантическая замена – способ перевода лексических единиц оригинала путем использования в переводе единиц переводящего языка, значения которых не совпадают со значениями исходных единиц, но могут быть выведены из них с помощью логических преобразований определенного типа.

Лексический контекст – совокупность лексических единиц, в окружении которых используется данная единица текста.

Лингвистика перевода или лингвистическое переводоведение – раздел языкознания, изучающий перевод как лингвистическое явление.

Лингвистическая теория перевода – теоретическая часть лингвистики перевода.

Лингвистический контекст – языковое окружение, в котором употребляется данная единица языка в тексте.

Литературное переводоведение – раздел литературоведения, изучающий перевод как вид литературного творчества.

Машинный (автоматический) перевод – перевод, выполненный или выполняемый компьютером.

Межъязыковая (двуязычная) коммуникация – речевое общение между коммуникантами, пользующимися разными языками.

Межъязыковой перевод – преобразование сообщения, выраженного средствами какой-либо одной знаковой системы, в сообщение, выраженное средствами другой знаковой системы.

Множественное (вариантное) соответствие – один из регулярных способов перевода данной единицы исходного языка, частично воспроизводящей в переводящем языке ее значение.

Модель перевода – условное описание ряда мыслительных операций, выполняя которые, можно осуществить процесс перевода всего оригинала или некоторой его части.

Модуляция (смысловое развитие) – лексико-семантическая замена слова или словосочетания исходного языка единицей переводящего языка, значение которой является логическим следствием значения исходной единицы.

Неполный перевод – перевод, передающий смысловое содержание оригинала с пропусками и сокращениями.

Норма перевода – совокупность требований, которым должен отвечать перевод.

Норма переводческой речи – требования, которым должен удовлетворять язык перевода.

Норма эквивалентности перевода – требование максимально возможной смысловой близости перевода к оригиналу.

Нулевой перевод – отказ от передачи в переводе значения грамматической единицы исходного языка, вследствие его избыточности.

Обратный перевод – экспериментальный или учебный перевод уже переведенного текста на исходный язык.

Общая теория перевода – раздел лингвистической теории перевода, изучающий наиболее общие лингвистические закономерности перевода, независимо от особенностей конкретной пары языков, участвующих в процессе перевода, способа осуществления этого процесса и индивидуальных особенностей конкретного акта перевода.

Объединение предложений при переводе – способ перевода, при котором синтаксическая структура в оригинале преобразуется путем соединения двух простых предложений в одно сложное.

Односторонний перевод – устный перевод, осуществляемый только в одном направлении, т.е. с данного языка на какой-либо другой язык.

Однотипное соответствие – грамматическое соответствие в переводящем языке, имеющее наименование, определение и грамматическое значение, аналогичное замещаемой единице исходного языка.

Окказиональное соответствие (контекстуальная замена) – нерегулярный, исключительный способ перевода единицы оригинала, пригодный лишь для данного контекста.

Официальный (готовый к опубликованию) перевод – окончательный вариант перевода, представляемый переводчиком в качестве полноценного воспроизведения оригинала.

Перевод – вид языкового посредничества, при котором содержание иноязычного текста оригинала передается на другой язык путем создания на этом языке коммуникативно равноценного текста.

Переводоведение – совокупность научных дисциплин, изучающих различные аспекты перевода.

Переводческая (межъязыковая) трансформация – преобразование, с помощью которого можно осуществить переход от единиц оригинала к единицам перевода.

Переводческое соответствие – единица переводящего языка, регулярно используемая для перевода данной единицы исходного языка.

Переводящий язык (ПЯ) – язык, на который делается перевод.

Письменный перевод – вид перевода, при котором оригинал и перевод выступают в процессе перевода в виде фиксированных (главным образом, письменных) текстов, к которым переводчик может неоднократно обращаться.

Полный (сплошной) перевод – перевод, передающий смысловое содержание оригинала без пропусков и сокращений.

Поморфемный перевод – перевод, выполняемый на уровне отдельных морфем без учета их структурных связей.

Последовательный перевод – разновидность устного перевода, осуществляемого после прослушивания определенной единицы текста, в паузах между этими единицами.

Пословный перевод – перевод, выполняемый на уровне отдельных слов без учета смысловых, синтаксических и стилистических связей между словами.

Пофразовый перевод – перевод, выполняемый на уровне отдельных предложений или фраз, переводимых последовательно одно за другим.

Прагматика перевода (прагматический аспект перевода) – влияние на ход и результат переводческого процесса необходимости воспроизвести прагматический потенциал оригинала и обеспечить желаемое воздействие на рецептора перевода.

Прагматическая адаптация перевода – изменения, вносимые в текст перевода с целью добиться необходимой реакции со стороны конкретного рецептора перевода.

Прагматическая норма перевода – требование обеспечения прагматической ценности перевода.

Прагматическая ценность перевода – степень соответствия текста перевода тем задачам, для решения которых был осуществлен процесс перевода.

Прагматический потенциал текста – способность текста оказывать воздействие на рецептора, вызывать у него интеллектуальную или эмоциональную реакцию на передаваемое сообщение.

Прагматически (функционально) адекватный перевод – перевод, правильно передающий основную (доминирующую) коммуникативную функцию оригинала.

Приближенный перевод – использование в переводе грамматической единицы переводящего языка, которая в данном контексте частично соответствует безэквивалентной грамматической единице исходного языка.

Прием лексических добавлений – использование в переводе дополнительных лексических единиц для передачи имплицитных элементов смысла оригинала.

Прием местоименного повтора – повторное указание в тексте перевода на уже упоминавшийся объект с заменой его имени на соответствующее местоимение.

Прием опущения – отказ от передачи в переводе семантически избыточных слов, значения которых нерелевантны или легко восстанавливаются в контексте.

Прием перемещения лексических единиц – использование ближайшего соответствия переводимой единице исходного языка в другом месте высказывания в тексте перевода.

Прием пословного перевода – подстановка ближайших соответствий вместо лексических единиц оригинала при сохранении синтаксических связей между ними в качестве промежуточной стадии в процессе поиска оптимального варианта перевода.

Процесс перевода (собственно перевод) – действия переводчика по созданию текста перевода.

Прямой (первичный, непосредственный) перевод – перевод, выполненный непосредственно с оригинала.

Психолингвистическая классификация переводов – подразделение переводов на виды и подвиды по способу (речевой форме) восприятия оригинала и создания текста перевода.

Рабочий перевод – предварительный перевод, эквивалентность которого ограничена лишь передачей на уровне способа описания ситуации предметно-логического содержания оригинала.

Разнотипное соответствие – грамматическое соответствие в переводящем языке, не совпадающее с исходной единицей по названию и определению.

Реферативный перевод – перевод, в котором содержатся относительно подробные сведения о реферируемом документе – его назначении, тематике, методах исследования, полученных результатах.

Рецептор (информации) – получатель сообщения, слушающий или читающий участник коммуникации.

Свободный (вольный) перевод – перевод, выполненный на более низком уровне эквивалентности, чем тот, которого можно достичь при данных условиях переводческого акта.

Семантико-стилистически адекватный перевод – семантически полный, точный и стилистически эквивалентный перевод, соответствующий функционально-стилистическим нормам языка перевода.

Синтаксический контекст – синтаксическая конструкция, в которой употребляется данное слово, словосочетание или придаточное предложение.

Синтаксическое уподобление (дословный перевод) – способ перевода, при котором синтаксическая структура оригинала преобразуется в аналогичную структуру переводящего языка с сохранением набора полных слов и порядка их расположения в оригинале и переводе.

Синхронный перевод – устный перевод, осуществляемый практически одновременно с произнесением текста оригинала.

Ситуативная модель перевода – модель перевода, представляющая процесс перевода как процесс описания при помощи переводящего языка той же ситуации, которая описана в оригинале.

Ситуативный (экстралингвистический) контекст – обстановка, время и место, к которым относится высказывание, а также любые факты реальной действительности, знание которых помогает рецептору правильно интерпретировать значения языковых единиц в высказывании.

Ситуация – совокупность идеальных или материальных объектов и связей между ними, описываемых в содержании высказывания.

Смешанный перевод – перевод с использованием значительной доли традиционной (или машинной) переработки текста.

Смысловая доминанта – наиболее важная часть содержания оригинала, которая должна быть непременно сохранена в переводе и ради сохранения которой могут быть принесены в жертву другие элементы переводимого сообщения.

Сокращенный перевод – перевод, при котором осуществляется опущение отдельных частей оригинала по моральным, политическим или иным соображениям практического характера.

Сопоставительный анализ перевода – анализ формы и содержания текста перевода в сопоставлении с формой и содержанием оригинала.

Специальная теория перевода – раздел лингвистической теории перевода, изучающий особенности процесса перевода текстов разного типа и влияние на этот процесс речевых форм и условий его осуществления.

Способ описания ситуации – часть содержания высказывания, указывающая на признаки ситуации, через которые она отражается в высказывании.

Точный перевод – перевод, в котором эквивалентно воспроизведена лишь предметно-логическая часть содержания оригинала при возможных отклонениях от жанрово-стилистической нормы и узуальных правил употребления переводящего языка.

Транскрипция – способ перевода лексической единицы оригинала путем воссоздания ее звуковой формы с помощью букв переводящего языка.

Транслитерация – способ перевода лексической единицы оригинала путем воссоздания ее графической формы с помощью букв переводящего языка.

Трансмутация – перевод с какого-либо искусственного языка на другой искусственный язык.

Транспозиция – перевод текста одного жанра или функционального стиля в другой жанр или функциональный стиль.

Трансформационно-семантическая модель перевода – модель перевода, представляющая процесс перевода как ряд преобразований, с помощью которых переводчик переходит от единиц исходного языка к единицам переводящего языка.

Трансформационный перевод – перевод с использованием одной из переводческих трансформаций.

Узкий контекст (микрконтекст) – лингвистический контекст в пределах одного словосочетания или предложения.

Уровень (тип) эквивалентности – степень смысловой близости оригинала и перевода, определяемая частью содержания оригинала, сохраняемой при переводе.

Устный перевод – вид перевода, при котором оригинал и его перевод выступают в процессе перевода в нефиксированной (устной) форме, что предопределяет однократность восприятия переводчиком отрезков оригинала и невозможность последующего сопоставления или исправления перевода после его выполнения.

Учебный перевод – перевод, используемый в учебном процессе для подготовки переводчиков или как один из приемов обучения иностранному языку.

Фрагментарный перевод – перевод не целого текста, а лишь отдельного отрывка или отрывков.

Художественный перевод – перевод произведений художественной литературы, т.е. текстов, основная функция которых заключается в художественно-эстетическом воздействии на читателя.

Цель коммуникации – часть содержания текста (высказывания), указывающая на общую речевую функцию текста в акте коммуникации.

Цельнотекстный перевод – перевод целого текста, без выделения в качестве отдельных единиц перевода отдельных слов, предложений или абзацев.

Частная теория перевода – раздел лингвистической теории перевода, изучающий лингвистические аспекты перевода с одного данного языка на другой данный язык.

Черновой перевод – предварительный перевод, эквивалентность которого ограничена лишь передачей на уровне указания на ситуацию предметно-логического содержания оригинала при возможных пропусках и отклонениях от нормы переводящего языка.

Членение предложения – способ перевода, при котором синтаксическая структура предложения в оригинале преобразуется в две или более предикативные структуры в переводящем языке.

Широкий контекст (макроконтекст) – лингвистический контекст, выходящий за пределы предложения, в котором употреблена данная языковая единица.

Эквивалентность перевода – общность содержания (смысловая близость) оригинала и перевода.

Эквивалентный перевод – перевод, воспроизводящий содержание оригинала на одном из уровней эквивалентности.

Экспериментальный перевод – перевод, выполненный с исследовательской целью.

Экспликация (описательный перевод) – лексико-грамматическая трансформация, при которой лексическая единица исходного языка заменяется словосочетанием, эксплицирующим ее значение, т.е. дающим более или менее полное объяснение этого значения на переводящем языке.

Эталонный перевод – образцовый перевод, используемый для сравнения с квалифицируемым переводом.

Этап переводческого процесса – часть переводческого процесса, характеризующаяся действиями переводчика определенного типа.

Языковое посредничество – преобразование в процессе межкультурной коммуникации исходного сообщения в такую языковую форму, которая может быть воспринята рецептором, не владеющим исходным языком.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Учебное пособие «Теория перевода» направлено на формирование у студентов базовой части переводческой компетенции.

Под **переводческой компетенцией** принято понимать совокупность знаний, умений и навыков, позволяющих специалисту успешно решать профессиональные задачи на основе зарубежных иноязычных источников информации. Переводческая компетенция может быть подразделена на несколько составляющих компетенций, формированию которых также способствует содержание настоящего пособия.

Базовая часть переводческой компетенции объединяет в себе элементы, задействованные в профессиональном переводе постоянно – во всех его проявлениях (письменном и всех видах устного; во всех его тематико-текстовых жанрах). Прагматическая часть включает в себя знания, умения и навыки, необходимые переводчику в тех или иных видах перевода (письменном или устном, абзацно-фразовом или синхронном и т.д.), при переводах текстов той или иной тематики, тех или иных жанров (научно-технический, художественный перевод, перевод деловой корреспонденции и т.д.).

Концептуальная составляющая переводческой компетенции – это совокупность знаний и представлений о сути перевода: специфике, отличающей его от других видов языкового посредничества, общей цели перевода и ее текстово-жанровых модификациях, задачах, решаемых в процессе достижения цели, характерных для перевода коллизиях этих задач и основных принципах их преодоления.

Технологическая составляющая переводческой компетенции представляет собой совокупность переводческих инноваций, помогающих языковому посреднику преодолеть типичные технические переводческие трудности и решить разноплановые задачи, возникающие перед переводчиком по пути к достижению цели.

Прагматическая часть переводческой компетенции определяет диапазон доступных переводчику видов перевода, жанров текстов и тем. Владение определенными видами перевода относится к **специфической составляющей**, а тематические и жанровые возможности переводчика к **специальной составляющей** переводческой компетенции.

Содержание пособия «Теория перевода» направлено на развитие именно базовой части переводческой компетенции, являющейся основой профессиональной деятельности специалиста, поскольку все остальные составляющие переводческой компетенции развиваются неравномерно, что обусловлено различиями в способностях людей, их различными склонностями и профессиональной специализацией.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Акуленко, В.В. Вопросы интернационализации словарного состава языка [Текст] / В.В. Акуленко. – Харьков, 1972.
2. Алексеева, И.С. Введение в переводоведение [Текст]: учеб. пособие для высш. проф. образования / И.С. Алексеева. – М.: Академия, 2011.
3. Алексеева, И.С. Письменный перевод. Немецкий язык [Текст]: учебник / И.С. Алексеева. – СПб.: Союз, 2006
4. Бархударов, Л.С. Язык и перевод [Текст] / Л.С. Бархударов. – М., 1975.
5. Борисова, Л.И. «Ложные друзья переводчика» научно-технической литературы [Текст] / Л.И. Борисова. – М., 1989.
6. Брандес, М.П. Стиль и перевод [Текст] / М.П. Брандес. – М., 1988.
7. Брандес, М.П. Предпереводческий анализ текста [Текст] / М.П. Брандес, В.И. Провоторов. – М., 2001
8. Будагов, Р.А. Ложные друзья переводчика [Текст] / Р.А. Будагов // Человек и его язык. – М., 1976.
9. Ванников, Ю.В. Проблемы адекватности перевода: Типы адекватности, виды перевода и переводческой деятельности [Текст] / Ю.В. Ванников // Текст и перевод. – М., 1998. – С. 34–37.
10. Вине, Ж.-П. Технические способы перевода [Текст] / Ж.-П. Вине, Ж. Дарбельне. Пер. с франц. Г. Туровера // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистики. Сборник статей: Пер. с англ., нем., франц. Вступительная статья и общая ред. перевода В.Н. Комиссарова. – М., Межд. отнош., 1978.
11. Виноградов, В.С. Лексические вопросы перевода художественной прозы [Текст] / В.С. Виноградов. – М., 1978.
12. Влахов, С. Непереводимое в переводе [Текст] / С. Влахов, С. Флорин. – М., 1980.
13. Воеводина, Т.В. Устный перевод в его коммуникативном аспекте и его соотношение с другими видами перевода [Текст] / Т.В. Воеводина // Тетради переводчика. Вып. 20. – М.: Высшая Школа, 1983. – С.66–77.
14. Вопросы перевода в зарубежной лингвистике [Текст]. – М., 1978.
15. Вульферт, И.И. Пособие по переводу немецкого научно-технического текста [Текст] / И.И. Вульферт. – М.: Изд-во литературы на иностранных языках, 1967.
16. Гак, В.Г. Языковые преобразования [Текст] / В.Г. Гак. – М., 1998.
17. Гак, В.Г. Теория и практика перевода [Текст] / В.Г. Гак, Б.Б. Григорьев. – М., 1997.
18. Гальперин, И.Р. Текст как объект лингвистического исследования [Текст] / И.Р. Гальперин. – М.: Наука, 1981.

19. Гарбовский, Н.К. Теория перевода [Текст]: учебник / Н.К. Гарбовский. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2004. – 544 с.
20. Готлиб, К.Г.М. Немецко-русский и русско-немецкий словарь «ложных друзей переводчика» [Текст] / К.Г.М. Готлиб. – М., 1972.
21. Дзенс, Н.И. Теория перевода и переводческая практика (с немецкого языка на русский и с русского на немецкий) [Текст]: учебное пособие / Н.И. Дзенс, И.Р. Перевышина. – СПб.: Антология, 2012. – 560 с.
22. Егер, Г. Коммуникативная и функциональная эквивалентность [Текст] / Г. Егер // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. М., 1978. – С.138.
23. Епихина, Н.О. Практические основы письменного перевода. Общая теория перевода [Текст]: учеб. пособие / Н.О. Епихина, Д.В. Зиновьев. – Красноярск: СибГТУ, 2006.
24. Зеленецкий, А.Л. Сравнительная типология немецкого и русского языков [Текст] / А.Л. Зеленецкий, П.Ф. Монахов. – Л.: Просвещение, 1983.
25. Комиссаров, В.Н. Лингвистика перевода [Текст] / В.Н. Комиссаров. – М., 1980.
26. Комиссаров В.Н. Общая теория перевода. Проблемы переводоведения в освещении зарубежных ученых [Текст] / В.Н. Комиссаров. – М., 1999.
27. Комиссаров, В.Н. Современное переводоведение [Текст]: учеб. пособие / В.Н. Комиссаров. – М., 2001.
28. Крушельницкая, К.Г. Советы переводчикам [Текст]: справочное пособие по немецкому языку / К.Г. Крушельницкая, М.И. Попов. – М.: Высшая школа, 1992.
29. Крюков, В.Н. Межъязыковая коммуникация: проблемы понимания [Текст] / В.Н. Крюков // Перевод и коммуникация. – М., 1977. – С. 74.
30. Курелла, А. Об ответственности переводчика» [Текст] // Теория и практика перевода / А. Курелла // Перевод – средство взаимного сближения народов. – М.: Прогресс, 1987. – С.106–131.
31. Латышев, Л.К. Курс перевода (эквивалентность перевода и способы ее достижения) [Текст] / Л.К. Латышев. – М.: Международные отношения, 1981.
32. Латышев, Л.К. Технология перевода [Текст] / Л.К. Латышев. – М., 2001.
33. Левицкая, Т.Р. Проблемы перевода [Текст] / Т.Р. Левицкая, А.М. Фитерман. – М.: Международные отношения, 1976.
34. Лилова, А. Введение в общую теорию перевода [Текст] / А. Лилова. – М., 1985.
35. Львовская, З.Д. Теоретические проблемы перевода [Текст] / З.Д. Львовская. – М.: Высшая школа, 1985.
36. Любимов, Н.М. Перевод – искусство [Текст] / Н.М. Любимов. – М., 1982.

37. Маковский, М.М. Краткий словарь «ложных друзей переводчика» [Текст] / М.М. Маковский // Теория лексической аттракции. – М., 1971.
38. Миньяр-Белоручев, Р.К. Общая теория перевода и устный перевод [Текст] / Р.К. Миньяр-Белоручев. – М., 1980.
39. Миньяр-Белоручев, Р.К. Теория и методы перевода [Текст] / Р.К. Миньяр-Белоручев. – М., 1996.
40. Найда, Ю. К науке переводить [Текст] / Ю. Найда // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. – М., 1978. – С. 115.
41. Нелюбин, Л.Л. Перевод и прикладная лингвистика [Текст] / Л.Л. Нелюбин. – М., 1983.
42. Оболенская, Ю.Л. Диалог культур и диалектика перевода [Текст] / Ю.Л. Оболенская. – М., 1998.
43. Перевод и коммуникация [Текст] / под ред. А.Д. Швейцера и др. – М., 1996.
44. Реформатский, А.А. Лингвистические вопросы перевода [Текст] / А.А. Реформаторский // Иностранные языки в школе. – 1952. – № 6. – С. 12.
45. Рецкер, Я.И. О закономерных соответствиях при переводе на родной язык [Текст] / Я.И. Рецкер // Теория и методика учебного перевода. – М., 1950.
46. Рецкер, Я.И. Теория перевода и переводческая практика [Текст] / Я.И. Рецкер. – М., 1974.
47. Роганова, З.Е. Перевод с русского языка на немецкий [Текст] / З.Е. Роганова. – М.: Высшая школа, 1971.
48. Семенец, О.Е. История перевода [Текст] / О.Е. Семенец, А.Н. Панасьев. – Киев, 1989.
49. Семенов, А.Л. Основы общей теории перевода и переводческой деятельности [Текст]: учеб. пособие для вузов / А.Л. Семенов. – М.: Академия, 2008.
50. Слепович, В.С. Курс перевода [Текст] / В.С. Слепович. – Минск: ТетраСистема, 2004.
51. Стрелковский, Г.М. Научно-технический перевод [Текст] / Г.М. Стрелковский, Л.К. Латышев. – М., 1980.
52. Текст и перевод [Текст] / Под ред. А.Д. Швейцера. – М., 1988.
53. Тюленев, С.В. Теория перевода [Текст]: учеб. пособие для вузов / С.В. Тюленев. – М.: Гардарики, 2004.
54. Федоров, А.В. Основы общей теории перевода [Текст] / А.В. Федоров. – М., 1983.
55. Хайт, Ф.С. Пособие по технике перевода специальных текстов с немецкого языка на русский [Текст] / Ф.С. Хайт. – М.: Высшая школа, 1986.
56. Чернов, Г.В. Теория и практика синхронного перевода [Текст] / Г.В. Чернов. – М., 1978.

57. Черняховская, Л.А. Перевод и смысловая структура [Текст] / Л.А. Черняховская. – М., 1976.
58. Чужакин, А.П. Устный перевод XXI: теория + практика, переводческая скоропись [Текст] / А.П. Чужакин. – М., 2001.
59. Швейцер, А.Д. Междисциплинарный статус теории перевода [Текст] / А.Д. Швейцер // Тетради переводчика. – М, 1999. – С. 21.
60. Швейцер, А.Д. Теория перевода: статус, проблемы, аспекты [Текст] / А.Д. Швейцер. – М., 1988.
61. Шеметов, В.Б. О семиотическом подходе к теории перевода [Текст] / В.Б. Шеметов // Актуальные вопросы лингвистики, перевода и методики преподавания иностранных языков Тезисы докладов научно-практической конференции. – Челябинск, 1999.
62. Якобсон, Р. О лингвистических аспектах перевода [Текст] / Р. Якобсон // Избранные работы. – М., 1985.
63. Caryl, E. Comment faut-il traduire? [Text] / E. Caryl. – Lille, 1986.
64. Catford, J. A Linguistic Theory of Translation [Text] / J. Catford. – L., 1965.
65. Dolmetscher – und Übersetzer Ausbildung [Text]. Materialien eines Internationalen Produktionsseminars 17.-21.12.1993. Goethe-Institut und Sprachen-und Dolmetscher-Institut, München. – (Hrsg.) München, 1994.
66. Jager, G. Translation und Translationslinguistik [Text] / G. Jager. – Halle, 1975.
67. Kade, O. Die Sprachmittlung als gesellschaftliche Erscheinung und Gegenstand wissenschaftlicher Untersuchung [Text] / O. Kade. – Leipzig, 1980.
68. Kautz, U. Handbuch Didaktik des Übersetzens und Dolmetschens [Text] / U. Kautz. – München, Goethe-Institut, 2000.
69. Lederer, M. Interpreter pour traduire [Text] / M. Lederer. – Paris, 1997.
70. Maletzke, G. Interkulturelle Kommunikation Zur Interaktion zwischen Menschen verschiedener Kulturen [Text] / G. Maletzke. – Opladen: Westdeutscher Verlag, 1996. – 226 S.
71. Mounin, G. Les problemes theoriques de la traduction [Text] / G. Mounin. – Paris, 1963.
72. Neubert, A. Text and Translation [Text] / A. Neubert. – Leipzig, 1985.
73. Newmark, P. Approaches to Translation. Centre for Translation and Language Studies University of Surrey [Text] / P. Newmark. – Phoenix ELT, New York, London, Toronto, Sydney, Tokyo, Singapore, 1995. – 200 p.
74. Nida, E. The Theory and Practice of Translation [Text] / E. Nida, C.R. Taber. – Leiden, 1964.
75. Nida E., Reybum W.D. Meaning Across Cultures [Text] / E. Nida, W.D. Reybum. – N.Y., 1976.
76. Risku, H. Translatorische Kompetenz. Kognitive Grundlagen des Übersetzens als Expertentätigkeit [Text] / H. Risku. – Tübingen: Stauffenburg, 1998. – 294 S.
77. Toury, G. In Search of a Theory of Translation [Text] / G. Toury. – Tel-Aviv, 1980.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	3
ВВЕДЕНИЕ	4
Тема 1. НОРМАТИВНЫЕ АСПЕКТЫ ПЕРЕВОДА	6
Тема 2. ПЕРЕВОДЧЕСКИЕ СООТВЕТСТВИЯ	13
Тема 3. ПРАГМАТИКА ПЕРЕВОДА	23
Тема 4. СПОСОБЫ ОПИСАНИЯ ПРОЦЕССА ПЕРЕВОДА	33
Тема 5. ТЕХНИКА ПЕРЕВОДА	41
Тема 6. ПРИЕМЫ ПЕРЕВОДА НА ОСНОВЕ СИСТЕМНЫХ ЭКВИВАЛЕНТНЫХ СООТВЕТСТВИЙ (ТИПОЛОГИЯ ПЕРЕВОДЧЕСКИХ ЭКВИВАЛЕНТОВ)	48
Прямая / простая подстановка	48
Узуальная подстановка	54
Простая альтернативная подстановка	60
Сложная альтернативная подстановка (дифференциация значений)	62
Тема 7. ПЕРЕВОДЧЕСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ (ТРАНСФОРМАЦИОННЫЙ ПЕРЕВОД)	66
Дефиниция понятия трансформации	66
Объективные и субъективные переводческие трансформации	67
Мотивы переводческих трансформаций	69
Расхождение систем ИЯ и ПЯ как причина переводческих трансформаций	71
Расхождение норма ИЯ и ПЯ как фактор переводческих трансформаций	74
Расхождение в узусах как причина переводческих трансформаций	75
Расхождение коммуникативно-релевантных информационных запасов носителей ИЯ и ПЯ как фактор переводческих трансформаций	79
Классификация переводческих трансформаций	83
Грамматические трансформации	84
Лексико-грамматические трансформации	85
Семантико-содержательные (глубинные) трансформации	86
Тема 8. ПРИЕМЫ ПЕРЕДАЧИ БЕЗ ЭКВИВАЛЕНТНЫХ НОМИНАЦИЙ	97
Транслитерация	100
Транскрипция	102
Калькирование	103
Географические дублеты / географические модуляции	104
Уподобляющий / приближенный перевод (аналоговая замена)	105
Описательно-разъяснительный перевод	106
Синонимический перевод / синонимическая замена	108
Новообразования	109
«Ложные друзья переводчика»	111
Тема 9. ПЕРЕВОД НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ. СЛОВАРИ И РАБОТА СО СЛОВАРЯМИ	116
Реферирование специальной литературы	118
Аннотирование специальной литературы	121

Словари. Работа со словарями.....	122
Процесс перевода письменного текста.....	123
Тема 10. ЭТИКА ПЕРЕВОДЧИКА.....	125
Сущность профессиональной этики переводчика.....	125
Моральные принципы переводчика.....	126
Нормы профессионального поведения переводчика	131
Профессиональная пригодность и профессиональные требования	134
Правовой и общественный статус переводчика	136
Должностная характеристика Переводчик Должностные обязанности	136
КРАТКИЙ СЛОВАРЬ ПЕРЕВОДЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ.....	140
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	150
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК.....	151

Учебное издание

Каргина Елена Михайловна

ТЕОРИЯ ПЕРЕВОДА

Часть 2

Основы методологии и техники перевода

Учебное пособие

В авторской редакции

Верстка Т.А. Лильп

Подписано в печать 10. 10.14. Формат 60×84/16.

Бумага офисная «Снегурочка». Печать на ризографе.

Усл.печ.л. 9,07. Уч.-изд.л. 9,75. Тираж 80 экз.

Заказ № 333.

Издательство ПГУАС.
440028, г. Пенза, ул. Германа Титова, 28.